

ISSN 0494-7304 0207-4486

UNIVERSITAS TARTUENSIS

LINGUISTICA

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЬЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. ВИНК 736 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

UURIMUSI ÜLD- JA KÕRVUTAVA
KEELETEADUSE ALALT
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОБЩЕМУ И
СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ
LINGUISTICA

TARTU 1986

Toimetuskolleegium:

Paul Ariste, Karl Lepa, Helgi Liin, Oleg Mutt,
Juhan Tuldava (vastutav toimetaja), Enn Veldi

Редакционная коллегия:

Пауль Аристе, Карл Лепа, Хельги Лиин, Олег Мутт,
Юхан Тулдава (ответственный редактор), Энн Вельди

Kogumik "Linguistica" ilmub alates 1969.a. Käesolevas XIX väljandes on avaldatud rida uurimusi üldise ja kõrvutava keeleteaduse alalt. Autorid on Tartu Riikliku Ülikooli õppejõud ja külalisautorid.

Сборник "Linguistica" публикуется начиная с 1969 г. Настоящий 19-й выпуск содержит статьи по общему и сопоставительному языкознанию. Авторами статей являются преподаватели Тартуского государственного университета и исследователи из других городов.

The collections "Linguistica" have been published serially since 1969. The present issue No. 19 contains investigations in the field of general and confrontative linguistics by authors from Tartu State University and elsewhere.

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 736.
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОБЩЕМУ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ.
Лингвистика.
На русском языке.
Рецензы на немецком и английском языках.
Тартуский государственный университет,
5009, 202400, г.Тарту, ул.Пилосола, 14.
Ответственный редактор Н. Тулдава.
Подписано в печать 16.04.1985.
№ 03266.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Киевкопоз. Ротоншта.
Учбно-издательских листов 10,69. Печатные листы 10,75,
Тираж 500.
Заказ № 357.
Цена 1 руб. 60 коп.
Типография ТГУ, 5009, 202400, г.Тарту, ул.Пилосола, 14.

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОЮЗАХ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

П.Ю. Альве

Следы примитивного бессоюзного предложения продолжают сохраняться во всех уральских языках, но наиболее отчетливо это проявляется в языках самодийской группы. В них и сейчас практически употребляются простые бессоюзные предложения, которые по своей конструкции можно подразделить на более простые и более сложные. Последние выражают мысль, для передачи которой в языках с более развитой грамматической системой употребляется или сложное или составное предложение. В самодийских языках в таких случаях простое предложение имеет в своем составе отглагольное существительное, причастие или герундий.

Исследователями синтаксиса финно-угорских и самодийских языков (А. Клеми, Д.Р. Фокош-Фукс, П. Равила, Н. Терещенко и др.) установлено, что переход к употреблению союзных слов был постепенным, и в разных языках он произошел в разной степени, при этом значительное влияние на них оказали другие языки. Западные финно-угорские литературные языки были в длительном контакте с разными индо-европейскими языками, таким образом в течение всего этого времени в них смогли формироваться союзные слова, основывающиеся на исконной лексике.

Число заимствованных союзов в прибалтийско-финских языках невелико. Вместе с другой обширной лексикой германского происхождения был заимствован союз ja (ср. гот. jah 'и'), а также, очевидно, финское eli, древне-эстонское elik 'или' (ср. древне-норвежское ella, elliga 'иначе'). В венгерском языке богатая система союзов образовалась исключительно на основе собственной лексики, в то время как развитие бессоюзного соединения в союзное бесспорно произошло под влиянием других языков.

Иной предстает картина в тех финно-угорских языках, где формирование письменных языков совершалось в сравнительно короткий промежуток времени, зачастую форсированно, в основном в советский период. В них, наряду с другими словами, имеется большое количество союзов, заимствованных из русского языка. Это относится преимущественно к мордовским

языкам. В пермских и особенно в обско-угорских языках лучше сохранились древние инфинитные конструкции. По этой причине в них число союзов меньше, при этом в некоторых языках (прежде всего марийском и удмуртском) рядом с образованиями из исконных слов заметное место занимают татарские заимствования. Однако в общей картине заимствований их число значительно меньше, чем количество союзов, взятых из русского языка, поскольку и в самих тюрко-татарских языках употребленные союзы сравнительно невелики.

В качестве источника заимствований союзов для уральских языков следует выделить также латышский язык, хотя его влияние ограничивается лишь ливским языком и некоторыми южно-эстонскими диалектами. Поскольку ливский язык не имел прямых контактов ни с русским, ни с тюрко-татарскими языками, то и заимствований на этих языках в нем нет.

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы представить сводную картину союзов, заимствованных из русского языка в уральские. За исключением ливского и венгерского, их можно найти в той или иной мере во всех языках, в том числе в финских и эстонских диалектах и даже в самодийских (особенно южно-самодийских) языках.

Поскольку основной целью здесь является рассмотрение заимствованных союзов в языках уральской группы в целом, а не по отдельности, то ниже союзы будут представлены как словарные статьи в алфавитном порядке. Слитные и составные союзы с исконным компонентом даются в статье под соответствующим заимствованным простым союзом.

а и др. 'а, но' < а
 вст. диал. а 'а, но', ф. диал. а 'mutta, entä' (Генец),
 (Ленинградская обл.) а 'а' (Кукконен), вод. а 'но', 'пей'
 (Альквист), а 'mutta' (VKKMS), иж. а 'а, но', 'aber' (Порк-
 ка), а 'mutta, kun taas' (IS), кар., карли. а 'mutta'
 (Генец), карлю. а 'mutta, taas, -kä' (Куёла), 'aber' (Мик-
 кола), вепс. а 'mutta, vaan' (Кеттунен), а 'а' (ГВЯ).

саам. а 'а' (Керт), мд. а 'но', 'а' (Евсеев), мар. а
 'а' (Галкин), к. а 'а' (Лыткин), 'aber, sondern' (Калима),
 х., манс. а idem.

кам. а 'aber, jedoch; nun, na' (Йоки), сельк. а 'а'
 (ОСЯ), нен. нга (= ца 'а, да' (Терещенко).

Союз а во всех языках имеет в основном то же адверза-
 тивное значение, что и в русском литературном языке ('а,но').
 Например, мар. кайык пунжо дене мотор, а айдеме - ушык 'пти-
 ца хороша перьями, а человек умом' (поговорка).

В слитном союзе эст. диал. agu 'а, если' и составном союзе вепс. a še 'taikka' (Кеттунен) только элемент a заимствован из русского языка. Образцом для вепсского a še послужило русское ато 'или, иначе', вторая часть которого, то, передана вепсским словом še 'это'. В тихвинском диалекте карельского языка составной союз a ei što 'а не то' (Рягоев) также содержит исконный элемент ei.

a to 'иначе, в противном случае' < a to
эст. диал. a to 'иначе, в противном случае', вод. sto
'опять, иначе', карк. a to 'тогда'.

саам. a to 'а то' (Керт), удм. a to 'а то' (Калашникова).

Составной союз a to в основном имеет адвербативное значение. Напр. саам. boga rad' i jel' čask, a to miš'igka kudjer 'ради бога, не бросай, а то останемся без меча'.

ali, al'e и др. 'или; либо' < диал. али
эст. диал. (Лутси) ali 'или; но', вод. ali 'или; ли',
карк. al'i 'tahi, vai' (Куйола), вепс. al'i, al' 'taikka,
vai, eli' (Кеттунен).

саам. al'i (il'e) 'или' (Керт), мар. але 'или' (Галкин), к. ali 'oder, oder vielleicht' (Калима), х. ali 'либо; или'.

кам. āli 'oder' (Йоки), али 'или' (Кюннап), ali 'oder' (Кастрен), нен. али 'или' (Терещенко).

Разделительное ali, al'e употребляется для соединения слов как с однородными, так и неоднородными значениями. Например, эст. диал. (Лутси) tai al'i timäl 'tai 'у него' или timäl 'у него'.

В водском языке форма dali 'tai' (Пости, Сухонен) рассматривалась как контаминация приб.-фин. tahi (lka) и русского или. Его можно рассматривать и как комбинацию da с ali. В западно-водских диалектах наряду с dali употребляется dalisko. Элемент -ko в нем является исконным вопросительным суффиксом.

al'e ... al'e 'или ... или; либо ... либо' < диал. али ... али

мар. але ... але 'или ... или' (Галкин). В отдельных языках можно предположить и союз ali ... ali, но данные об этом пока не известны (ср. выше ali).

Повторный союз al'e ... al'e по своей функции является разделительным. Напр. мар. эра вашмут лийшап: але трак-

тор, але отказ 'завтра должен быть ответ: либо трактор, либо отказ'.

bud'e, bud'i 'если, даже если; возможно' < арх. буде
idem

карЛю. bud'e 'jov, jovra; ehkĕ, miika' (КуЙола), вепс.
bud'e 'если' (СВЯ). В вепском языке это слово выступает и
как наречие.

эрс. буди (бути) 'если' (Евсевьев).

Сюжз bud'e, bud'i по своей функции является условным.
Напр. вепс. l'idotan niinen järveh, bud'e järvi l'ähen om 'за-
мочу лико в озере, если есть озеро поблизости'.

butto, bötto и др. 'будто' < будто, диал. бмйдто,
буйтто, бытто, быдто idem

эст. диал. (Сету) bötto 'будто', ф. вост. диал. puit-
ta, puitto, (Ленинградская обл.) puitto idem, вод., их.
butto 'будто', карС. budto, buitto 'niinkuin' (Генец),
карК. buitto 'будто', карВ. budto idem.

эрс. буто, мокш. бта 'будто', bata (Серебренников),
мар. пуйто idem, удм. будто (ке) idem, к. быттѳ idem,
byd'tš, byttš, byd'tšn и др. 'wie, wie wenn, als wenn, als
ob, gleichsam, dass etwa' (Калима).

сельк. pytta by 'gleich als wenn'. Рус. будто бы
(Кастрен). С частицей бы он фактически составляет сложный
сюжз, который в других уральских языках не зарегистрирован.

Функция сюжза butto, bötto во всех языках компаратив-
ная. Напр. эст. диал. (Сету) bitto saataš 'как будто дождь
идет'.

Особо следует выделить составной сюжз butto što 'будто
(что)' (< будто что) в тихвинском диалекте карельского
языка. Исконный послелог употребляется в ф. диал. puitto kun
'juuri kun', кар. buitto kuin 'niinkuin' (Генец), карЛи.
buitto-kui 'ikään-kuin' (Генец), карЛю. buito-kui, butto-kui,
butò kui, butto-ku 'ikään kuin, aivan kuin' (КуЙола). В диа-
лектных формах финского языка puitto/s, puitto/mais 'mi-
ka(mas), ikään kuin, kuulemma' (SKES) и (Ленинградская обл.)
puitto/staa 'как будто, будто бы' (Кукконен) заимствована
лишь основная часть слова.

В коми языке наряду с быттѳ употребляется форма с ис-
конным послелогом быттѳ/ко, быттѳ/конось (ср. kö 'когда',
конось 'где') и byd'tš/n, byd'tš/nš, byd'tš/nšš (Калима).
В мокшанском составном сюжзе стане, кода бта 'так, как будто'

компонент бта тоже следует за исконным словом кода 'как'.

ĉem, ĉim 'чем' < чем

карВ. ĉim 'чем', карК. ĉem idem, карК. литер. sem 'чем'.

Употребление союза ĉem, ĉim с компаративным значением ограничивается только Калининским диалектом карельского языка и литературным языком, в котором он взят за основу. Напр., карВ. emämbi miuŝša raivoa ĉim äiuŝša 'у меня больше шира, чем у тебя'.

da, ta и пр. 'и; хотя, но' < да

эст. диал. (Лутси) da 'и, но', вод. da (de) 'и', 'och' (Альквист), иж. da, ta 'и', кар. da 'и', карЛи. da idem, карЛю. da 'ja; niin; mutta' (Куйола), вепс. da 'ja' (Кеттунен).

саам. t'e 'и' (Керт), эрз. ди, мокш. да 'и, но', мар. да idem, к. да 'ja, und, aber, sondern' (Калина), да 'да' (СКЯ).

кам. da, de 'aber, trotzdem; und' (Йоки), da 'und' (Кастрен), сельк. da 'und' (Кастрен), нен. та 'да' (Тереценко).

Функция da, ta в основном копулятивная. Напр., карС. on miŝikalla kaksi poikoa da kolmas tytär 'у мужика два сына да третья дочь'.

В отрицательных предложениях в карельском языке имеется сложный союз da ni (ср. рус. да ... ни).

dai, da-i 'да и' да и

вод. dai 'да и', d'i idem иж. dai 'und auch' (Поркка), кар. dai 'да и', da-i 'ja mužskin, mužs' (Генец), карТ. da-i 'да и' (Рягоев), карЛи. da-i 'ja mužs, niin sittem' (Генец), карЛю. dai 'ja, sekä, mužs' (Куйола), dei 'mutta ei' (Куйола), вепс. da i, dai, dei, d'ä, d'ä 'ja' (Кеттунен).

к. дай 'да' (СКЯ).

Употребление этого союза в копулятивном значении ограничивается в основном прибалтийско-финскими языками.

dali 'либо, или' - см. ali

hot', hoä, köt' и др. 'хоть' < хоть, хотя, диал. хос, хош

эст. диал. hot', (Лутси) hot's 'хотя бы', hot' 'wenn

auch' (Видеманн), ф. диал. hot', hot 'vaikka' (Генец), hoš 'vaikka' (Генец), вод. hot' 'хотя и', hot, hoti, 'ehuru', hoš 'ом' (Альквист), иж. hot 'obgleich' (Поркка), кар. hot 'vaikka', hoš idem (Генец), карВ. hot' 'хоть, хотя и; или?', карЛн. hot 'vaikka, ehkä', hoš 'vaikka' (Генец), карЛю. hot', hod', hot hod'ä 'vaikka, edes, tahansa' (Куйола), вепс. hot', 'tai, eli, 'vaikka' (Кеттунен), hoš, hoša 'ehuru, om osk, blott' (Альквист).

эрс. коть, мокш. хоть 'хоть', Хот' 'хотя' (Серебренников), мар. кеч, коч, коть, хоть 'хотя, хоть' (Галкин), удм. коть 'хотя', к. кѳт idem, кѳт', кѳт'а 'obgleich, freilich', 'wenn auch; etwa ungefähr' (Калина), х. кѳт, кѳа, кѳя, кѳя 'хотя; как', манс. коэ, Хос 'хотя'.

кам. коэ 'obwohl' (Кастрен), сельк. коэ, коэ 'obwohl; wenn nur' (Кастрен), северносамод. (спорадически) хоэ, коэ, кот', кат' = рус. хоть (Кастрен), нен. хос idem (Терещенко).

Сюжз hot', hoš, kot' имеет в основном concessивную функцию. Напр., вод. hoš niitä tšümšene kōttaa räivāz, a villi äina kasub 'хоть десять раз в день коси, а зерно все растет'.

Особо следует выделить в карельском языке формы, оканчивающиеся на -i, hot' i, hoti 'хотя и'. Они представляют собой комбинацию сюжза hot' с частицей i, взятых из русского языка (< хоть и). То же самое в вепсском языке: hot' i 'хотя и' (ГВЯ).

В мансийском наряду с заимствованным коэ 'хотя' с тем же значением употребляется koskēpäl (košt'epäl), конечная часть которого является исконной. В значении 'хотя' в марийском языке употребляется форма дыкынат, составными частями которого являются русское диалектное дак и исконное гмынат 'хотя'.

hot ... а 'хоть ... а' < хоть ... а
вепс. hot ... а 'хоть ... а'.

Такая союзная конструкция встречается редко. Единственный пример употребления этого сюжза имеется в южно-вепсском диалекте: hot i rikta a ajamā 'хоть и нельзя убивать, а (~ но) пойдем'.

В гижвинском диалекте карельского языка употребляется смешанный тип этой конструкции hot' ... ni 'хоть ... а' (Рягзов), где ni 'тогда, то' является исконным словом (ср. кѳа ... ni 'если ... то').

hot' ... ali 'хотя ... но' < хоть и али

эст. диал. (Лутси) hot' ... ali 'хоть ... но'.
Напр. hot' timē jōt'k', ali tarpei' 'хоть он и пил, но не дрался'. Обычное разделительное значение союза ali здесь заменено адверсативным.

hot ... dali 'хоть ... да' < хоть и dali

вод. hot ... dali 'хоть ... или'. Напр. hot hūhattoma dali pōletettamē 'хоть обнуханный или сожженный'. О компоненте этой союзной конструкции см. выше (под ali). По функции hot ... dali является разделительной.

hot' ... hot' 'хоть ... хоть' < хоть ... хоть

вод. hot ... hot и др. 'хоть ... хоть', карк. (литер.)
hotj ... hotj idem, карВ. hot' ... hot' idem, вепс.
hot' ... hot' 'joko ... tai' (Кеттунен).
южносамод. koš ... koš 'хоть ... хоть' < хощь ...
хощь (Кюннап).

Повторный союз hot' ... hot' 'хоть ... хоть' так же как и в русском языке имеет разделительную функцию. Напр. вепс. hot' kažim poig hot' keda meĭ hēž urentōt'a 'хоть котенок, хоть кто, а утопи'.

i 'и' < и

эст. диал. (Лейву) i 'и', ф. диал. i idem, вод. i 'и; тогда', 'och' (Альквист), иж. i 'und' (Поркка), кар. i 'ja, муѳа' (Генец), карЛи. i 'и', карВ. i idem, карЛю. i 'ja, -kin' (Куйсала), вепс. i 'и', 'och' (Альквист, 'и' (СВА).

саам. i 'и' (Керт), мд. и 'и', к. и idem х., манс. i idem.

кам. i 'und' (Йоки), и 'и' (Кюннап), сельк. i 'und, auch' (Кюстрен), и 'и' (ОСЯ), северносамод. (редко) и 'и' (Терещенко).

Функция союза i копулятивная. В этом отношении он совпадает с вышеуказанными союзами da и dai.

Частичное заимствование представляет собой компаративный союз kuť i, kuť i 'как, подобно', начальный элемент которого kuť является исконным (ср. ф. kuten). Напр. võgi kuť i kažin 'и пояс как у кошки'.

i ... i 'как ... так и' < и ... и

вод. i ... i 'как ... так и', иж. литер. i ... i idem

вепс. i ... i 'sekä ... että' (Кеттукен).

ид. и ... и 'как ... так и'.

Займованное i ... i имеет копулятивное значение. Напр. вод. viäilä on i kereta i ragedä 'там есть как коромысла так и ведра'.

В собственно-карельском литературном языке примером составного союза является ku i ... siä i 'так ... как и', в котором русское копулятивное и ... и сочетается с исконными словами (ku i, siä i).

В вепском составном союзе ku i ... i 'пока ... и' (ГВЯ) конечный компонент представлен тем же и. Ср. также вепс. sent äht i (ГВЯ). Займованные из русского но и и в мордовских языках входят в сложный союз эрв. аволь ансяк ... но и, мокш. аф аньцек ... но и 'не только ... но и'. Начальная часть этого союза аволь, аф является исконной, следующая — ансяк, аньцек представлена тюркским займованием ('только'). В мокшанском союзе koda vtañ i 'как, так и' (Серебренников) вновь встречается русское и. В союзе коми языка не сёмни ... но и с тем же значением содержится исконный элемент сёмни 'только'.

ibo 'ибо, поскольку' < ибо

вепс. ibo 'ту' (Альквист).

Союз ibo является каузальным по функции. Частота его употребления незначительна. Единственный пример находим у Альквиста: algei lingei heile mugomad; ibo t'etab tāt teide, mis teil on nñä 'не будьте такими, ибо ваш отец знает, что вам надо'. В других прибалтийско-финских языках этот союз не зафиксирован.

ili, il'e и др. 'или, либо' < или

вод. ili 'или', иж. ili 'odex' (Поркка), карВ. il'i 'или, либо', карЛн. ili 'eli, tahi' (Генез), карЛю. il'i 'eli, tahi, vai' (Куйола), вепс. ili 'talkka, vai, eli' (Кеттукен), 'eller' (Альквист), il'i 'или' (СВЯ).

саам. il'e 'или' (Керт), эрв. эли, или, мокш. или idem, к. ли 'или', ili 'odex' (Калима).

Функция союза ili, il'e разделительная как в близко-, так и неблизкородственных языках.

ili ... ili и др. 'или ... или' < или ... или

кар. ili ... ili 'или ... или', карВ. il'i ... il'i idem, вепс. литер. ili ... ili idem.

мд. или ... или 'или ... или', или ... или 'или ... или' (Серебрянников), к. ли ... ли idem.

Разделительное или ... или не является настолько общим для языков, как это видно при простом или. Оно имеет значение 'или ... или', как и в русском языке.

инь 'но, тогда' < ино

к. инь 'dennoch' < ино 'aber, so - wieder, so - doch' (Калима).

У Калима отсутствует пример, но русское предложение, приведенное им в качестве объяснения (свать, такъ свать: а не свать, инъ добрый человекъ) показывает, что по крайней мере в русском языке слово инь является союзом.

ито 'ито, да и' < арх. ито

вод. ито 'ито, да и'. В других прибалтийско-финских языках не известен.

мокш. ито 'даже, и' (ГМЯ), ито 'даже' (Серебрянников), мар. ито 'ито' (СПСМ).

В водском языке ито имеет как адвербиальное, так и concessивное значение: jūnez on pēni, ito pikkaraižē kanna kannaВ 'заяц мал, да и хвост у него крошечный'.

jesli, ježel' и др. 'если (усл.)' < если, арх. ежели, диал. естли

вод. jesli 'если (усл.)', иж. jesli 'wenn' (Поркка), кар. jeesli, ješli, jesl'i, jesli, ježel'i, d'eizel' 'jos' (ККС), карК. ješl'i, ješl'i 'если', карВ. ješl'i, ježl'i idem, карЛю. ježel', ježel' 'jos, kuin' (Куйола), вепс. jesli 'jos' (Кеттунен), jestli 'om' (Альквист), ježeli idem (ГВЯ).

саам. ješli 'если' (Керт), эрв. если, ежели 'если' (Евсеев), удм. если 'если', к. ježöli: ježöli-kü 'wenn' (Калима), х. jesli 'если'.

кам. ježli 'если', ježeli idem < рус. ежели 'wenn', sobald als' (Моки), сельк. ješeli 'wenn' (Кастрен), jesli (ОСЯ), северносаамод. (спорадически) ješeli (Кастрен), нен. есали = рус. ежели (Терещенко), южносаамод. если 'если' (Киннап).

Варьирование звуков указывает на то, что источником заимствования были как русское если, диалектное естли, так и архаичное ежели. В коми языке ježöli-kü фактически является плеонастической формой, в которой конечный элемент -kü

также имеет значение 'если'. Подобное наблюдается и в прибалтийско-финских языках, напр. вод. jesli kens 'если'; кар. jesli(ku) карк. jesli kun idem. Напр., кар. jesli(ku) tulloo, sid minä hanelles sanon (KKS) 'если он придет, то я ему скажу'.

Функция jesli, ježel' во всех случаях кондициональная.

jēsli ... to и др. 'если ... то' < если ... то
вод. jēsli ... to 'если ... то', кар. jesl'i ... to idem.

Напр. карк. jesl'i dogadit tovarišsis, to šano, što l'äheimä jevella 'если увидишь товарища, то скажи, что мы пойдем на речку'.

В прибалтийско-финских языках вошла в употребление парная конструкция, в которой конечный компонент представлен исконным словом, напр. карк. jēsli ... nīn 'если ... то', jesl'i ... šillo in idem. По такому же принципу образовано саамское jesli ... tanna 'если ... тогда' (Керт).

jesl'i-būi 'если (усл.)' < если-бы

вепс. jesl'i-būi 'если'. Этот союз приводит Базилир из записей речи исаевских вепсов.

В мордовских языках соединение русской частицы бы и собственного кода образовало сравнительный союз эрз. кода бу, мокш. кода ба 'как бы'.

kabu, kaba и др. 'кабы (усл.)' < арх. кабы
эрз. кабу 'кабы (усл.)', мокш. каба idem.

южносамод. kabe 'wenn', kaabe 'doch' (Кюннап).

Насколько свидетельствуют имеющиеся данные, сравнительный союз kabu, kaba главным образом употребляется в мордовских языках. Напр. эрз. парояк улевель, кабу чавовлинь зарояк нармуть (ГМЯ) 'было бы хорошо, кабы я убил несколько птиц'.

как 'как' < как

карк., карли. как 'как'.

х. как 'как только' (Майтинская).

кам. как 'wenn, als' < рус. как 1. (Adv.) wie; 2. (Конж.) als' (Йоки), южносамод. какь 'как' (Кюннап); сельк. кару 'als wenn' рус. какъ бы (Кастрен).

Функция союза как компаративная, как и в русском языке.

В плеонастическом эст. диал. (Лутси) kakku можно выделить как и исконное kui, напр. engerde leš kakku vaL 'извивался как червяк'. Ср. образования этого же типа, приведенные выше: вод. jesli kens, кар. jesli(ku) 'если (усл.)'.

kl'i 'если (усл.)' < арх. коли

мокш. кли 'если' (ГМЯ).

Мокшанское кли является редуцированной формой рус. коли; в обоих случаях значение кондициональное. Напр. мокш. кли ашеть шарьхкоде мезе тиемс пеняндак эсь лангост 'коли ты не понял, что надо делать, то пеняй на себя'. Ср. напр. рус. коли ехать - так ехать.

kromi 'кроме' < кроме

вепс. литер. kromi 'кроме'.

Союз kromi в грамматике вепсского языка включен автограми Хмяляйненем и Андреевом. Ни в хивой речи носителей языка, ни в словаре вепсского языка (СВЯ) он не фиксируется.

libo, l'ibo, l'ubõ и др. 'либо' < либо, арх. любо

вод. libo 'eller' (Альквист), иж. libo 'tai' (IS), карли. libo 'tai', eli (Генец), карлю. l'ibo, libo 'tahi, vai, eli' (Куйола), вепс. l'ibo 'tai, eli' (Кеттунен), l'ibo 'или, либо' (СВЯ), l'ibo 'либо, но' (ГВЯ).

горно-мар. ливы, ливь 'либо', удм. либо 'либо' (Майтинская), к. libõ 'oder' (Калима), либо 'либо' (Майтинская), l'ubõ 'oder' (Калима).

Союз libo, l'ibo, как и ili, il'i имеет разделительную функцию.

l'ibo ... il'i 'либо ... или' < либо ... или

кар. l'ibo ... il'i 'либо ... или' (KKS).

В "Словаре карельского языка" отмечается, что этот союз устарел и употребляется редко. В этом случае произошло смешение двух одинаковых разделительных союзов l'ibo ... libo и il'i ... il'i.

libo ... libo и др. 'либо ... либо' < либо ... либо

карв. libo ... libo 'либо ... либо', кар. литер. либо ... либо, вепс. литер. libo ... libo idem.

к. libõ ... libõ 'entweder ... oder' (Калима).

сельк. liba ... liba 'entweder ... oder' (Кастрен).

ni ... ni, ne ... ne и др. 'ни ... ни' < ни ... ни

карв. ni ... ni 'ни ... ни', карт. ni ... ni 'ни... ни' (Рягоев), кар. литер. ни ... ни, ni ... ni idem, карлю. ni ... ni 'en ... enkä, et ... etkä jne.' (Куйола), вепс. ni ... ni 'hvarken ... ej heller' (Альквист), ni ... ni

'ei ... eikä' (Неттунен) ni ... ni 'ни ... ни' (СВЯ), ne ... ne idem (Базилир).

удм. ne ... ne 'не то ... не то' (ГСЯ), к. ni ... ni 'veder ... noch' (Калима), ni ... ni 'ни ... ни' (СКЯ).

сельк. ni ... ni 'ни ... ни' (Майтинская).

В копулятивной конструкции ni ... ni повторяется русское отрицание ни. Напр. карв. ni šeivēšta, ni tarhōa ni-ni dā ei jōvra 'ни кола, ни двора, ничего у него не осталось'. В водском, карельском и вепском языках первый компонент часто опускается, т.к. его заменяет локонный глагол с отрицательным значением. Напр. вод. hān on armatoina, hänell eb õ tättä ni māmā (VKMS) 'он сирота, у него нет ни отца, ни матери'.

no 'но' < no

ф. димал. no 'но' (Куиконен), вод. no 'но', no 'но; mutta' (VKMS), карв. no 'но', карт. no 'но' (Рягоев), кар. литер. no 'но', карль. no 'но; mutta' (Куйола), жк. no 'mutta' (IS) вепс. литер. no idem.

саам. no 'но' (Майтинская), мокш. no 'но' (ГМЯ), мар. no 'но' (Галкин), удм. no 'но', к. no 'но, а' (КРС), к. no 'хотя, но', манс. no idem.

ижносамод. no 'aber' (Кюннап).

Функция no во всех языках адверзативная.

odnako и др. 'однако' < однако

вод. odnako 'но', кар. литер. однуако 'однако', карль. odna'ko, odnako, onnako, annako, onnako, 'nähtävasti, mutta, kuitenkin' (Куйола), вепс. odnako 'likve'i' (Альквист).

к. odnako, ōdnakš 'jedoch, aber' (Калима), к. otnako, otnako 'однако' (Майтинская).

кам. onako 'jedoch' (Кастрен), сельк. onnaka, annaka, atnako 'jedoch' (Кастрен), северосамод. (спорадически) upaka (Кастрен).

Союз odnako имеет в основном адверзативную функцию, но может иметь и concessивную.

roka и др. 'пока' < пока

карк. roka 'пока'.

кам. roka 'solange, während' (Моки).

Частота употребления союза roka низкая; функция его темпоральная. Напр. карк. hiän ol' i koissa, roka ei kutsun

toveriassa 'он был дома, пока его не позвал товарищ'.

potomi što и др. 'потому что' < потому что

вод. potomi što 'потому что', карГ. potomi što 'потому что' (Рягоев), карВ. potomi što 'потому что', карЛя. potomistõ 'sen tähden että' (Куйола).

Функция союза potomi što каузальная.

В карельском языке начальный элемент сложного союза русского языка потому что заменен исконным словом sentäh, sentän и др.; в результате чего возникли смешанные формы senen täh što, sentäh što, sentän ... što, карС. литер. сендах что, сентях что, карК. литер. sentäh sto, sentän sto 'потому что'.

rounu и др. 'ровно' < ровно

карЛя. rounu 'juuri, ikään, aivan kuin' (Куйола), карК. rouno 'ровно'.

Этот редко употребляемый союз имеет компаративную функцию. Напр. карК. hiän radizi hävin kašelakäi rouno (~ kuin) kašelaine öli 'он говорил хорошо по-карельски, ровно сам был карел'.

В вепском языке rouno (< ровно) сочетается с исконным союзом ku 'как', образуя сложную форму rouno ku 'ровно, как' с компаративной функцией.

što и др. 'что; чтобы; так что' < что

вод. što 'что', što 'att' (Альквист), ин. sto 'että' (IS), 'dazä' (Поркка), кар. što 'että' (Генец), карВ. što 'что; если', карГ. što 'что, как', карЛя. što 'että' (Генец), карЛя. što 'että, kuin' (Куйола), вепс. (t)što 'как'.

саам. što 'что' (Керт), мд. што 'что', нар. што idem, х. što idem.

ижносамод. што 'что', što 'daß' (Кюннап), сельк. što 'что' (ОСЯ).

В русском языке союз что имеет ряд функций. То же самое наблюдается и у союза što в финско-угорских языках. В прибалтийско-финских языках он имеет прежде всего экспликативное значение; наряду с этим союзом широко употребляется в каузальной, concessивной и даже компаративной функциях.

В водском языке союз što имеет ещё и сложную форму etšto, ešto 'чтобы', в которой союзу što предшествует исконное etti 'что', имеющее то же значение 'что, чтобы'.

Вепский союз mi(t)što 'что, чтобы' (где mi 'что' +

+ (t)što < что) с экспликативной и финальной функциями имеет точно такую же структуру, что и форма etšto в водском языке.

В собственно-карельском литературном языке употребляется сложный союз с concessивной функцией muca što 'так что', в котором только вторая часть является заимствованной.

Заимствованное što входит также в сложную конструкцию карт. što ku ... ni 'если ... то', в котором ku и ni являются исконными.

štobi, štob и др. 'чтобы, чтоб' < чтобы, чтоб
вод. štobi, štob 'чтобы', иж. stob 'чтобы', карВ. štobi 'чтобы', карт. štobi 'чтобы' (Рягоев), карЛи. što-bi 'jotta' (Генец), карЛю. štobi 'jotta' (Куйола), вепс. štob, (t)štovu 'että, jotta' (Кеттунен).

саам. štob (štop) 'чтобы' (Керт), эрз. штобу, мокш. штоба 'чтобы', мар. чтобы idem, удм. штобе idem, х. štobi idem.

южносамод. штобъ 'чтоб', štob 'damit', кам. štöbe, štöb 'damit' (Кюннап), сельк. što by 'damit' (Кастрен), нен. стобы = рус. чтобы (Терещенко).

Как и в русском языке, этот союз имеет финальное значение ('чтобы'). Напр. эрз. войнань теицятненъ ёртсынек покш ведьс, штобу аволь уль вейкеяк война, штобу аволь уль ломань чавома 'поджигателей войны мы бросим в море, чтобы не было нигде войны, чтобы не было человекоубийства'.

В собственно-карельском литературном языке встречается сложная форма sendäh štobi, начальный компонент которого входит также в образование sendäh što (см. выше). Функция союза финальная.

žö и др. 'но, а, же' < же
к. жо 'но, же', žö, žös, ze 'aber' (Калима).

Как и русское же, коми žö имеет адверсативную функцию. Напр. кывнас сійö быдшор вöчö, делö вылас жо нинöм оз сулав 'на словах он имеет все, на деле же ничего'.

Русское же входит также в сложный союз карельского языка hin že 'также, тоже' (Рягоев).

В мордовских языках русское же является частью конструкции эрз. išt'a žo koda, мокш. stanä ža koda 'так же, как' (Серебренников).

tak '(если ...) так' < так

нен. так 'так' (Терещенко). В других уральских языках

как союз он не встречается. К числу немногих заимствованных сочинительных союзов (ali, на. ta) в самодийских (женском) языках Терещенко относит и форму tak, которая по мнению автора заимствована от русского наречия так (ср. 142). Фактически это слово заимствовано уже будучи союзом, хотя в русском языке оно употребляется и как наречие. Вместе с фразой типа экать, так экать заимствован и соответствующий союз. Напр. игэдалбсь так игэдалбсь, валамада меркурка 'если экать, так экать, только быстрее'.

tak što 'так что' < так что

вод. tak što 'так что'. В других языках союз не известен.

Функция союза tak što конъюнктивная.

taki 'все же, такж' < арх. таки

вод. taki 'все же, таки'. В других языках союз не встречается.

taki имеет адвербиальную и concessивную функции (Арис-га). Напр. tšälettü eli, tämë taki meni 'было запрещено, а он таки пошел'.

to 'то, тогда' < то

вод. to 'то, тогда', tõ 'muuten' (VKMS), жж. литер.

to 'то', нар. to idem.

мокш. to 'то' (Серебренников), мар. to 'то' (Майтинская), удм. to idem.

Функция этого союза как в русском, так и финно-угорских языках конклюдивная.

to ... to 'то ... то' < то ... то

эст. диал. (Сету) to ... to 'то ... то', вод. to ... to idem, нарС. литер. to ... to 'то ... то', нарК. литер. to ... to 'то ... то'.

мд. to ... to 'то ... то' (ГМЯ), мар. to ... to 'то ... то' (Галкин), удм. to ... to idem (ГСУЯ), к to ... to idem (КРС).

Элемент to входит и в другие комбинации, взятые без изменения из русского языка, напр. удм., к. не то ... не то 'не то ... не то', удм., к. то ли ... то ли 'то ли ... то ли' (Калашникова, СКЯ). Данных относительно того, насколько такие конструкции укоренились в речи, не имеется.

tol'ko и др. 'только' < только

карля. tol'ki, tol'ko, tol'ko 'matta; -ra, -ra' (Нуйола),
вепс. tol'ko 'только, лишь'.

В этом случае мы имеем дело фактически с наречием, которое может проявлять себя как союз в адверсативной функции. Напр. карля. l'õññii sijnadun, tol'ko sijnad millei ei heit-
tõze kõi 'я нашел клад, только не могу достать его'.

vet', võt и др. 'ведь' < ведь

эст. диял. wet' 'doch, dennoch' (Видеманн), vet, vet,
vetta 'ведь', вод. wed 'ju' (Альквист), ved' 'ведь', иж-
литер. vet 'ведь', карк. vet, ved' 'ведь', вепс. ved idem
(Альквист).

Форма ведь (ved') при заимствовании больше всего изме-
нилась в эст. диял. vetta. Функция vet' экспликативная.
Напр. карк. ñi-ññt'ã virt't'ã en t'iã, unahin, ved' mie vahna
'ни одной песни не знаю, забыл, я ведь старый'.

Заемствованные союзы русского происхождения имеются не во всех языках уральской группы. Как указывалось выше, они полностью отсутствуют в ливском и венгерском языках. Их нет также в эстонском и финском литературных языках (но можно встретить отдельные примеры в южно-эстонском и восточно-финском диалектах). Чрезвычайно широко употребляются союзы, заимствованные из русского языка, в восточных прибалтийско-финских языках (водском, ижорском, карельском, вепском) в них многовековые контакты с русским языком оставили заметный след. В самодийских языках примеры заимствованных союзов встречаются лишь в южной группе, в северных самодийских языках ещё Кастрен отмечал их полное отсутствие ("haben die nördlichen Zweige des Samojedischen keine eigentlichen Conjunctionen, стр. 606). Употребление русских элементов в речи отдельных носителей языка он считал случайным явлением. К настоящему времени картина изменилась, тем не менее Терещенко отмечает для современного состояния энецкого языка лишь небольшое число заимствований (ali 'или', na < a 'а, но', i 'и', tak 'так', Xov 'хотя', jesal'i 'если', stobi 'что-бы', стр. 142, 147). Самым архаичным до сих пор остается инганасанский язык, в котором не зафиксировано ни одного заимствованного союза, а немногочисленные исконные союзы находятся в стадии формирования.

В языках уральской группы насчитывается 49 союзов, полностью заимствованных из русского языка (в это число не включены ни производные от них, ни смешанные формы с искон-

ним элементом). В основном это простые союзы, а также 13 союзов с повторной конструкцией. Самое большое число заимствований насчитывается в прибалтийско-финских языках - 42, в неблизкородственных языках их 29, в самодийских (преимущественно в южной группе) - 17. Наиболее часто употребляемыми являются союзы a 'а', ali 'или', butto, bŕtto 'будто', da, ta 'да', hot', hoŕ 'хоть', i 'и', jesli, ježel' 'если (усл.)', libo ... libo 'либо ... либо', no 'но', odnako 'однако', štobi, štob 'чтобы' (ил), которые зафиксированы во всех языках уральской группы (прибалтийско-финских, неблизкородственных финно-угорских и самодийских). Часть союзов находит употребление лишь в отдельных группах языков, например: 1) прибалтийско-финских и неблизкородственных финно-угорских языках - a to 'а то', bud'e, bud'i 'будто', dai 'да и', i ... i 'и ... и', ili 'или', ili ... ili 'или ... или', ito 'что', kak 'как', libo, l'ibo 'либо, или', ni ... ni 'ни ... ни', to 'то', to ... to 'то ... то' (12); 2) прибалтийско-финских и самодийских языках - hot' ... hot' 'хоть ... хоть', poKa 'пока', što 'что' (3); 3) неблизкородственных финно-угорских и самодийских языках - kabu, kaba 'кабы (усл.)' (1). Можно выделить союзы, которые употребляются только в одной группе языков, или даже в одном языке: 1) в прибалтийско-финских языках - dali 'или', potomu što 'потому что', vet', vŕt 'ведь'; (эст. диал.): hot' ... ali 'хотя ... но', (водском): hot ... dali 'хоть ... или', tak što 'так что', taki 'так и'; (карельском): ŕem, ŕim 'чем', l'ibo ... il'i 'либо ... или', roŕnu 'ровно'; (вепском): hot ... a 'хоть ... а', ibo 'ибо', jesl'i-bŕi 'если бы (усл.)', kromi (литер.) 'кроме'; 2) в неблизкородственных финно-угорских языках - (мокшанском): kl'i 'коли (усл.)'; (марийском): al'e ... al'e 'или ... или'; (коми): inŕ 'ино' и др.; 3) в самодийских языках - (ненецком): tak 'так'.

Фонетическая форма заимствованных союзов довольно близка к исходной. Поскольку это поздние заимствования, в них редко наблюдаются сколько-либо заметные отклонения. В этом отношении выделяются только такие формы, как нен. pa < a, эст. vet, veŕta < ведь, мокш. kl'i < коли, карл. an-pàko, кам. anpàka < однако, вепс. geželi < ежели и др.

Очевидным является то, что среди заимствованных союзов нет ни одного из старославянского языка.

Наряду с полными заимствованиями в уральских языках

имеются примеры смешанных типов заимствований: одна часть составных парных и других конструкций имеет заимствованный элемент, другая часть базируется на исконной лексике. Создается впечатление, что при заимствовании союз переводился на родной язык, но не был переведен до конца. Попытка усвоить союз или сделать его понятным видна уже из того, что к нему иногда добавляется исконное слово с таким же значением или какой-либо другой элемент из родного языка. При этом в разных языках наблюдаются параллельные тенденции. В водском и вепском языках русское что и исконное etti, ni слились в форму etäto, ni(t)äto. В карельском союз ei ni состоит из заимствованного и исконного слов, имеющих одно и то же значение. Русское будто также оказалось более приемлемым в сочетании с исконным словом, напр. диал. ruitto kun, вепс. byd't's ku, к. byd't's/kö. К плеонастическим союзам такого типа относятся и вод. jesli ken, кар. jäsli kun (ср. если), вепс. ruvno ku (ср. ровно).

Сочетание заимствованного и исконного союзов можно заметить кроме того в следующих случаях: эст. диал. a/gu, вепс. a äe (ср. рус. аго), ku/i, kuni i (ср. и), кар. kui ... muga i, sendäh ätobi (ср. чтобы), a ei äto, muga äto, äto ku ... ni, sendäh äto (ср. что), hoč' ... ni (ср. хоть), саам. jäsli ... tanna (ср. если), зря. кода бу (ср. бы) и др.

Отдельно следует отметить зрянскую конструкцию аволь ансяк ... но и 'не только ... но и', в котором начальное слово исконное, второе тюркское, а конечная часть - русское заимствование.

То, как русские заимствованные союзы постепенно укореняются в языке, показывают примеры: ф. диал. ruitto/s, ruitto/maia, ruitto/ätaa, к. byd't's/n, byd't's/nö, byd't's/nä (ср. будто), äöe (ср. же) и др.

Заимствование союзов из русского и других языков в уральские значительно нарушило в них прежнюю структуру предложения. Некогда существовавший примитивный каркас ещё и сейчас прослеживается отчетливо в самодийских и в значительной степени в обско-угорских языках. В других же языках финно-угорская структура предложения в своём развитии достигла в основных чертах того же уровня, что и в соседних индо-европейских языках. Значительную роль в этом развитии сыграл русский язык и заимствованные из него союзы.

С о к р а щ е н н ы е названия языков и диалектов

вепс. = вепсский яз., вод. = водский яз., ин. = ингорский яз., к. = коми яз., кам. = камышнинский яз., кар. = карельский яз., карВ. = валдайский диал. карельского яз., карК. = каалининский диал. карельского яз., карЛл. = ливвиновский диал. карельского яз., карЛр. = лодиковский диал. карельского яз., карС. = собственно-карельский диал., карТ. = тиквинский диал. карельского яз., макс. = максийский яз., мар. = марийский яз., мд. = мордовский яз., мокс. = монганский яз., нг. = нганасанский яз., нен. = ненецкий яз., рус. = русский яз., саам. = саамский яз., самод. = самодийский яз., сельк. = селькупский яз., удм. = удмуртский яз., ф. = финский яз., х. = хантыйский яз., зрз. = зрянский яз., эст. = эстонский яз.

И С Т О Ч Н И К И

- Ahloqvist, A. Anteckningar i Nord-Tschudiska. Helsingfors MDCCCXLI (= Альквист).
- Ahloqvist, A. Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning. Helsingfors 1856 (= Альквист).
- Ariste, P. Vadjja keele grammatika. Tartu 1948 (= Аристе).
- Basilier, H. Versälsiset Isaijevan voolostissa. -SUSA VIII. Helsinki 1890 (= Базилир).
- Castrén, M.A. Grammatik der Samojedischen Sprachen. St. Petersburg 1854 (= Кастрен).
- Genetz, A. Suomen partikkelimuodot. Helsinki 1890 (= Генец).
- IS = Inkeröismurteiden sanakirja. Toimittanut R.E. Nirvi. Helsinki 1971.
- Joki, Aulis J. Die Lehnwörter des Sajan-samojedischen. Helsinki 1952 (SUST 103) (= Йоки).
- Kalina, J. Die russischen Lehnwörter im Syrjänilischen. Helsingfors 1911 (SUST XXIX) (= Калина).
- Karelsen, R. Sideaðnád lænameresoome kealtes. Diss. filol.-kand. tead. kraadi taotlemiseks. Tartu 1959. Рукопись в Научной библиотеке ТГУ.
- Kettunen, L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Helsinki 1943 (SUST LXXXVI) (= Кеттунен).
- KKS = Karjalan kielen sanakirja. Ensimmäinen osa. A-J. Helsinki 1968; Toinen osa. K. Helsinki 1974.
- Kujola, J. Luudiläismurteiden sanakirja. Helsinki 1944 (LSFU IX) (= Куёла).
- Oinas, F. Venäläisiä käännöslainoja itämerensuomalaisissa kielissä. Virittäjä 1952.
- Porkka, V. Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors 1885 (= Поркка).
- Samojedische Wörterverzeichnisse. Gesammelt und neu herausgegeben Kai Donner. Helsinki 1932 (SUST LXIV).
- SKES = Suomen kielen etymologinen sanakirja I-VI. Helsinki 1955-1978.
- VKKMS = Vatjan kielen Kukkosen murteen sanakirja. Ainekset kerännyt Lauri Posti. Painokuntoon toimittanut Seppo Suhonen Lauri Postin avustamana. Helsinki 1980.

- Wiedemann, F.J. Eesti-saksa sõnaraamat. Neljas, muutmata trükk teiseist, Jakob Nurga redigeeritud väljaandest. Tallinn 1973 (= Видеманн).
- Бузаков И.С. Сложное предложение в мордовских языках. Саранск 1973.
- Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть I. Йошкар-Ола 1964.
- ГВЯ = Зайцева М.И. Грамматика вепского языка. Ленинград 1981.
- ГМЯ = Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Часть I. Фонетика и морфология. Саранск 1962.
- Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения. Под редакцией В.И. Алатырева. Ижевск 1970.
- СУЯ = Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск 1962.
- Евсеев М.Е. Избранные труды. Том четвертый. Основы мордовской грамматики. Саранск 1963.
- Калашникова В.Г. Сложносочиненные предложения в удмуртском языке. Автореф. канд. дис. Тарту 1974.
- Керт Г.М. Саамский язык (кильдинский диалект). Фонетика, морфология, синтаксис. Ленинград 1971.
- Коляденков М.Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Часть III. Синтаксис. Саранск 1954.
- Коляденков М.Н. Структура простого предложения в мордовских языках. Саранск 1959.
- КРС = Коми-русский словарь. Под редакцией проф. В.И. Лыткина. Москва 1961.
- Куннонен А.И. О русско-финских межъязыковых контактах. Ленинград 1982.
- Кюннп А. Русские лексические заимствования в южносамодийских языках (XIX - нач. XX вв.). Fennougristica 6. Тарту 1980.
- Манова Н.Д. Сложноподчиненные предложения в коми языке в историческом освещении (основные типы). Автореф. канд. дис. Москва 1976.
- Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. Москва 1982.
- ОСЯ = Кузнецова А.И. и др. Очерки по селькупскому языку. Москва 1980.
- Прокофьев Г.Н. Селькупская грамматика. Ленинград 1935.
- Ромбандеева Е.И. Мансийский (вогульский) язык. Москва 1973.
- Ромбандеева Е.И. Синтаксис мансийского (вогульского) языка. Москва 1979.
- РУС = Русско-удмуртский словарь. Москва 1956.
- Рягов В.Д. Тихвинский говор карельского языка. Ленинград 1977.
- СВЯ = Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. Ленинград 1972.
- Серебrenников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. Москва 1967.
- СКЯ = Современный коми язык. Часть первая. Фонетика, лексика, морфология. Под редакцией проф. В.И. Лыткина. Сыктывкар 1955.
- Современный коми язык. Часть вторая. Синтаксис. Под редакцией Н.Н. Селькова. Сыктывкар 1967.
- Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола 1961.
- Современный марийский язык. Синтаксис сложного предложения. Йошкар-Ола 1961.
- Спорова А.И. и др. Коми-пермьятский кыб грамматика. Первой частью. Фонетика да морфология. Кудымкар 1961.

СПСМ - Васикова Л. П. Сложные предложения в современном марийском литературном языке. Йошкар-Ола 1982.

Тараканов И. В. Служебные слова тюркского происхождения в диалектах удмуртского языка. Вопросы удмуртского языкознания. Выпуск третий. Ижевск 1975.

Терещенко Н. М. Материалы и исследования по языку немцев. Москва - Ленинград 1956.

Языки и письменность народов Севера. Часть I. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. Под редакцией Г. Н. Прокофьева. Москва - Ленинград 1937.

ÜBER RUSSISCHE ENTLERNUNGEN IM BESTAND DER KONJUNKTIONEN DER URALISCHEN SPRACHEN

Paul Alvre

R e s ü m e e

Aus dem Russischen entlehnte Konjunktionen kommen in vielen uralischen Sprachen vor, eine Ausnahme bilden Ungarisch, Livisch sowie die estnische und finnische Schriftsprache. Ihre Anzahl ist in den ostseefinnischen Sprachen am höchsten (42), weiter folgen die übrigen finnisch-ugrischen Sprachen (29) und die Südgruppe des Samojedischen (17). Am verbreitetsten sind volle Entlehnungen, wobei in allen Hauptzweigen des Uralischen solche Konjunktionen vorkommen, wie a 'aber', ali 'oder', butto, bötto 'als ob', da, ta 'und, auch; aber', hot', hoš 'obwohl', i 'und', jealli, ježel 'wenn, falls', libo ... libo 'entweder ... oder', no 'aber', odnako 'jedoch, dennoch', štobi, štob 'daß, damit'. Daneben kommen auch Mischformen vor, in denen ein Teil der Konjunktion genuin, der andere entlehnt ist, z.B. wotisch et/što (wotisch etti + russisch что) 'damit'. Eine Konjunktion kann sogar eine Mischung aus den Elementen dreier Sprachen sein, z.B. mordwinisch воль ансяк ... но и, in der die erste Komponente genuin ist, die zweite aus dem Türkischen und die dritte und vierte aus dem Russischen stammen.

К ИССЛЕДОВАНИЮ РУССКИХ И ЭСТОНСКИХ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОПИСЫВАЮЩИХ ФОРМУ ПРЕДМЕТОВ

Р.А. Аллимере

В последние годы объектом многих работ в области семантики становятся лексико-семантические группы, т.е. группы слов, так или иначе связанные между собой - например, общность тех явлений действительности, которые обозначены этими словами (указанном здесь термине родства, цветоименования, глаголы с общим компонентом "получать свет", наименования посуды и кухонной утвари и т.п.). В настоящей работе объектом исследования будет группа русских и эстонских прилагательных, указывающих на форму предметов.

Арсенал методов исследования семантики в настоящее время весьма разнообразен. Очень продуктивным представляется нам, в частности, метод свободной классификации, связанный с обращением к носителям языка (см. Брупкина, 1984; Михеев, 1985; Аллимере, 1985). Но во всех случаях следует прежде всего решать задачу отбора материала.

Для получения полноценного лексического материала необходимо, прежде всего, добиться относительной полноты охвата лексики, входящей в исследуемую группу слов. Объясним кратко, что мы понимаем под полнотой охвата лексики применительно к нашему материалу. В окружающей нас действительности можно наблюдать бесконечное множество самых разнообразных форм. Разумеется, существующее в языке множество "готовых слов" конечно и не так велико, однако язык располагает целым рядом продуктивных моделей для образования слов, которыми можно описать огромное число разных форм. Иначе говоря, группа прилагательных, обозначающих форму (далее для краткости будем называть их прилагательными формами - ПФ), является открытым множеством, и ставить перед собой задачу составления исчерпывающего списка ПФ нереально.

С другой стороны, носители языка в своей повседневной речевой практике обходятся заведомо ограниченной номенклатурой ПФ. Выявление указанной номенклатуры - задача уже вполне посильная. Мы решали эту задачу путем опроса носителей русского и, соответственно, эстонского языков.

Как было показано (Василевич, 1983), при надлежащей методике проведения психолингвистического эксперимента и при

достаточно большом количестве испытуемых (далее ии.) вполне реально ожидать получение достаточно представительного списка лексем исследуемой лексико-семантической группы. Заметим, что при этом подходе исключается влияние на получаемые результаты субъективного мнения исследователя: оно заменяется коллективным языковым чутьем группы информантов.

При опросе информантов была применена методика ассоциативного эксперимента, которая в настоящее время активно используется для получения самых разных семантических данных (Залевская, 1982; Клименко, 1974; Василевич, 1981 и др.).

Инструкция. Участникам эксперимента предлагалась устная инструкция следующего содержания: "Наш язык располагает огромными возможностями для обозначения той или иной формы окружающих нас предметов. Мы хотели бы с Вашей помощью получить возможно более полный перечень прилагательных, обозначающих форму предметов. С этой целью мы просим Вас записать все прилагательные, указывающие на форму, которые Вы можете вспомнить".

Процедура. Эксперимент проходил в двух вариантах: индивидуально и в группах из 4 - 8 ии. После прослушивания инструкции ии. на отдельных листочках записывали столбиком вспоминаемые ими слова. Эксперимент занимал в среднем от 15 до 20 минут.

Испытуемые. В эксперименте приняли участие 8I носитель русского языка и 5I эстонский информант в возрасте 14 - 48 лет: мужчины и женщины были представлены приблизительно в равной пропорции.

Результаты и обсуждение

После окончания эксперимента в нашем распоряжении оказался 8I протокол, содержащий индивидуальные перечни ПФ русских информантов и 5I эстонский протокол.

Предварительное ознакомление с протоколами показало, что порождаемые ии. списки слов не состоят исключительно из интересующих нас ПФ. Относительная свобода, оставляемая инструкцией, привела к появлению множества слов, которые заведомо выпадают из группы интересующих нас ПФ (ср., например, встретившиеся в протоколах русских информантов слова: врезной, навесной, сварной, стеганый, закопленочный, широкоформатный и т.д.: в эстонских протоколах: kuldne 'золотой', kohisev 'шумящий', magnetiline 'магнитный', määrataev 'беснующийся, неистовствующий', purunemiskartlik 'хрупкий', tuline 'горячий' и т.д.).

Всего слов этого типа оказалось немного: 60 в русских протоколах и около 30 - в эстонских. После устранения этого "шума" в нашем распоряжении оказался массив из 3654 ответов, включающий 970 разных лексем в русском языке, и массив из 2162 ответов, включающий 738 разных лексем в эстонском языке. "Продуктивность" информантов в обоих языках приблизительно одинаковая: каждый русский информант давал в среднем 45 слов; каждый эстонский - 42 слова.

Анализ показывает, что полученные нами списки слов включают большинство сколько-нибудь значимых слов, связанных с описанием форм. В этом смысле их можно считать достаточными. Рассмотрим теперь вопрос о необходимости слов списка, т.е. выясним, не осталось ли в списках, так сказать, "лишних слов".

Хотя мы уже устранили из рассмотрения слова, явно выпадающие из состава ПФ, в списках все же осталось довольно значительное число слов, отношение которых к форме предметов весьма сомнительно: например, русские прилагательные кривоногий, кристаллический, крошечный, пероковатый, выкарный; эстонские прилагательные: *laiabõlgne* 'широкоплечий', *tilluke* 'малюсенький', *võltjas* 'студенческий', *sametine* 'бархатный', *moodne* 'модный' и т.д. Прежде, чем приступить к решению этой задачи, попробуем структурировать наши списки, для чего разделим оба множества слов на следующие девять групп:

1. Собственно форма предметов. Сюда мы отнесли, например, русские ПФ бочкообразный, круглый, прямоугольный, эллиптический, яйцевидный и т.д. и эстонские ПФ *kandiline* 'угловатый', *kausikujuiline* 'чашеобразный', *kerakujuiline* 'шарообразный', *kolmnurkne* 'треугольный', *munajas* 'яйцевидный' и т.д.

2. Искажение, изменение формы. (Русск.: загнутый, зауженный, изломанный, перекошенный, расплюсченный; эст. *lõpmis* 'расплющенный', *kilvas* 'перекошенный', *kokkulitsitud* 'сжатый', *kooldunud* 'искривленный', *peelkiva* 'вдавленный', *venitatud* 'вытянутый' и т.д.).

3. Оценочные прилагательные. (Русск.: безобразный, замшеловатый, красивый, плавный, элегантный; эст.: *ebanarilik* 'необычный', *ebalõõgane* 'неопределенный', *ilus* 'красивый', *kaasaegne* 'современный', *silmatorkav* 'бросающийся в глаза' и т.д.).

4. Относящиеся к : конструкции, строению предмета.

(Русск.: ажурный, рукоовидный, секционный, сложенный, грубчатый; эст.: mitmekihiline 'многослойный', niitjas 'нитевидный', pitsiline 'кружевной', plaadikujuuline 'пластинчатый', sõlmeline 'узловатый', tšäripuhutud 'надутый' и т.д.).

5. Характеристика внешности человека. (Русск.: горбатый, длиннонозый, долговздый, поджарый, стройный; эст.: rippakas 'грудастый', saale 'стройный', sihvakas 'стройный, статный', tugeke 'здоровый, крепкий', rangisjalgne 'кривоногий' и т.д.).

6. Указание на размер. (Русск.: большой, высокий, короткий, продолговатый, широкий; эст.: jäme 'толстый', kitsas 'узкий', kõrge 'высокий', lühike 'короткий', õhuke 'тонкий', madal 'низкий' и т.д.).

7. Характеристика поверхности. (Русск.: бугристый, гладкий, плоский, ровный, шероховатый; эст.: ebataane 'неровный', kare 'шероховатый', krobeline 'шершавый', mügarlik 'бугорчатый', sametine 'бархатный', sile 'ровный' и т.д.).

8. Характеристика структуры вещества. (Русск.: волокнистый, зернистый, пористый, кристаллический, студнеобразный; эст.: klaasjas 'стеклоподобный', poogne 'пористый', pulbriline 'порошкообразный', sültjas 'студнеобразный', tolmjas 'пылеватый', teraline 'зернистый' и т.д.).

9. Указание на положение в пространстве. (Русск.: вертикальный, диагональный, косой, отвесной, покатым; эст.: püstine 'стоящий', jägak 'круглой', lamav 'лежащий', lauge 'пологий', 'покатым', rõhtpindne 'горизонтальный', viljak 'косой' и т.д.).

Мы полагаем, что слова, непосредственно описывающие форму, собраны в первой группе. В других группах находятся слова, связанные с формой в меньшей степени.

Проблема состоит теперь в том, чтобы убедиться насколько соответствует действительности наша умозрительная классификация и, в частности, действительно ли слова первой группы чем-то отличаются от слов всех остальных групп. Для исследования этой проблемы естественно вновь обратиться к методу опроса информантов.

Проиллюстрируем разработанную методику на материале русского языка. Для эксперимента было отобрано 138 русских ПФ, которые представляли все девять упомянутых выше групп и были в числе самых частых ответов в русском ассоциативном эксперименте, т.е. отражали наиболее активную лексику. На-

бор был предложен 45 русским информантам с инструкцией разложить слова на две группы: "форма" - "не форма". В сомнительных случаях карточки со словами следовало отнести в сторону, образуя из них третью группу ("сомневался").

Процедура обработки состояла в следующем. Для каждого слова подсчитывался количественный показатель "степени отсутствия формы" (Φ_0). При попадании слова в группу "не форма" оно получало индивидуальную оценку I, а в случае попадания в группу "форма" - оценку 0. Если слово оказывалось в группе "сомневался", ему давалась оценка 0,5. Показатель Φ_0 представлял собой сумму всех индивидуальных оценок. Легко видеть, что Φ_0 изменяется от 0 (все 45 ин. поместили слово в группу "форма") до 45 (все ин. помещали слово в группу "не форма").

Как и следовало ожидать, стимулы весьма значительно отличаются друг от друга по показателю Φ_0 (ср.: треугольный - 0, шарообразный - 0, круглый - 1,5, саблевидный - 2, спиральный - 2,5, выпуклый - 5,5, выгнутый - 9, плоский - 15, острый - 18,5, кривой - 25,5, тонкий - 28,5, слоенный - 39).

Посмотрим теперь, какую величину имеет Φ_0 у слов, попадающих в разные группы приведенной выше умозрительной классификации. Для этого усредним показатели у слов, попадающих в одну и ту же группу. Полученные таким образом средние групповые показатели приведены в табл. № I (расшифровка состава групп приведена выше).

Таблица I

№ группы	Число слов в группе	Усредненный Φ_0
1	88	1,48
2	5	11,8
3	9	24,5
4	8	27,3
5	4	28
6	9	28,7
7	6	29,5
8	6	31
9	3	34,3

Из таблицы хорошо видно, что среднегрупповой показатель Φ_0 изменяется скачкообразно: резко выделяется группа I — "Собственно форма", имеющая показатель Φ_0 близкий к минимально возможному — 1,48. Группы 3 — 9 незначительно различаются между собой и резко отличаются от группы I. Это дает основание полагать, что заключенные в этих группах слова имеют лишь косвенное отношение к описанию форм предметов. Наконец, слова группы 2 — "Искажение, изменение формы", занимают промежуточное положение между группой I и всеми остальными группами.

Таким образом, если мы хотим исследовать семантическое поле прилагательных, указывающих на форму, нам следует прежде всего принять во внимание слова попавшие по нашей классификации в группу I (и, может быть, — в группу 2). Заметим, что в эти группы попадает значительное число слов, поэтому можно ставить вопрос о дальнейшем делении их на подгруппы. Например, в составе группы I выделяются слова, представляющие собой основные геометрические термины (квадратный, овальный, треугольный, цилиндрический и т.д.), которые, как правило, имеют $\Phi_0 = 0$. У остальных слов этой группы средний показатель Φ_0 составляет 4,23 (в том числе у слов острый — 18,5, прямой — 24,5, кривой — 25,5).

В заключение отметим, что аналогичных результатов можно ожидать и для множества эстонских ПФ.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Аллиере Р.А. К проблеме обработки результатов эксперимента по свободной классификации. — В кн.: Лингвистические и психолингвистические структуры речи. М., 1985.
- Василевич А.П. Обозначение цвета в современном русском языке. М., 1981 (депонир. в ИНИОН АН СССР № 7699).
- Василевич А.П. К проблеме отбора материала для лексикосемантического описания группы слов. — В кн.: Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
- Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин, 1982.
- Клименко А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. Минск, 1974.
- Михеев А.В. Психолингвистическое исследование семантических отношений (на материале слов-цветообозначений). М., АКД, 1983.
- Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. М.: Наука, 1984.

ON THE STUDY OF RUSSIAN AND ESTONIAN ADJECTIVES
EXPRESSING THE CONCEPT OF SHAPE AND FORM

Rein Allmere

S u m m a r y

A psycholinguistic experiment was applied to compile lists of 970 Russian and 738 Estonian adjectives expressing the concept of shape and form. A classification of the adjectives was proposed and its validity was tested in an additional experiment. It is suggested that only a part of the words obtained belong to the group of "shape terms proper" which might be included in a further study of the semantic field of words denoting shape and form.

СПЕЦИФИКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ С НАЧАЛЬНЫМ *it* В АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ ИРЛАНДИИ

О.И. Бродович

В литературе, описывающей специфические черты английского языка Ирландии, неизменно отмечаются предложения с начальным *it*, резко отличающиеся от их структурных аналогов в остальных формах английского языка (Nayden, Hartog, 1909, с. 934 и след.; Joyce, 1910, с. 10, 51, 70; Hamel, 1912, с. 277 и след.; Bliss, 1984, с. 146-147; Пешингер). Ср., например, (1) *Sir, 'twas frightened I was that night. (Michael Molly)*; (2) *For ages now, it's bulls I'll be dhreamin' of,...* (Sean O'Casey). Исследователи указывают, что своеобразие этих конструкций объясняется влиянием субстратных черт кельтского ирландского. В этом последнем нормальным (нейтральным) порядком слов является такой, при котором на первом месте стоит глагол. Если же какой-либо из членов предложения получает акцент, используется специальная конструкция, обеспечивающая перемещение этого члена предложения в начальную позицию, позицию перед всем остальным составом предложения. Начальным элементом этой конструкции является специальный связочный глагол в форме 3 л. ед. числа. Далее располагается выделяемый член предложения. Остальной состав предложения следует за этой конструкцией и характеризуется кельтологами как относительное предложение (Льюис, Педерсен, 1954, с. 290-292). Эта конструкция, как и некоторые другие синтаксические построения, характерные для кельтского ирландского (например, именное предложение со значением сопутствующих событий, именное предложение второй части сложносочиненного предложения, употребление возвратного местоимения в качестве подлежащего и др.) была калькирована в английском языке, развивавшемся на ирландской почве. Возможно, что фонетическая близость ирландского связочного глагола *is* [iə] английскому глаголу *to be* в 3 л. ед. числа способствовала закреплению этой конструкции в англо-ирландской речи. Так или иначе, предложения, подобные приведенным выше, нашли широкое распространение в английском языке Ирландии, причем в речи ирландцев, родным (и чаще всего единственным) языком которых является английский.

Хотя эти конструкции, как уже говорилось, отмечаются всеми исследователями, описывающими отличия английского языка в Ирландии от его прочих разновидностей, специального исследования их до сих пор, насколько нам известно, не проводилось.

Разумеется, эти конструкции сопоставимы не со всеми типами предложений с начальным *it*, распространенными в литературном английском языке. Основываясь на многочисленных исследованиях предложений с *it* в качестве подлежащего⁺, можно выделить следующие их типы: (а) собственно безличные предложения: *It is raining*; (б) предложения с расчлененным выражением модуса (звонного *it*) и диктума (представленного так называемой придаточной частью предложения или оборотом с вербалиями): *It is necessary (strange, high time, a good idea) that he should come (for him to come, his coming, he to come, etc.)*; (в) предложения с актуализацией (эмфатическим выделением) какого-либо семантико-синтаксического элемента: *It is he who is to blame*. Очевидно, что обсуждаемые здесь англо-ирландские⁺⁺ конструкции сопоставимы лишь с третьим типом общеанглийских предложений с *it*. Наиболее подробное описание этого последнего типа мы находим в книге В.Д. Ившина "Коммуникативный синтаксис английского языка" (Ившин, 1982, с. 59-129). Изучение материала, приведенного автором в книге, и предложенного в ней анализа этого материала приводит нас к следующим основным выводам. Во-первых, конструкция с начальным *it*, служащая в общеанглийском для коммуникативного выделения того или иного члена предложения, семантически характеризуется противопоставлением его какому-то иному элементу или выделением его из ряда себе

⁺ Помимо соответствующих разделов в общих курсах теоретической грамматики английского языка - как отечественных, так и зарубежных - см., например, следующие работы, специально посвященные особенностям предложений с начальным *it* в современном английском языке: Динай, 1954; Денжсова, 1962; Киселева, 1967; Ганжа, 1971; Игнатки, 1978 - и многие другие исследования конструкций с начальным *it*.

⁺⁺ Статус английского языка в Ирландии в ряду "диалект - вариант - язык" до сих пор, как известно, не определен. Мы не ставим здесь задачу его уточнения. Для краткости же в дальнейшем принимаются следующие рабочие термины: английский язык в Ирландии - "англо-ирландский"; английский язык в остальном англоговорящем мире - "общеанглийский".

подобных⁺. Этот контрастирующий элемент (или ряд ему подобных, фон) может быть представлен эксплицитно в поверхностной структуре предложения: (3) It is money you love, not the man или находиться "в пресуппозитивном фонде знаний" (Николаева, 1982, с. 62); (4) It was over these few worthless papers that she brooded...⁺⁺ Во-вторых, конструкциям с начальным it в литературном английском свойственно лишь одно функциональное значение - коммуникативное выделение реми высказывания⁺⁺⁺. В-третьих, не все члены предложения могут выделяться с помощью этой конструкции. Наиболее характерно использование ее для выделения подлежащего. Возможно также выделение дополнения (беспредложного и предложного) и обстоятельства - но не любого: в основном, времени, а также места и причины. Другие семантические типы обстоятельств либо вообще не сочетаются с этой конструкцией, либо встречаются в ней крайне редко. Таково вкратце положение дел в литературном английском языке (и шире - в общеанглийском).

Обратимся теперь к англо-ирландскому материалу. Прежде всего, укажем на такое важное отличие англо-ирландских предложений от их аналогов в общеанглийском, как необязательность значения противопоставления выделяемого элемента какому-либо другому. Ср. (5) It's waiting warm, he'll be, to please you highly,... (Sean O'Casey); (6) Sssh! I'd say 'tis close to waking he is now (B. MacMahon). Отсутствие сем

⁺ О связи значений коммуникативного выделения и контрастивности см. Николаева, 1982, с. 13, 39, 62 и др.

⁺⁺ Примеры из: Ившин В.Д. Указ. соч., с. 80, 89. Впрочем, сам В.Д. Ившин не указывает на обязательное наличие семы контраста выделяемого элемента по сравнению с тем или иным фоном. Очевидно, данное свойство изучаемых им предложений не обратило на себя его внимание именно потому, что оно присутствует абсолютно всем предложениям с начальным it в его материале и тем самым не получало статус дифференциального признака. Для нас же это свойство предложений с начальным it в общеанглийском оказалось, как будет ясно из дальнейшего изложения, весьма существенным.

⁺⁺⁺ Это обстоятельство подчеркивается также В.Е. Шевяковой. При этом В.Е. Шевякова настаивает на том, чтобы разделять обязательную ремовыделительную функцию конструкции it is ... that и эмфазу, которая может эту конструкцию и не сопровождать. См. Шевякова, 1980, с. 207 и след. Соотношение эмфазы и ремовыделения не будет решаться нами специально, так как далеко уведет нас от основной задачи статьи - описания специфики конкретной конструкции в одной из разновидностей английского языка. Заметим только, что то, что В.Е. Шевякова описывает как эмфазу, понимается нами как фигура актуализации в трактовке Л.П. Чахоян. См. Чахоян, 1979, с. 47, след.

противопоставления характерно именно для предложений такой семантической структуры, как в этих примерах, т.е. там, где коммуникативному выделению подвергается предикат, элемент рематической части. При этом происходит актуализация ремы, ее добавочное выделение.

Вторым важным отличием ирландской конструкции является то, что с ее помощью может осуществляться не только рематизация какого либо элемента, но и, наоборот, коммуникативное выделение темы высказывания⁺. Чтобы показать это, приведем соответствующие примеры в более широком контексте. Ср. (7) A. Top o' the mornin', boys! - O'K. Same to you, miss an' many of them, each of them fairer and finer than the finest of all that ever brought the soft light o' the dawn at the peep o' day into your openin' eyes. A. It's meself that hopes you like the lovely house you're renovating? (Sean O'Casey); (8) That little downy fellow will give ye trouble, Mr. Galvin, with his howling and struggling. - Devil a bit. It's the likes of him are always the easy jobs. They're fruz stiff with fright. (John O'Donovan). В примерах (7, 8) it вводит не рему, а коммуникативно выделяемую тему. В общеанглийском такое значение передается конструкцией *As for...*

Третьим важным отличием англо-ирландских конструкций является отсутствие каких-либо семантических или формальных ограничений, налагаемых на природу выделяемого элемента. В общеанглийском этим элементом может быть, как указывалось, лишь подлежащее, дополнение и некоторые типы обстоятельств. В англо-ирландском выделяется любой член предложения⁺⁺, любой семантический тип обстоятельства и даже смысловая часть аналитической формы глагола. Ср (9) It's fortunate you are, indeed,... (Sean O'Casey); (10) Oh, my man, my man, my lovely man, it is little I thought this morning, ... that it was carried back to me you would be before evening. (Frank O'Connor). Примеры (9,10) характерны только для англо-ирландского. В примере (9) выделяется предикативный член составного именного сказуемого; в примере (10) в первом

⁺ О коммуникативном выделении темы см. Чахоян Л.П. Указ. соч., с. 52; Слысарева, 1981, с. 112.

⁺⁺ Исключением является функция определения, но это и понятно: определение - применная позиция, так что связочный глаголом оно вводиться не может, поскольку при этом оно превращается в предикативный член именного сказуемого. Это, впрочем, ограничения общеязыковые, не связанные со специфической обсуждаемых разновидностей английского языка.

случае - обстоятельство образа действия, во втором - смысловая часть пассивной конструкции. Весьма распространенными являются также примеры с выделением подлежащего, выраженного возвратным местоимением. Основной состав в этих - и других - случаях нередко вводится асиндетически, создавая эффект *apokoinu*. Ср. (11) *But it's meself can give you what you want.* (Sean O'Casey); (12) *The things that Christie Love could do, 'tis only a printed fool would call them tricks.* (B. MacMahon). Однако в отличие от общеанглийских конструкций примеры с выделением подлежащего в англо-ирландском материале отнюдь не составляют большинства. Добавим к этому и тот интересный факт, что в англо-ирландских конструкциях может актуализироваться не только отдельный семантико-синтаксический элемент, но и вся сентенциональная структура высказывания. В общеанглийском такую функцию выполняют частицы *simply* и *only* или специальное выражение с частицей *just* (*It's just that* + clause). Ср. (13) *'Tis I've the mind, and you the body, boy.* (B. MacMahon); (14) *Did he throw the stokes defying me? - He did not, asthore. 'Twas how he lost the head with the 'fraid, and didn't know what he was at* (Michael Molly).

Характерной чертой обсуждаемых англо-ирландских конструкций является их частое употребление в составе вопросительных предложений, значительно более частое, чем в общеанглийском. При описании английского языка Ирландии исследователи вообще отмечают предпочтение, отдаваемое ирландцами вопросительной форме как средству усиления коммуникативного намерения (Namel, 1912, с. 278). Наши примеры включают как собственно вопросы (вопросы-запросы), так и риторические вопросы, т.е. косвенные речевые акты, вопросительная форма которых служит чисто прагматическим целям. Ср. (15) *Is it visitin' you same?* (Michael Molly). (собственно-вопрос); (16) *Isn't it meself that's getting to know it well?* (Sean O'Casey) (риторический вопрос).

Вопросительные предложения, содержащие обсуждаемую конструкцию, в английском языке Ирландии имеют ряд своих, особых, черт, не свойственных их общеанглийским аналогам. К числу таких особенностей относится прежде всего частое вынесение формальных элементов конструкции (т.е. *is it*) в конец предложения. Ср. (17) *Do you know Conor? - Know him, is it? Why wouldn't I?* (Seamus Byrne). При этом если функцией вопросов с каноническим порядком слов может быть как прагматическая функция усиления коммуникативного намерения (ритори-

ческий вопрос), так и функция информативного поиска (вопрос-запрос), то расчлененные структуры (т.е. структуры с выносом *is it* в конец), судя по всему, выражают только риторический вопрос. В некоторых случаях на письме он даже не оформляется вопросительным знаком. Ср. (18) *The governor doesn't eat that? - Eat that, is it! The man would resign from the job first. (Seamus Byrne).*

Другой особенностью вопросительных предложений с *is it* в англо-ирландском является оформление с их помощью так называемых инфинитивных предложений типа общеанглийских *Me to stand back?! Never!* Ср. (19) *No fear, Jack. Is it me to whip my own little pony? (John B. Keane); (20) Is it my lessons not to suit? (Michael Molly).*

Третьей особенностью вопросительных предложений с англо-ирландским *it* является то, что с их помощью могут осуществляться уточняющие вопросы-переспросы (Чаковский, 1979, с. 83 и след.). Ср. (21) *Do you remember the rest? - What you said, is it? (J. Joyce).* В общеанглийском в этих случаях используется предикатное выражение с глаголом *mean* (... , you mean?; /Do/ you mean /to say that/ ...?)

Наконец, отметим такую особенность англо-ирландских вопросительных предложений с *is it* как их повышенную (по сравнению с утвердительной формой) устойчивость во времени и социуме. Дело в том, что обсуждаемые здесь конструкции принадлежат, несомненно, к числу первичных диалектных признаков, по терминологии В.М. Жирмунского (Жирмунский, 1976, с. 496), и потому оказываются наиболее уязвимыми в условиях возрастающего давления общеанглийской литературной нормы. Поэтому встречаемость этих конструкций падает по мере приближения исследуемого материала к современному языку и / или в зависимости от продвижения этого материала вверх по социальной шкале. Так, если в литературе конца XIX - начала XX вв. примеры таких конструкций можно отметить - если это пьесы, т.е. произведения, состоящие сплошь из диалогов - на каждой странице, и при этом в речи персонажей всех социальных слоев, то в литературе 50-х - 70-х годов XX века встречаемость их резко падает до 1-2 на каждые 20-30 страниц. При этом в речи персонажей из образованных слоев общества - аристократии и интеллигенции - они встречаются приблизительно в пять раз реже, чем в речи представителей малообразованных слоев общества. В этих условиях утвердительные предложения падают во встречаемости значительно ниже вопросительных. Так, в романе

Дж. Джойса *The Portrait of the Artist as a Young Man*, действующие лица которого принадлежат к ирландской интеллигенции, примеров утвердительных предложений с англо-ирландским начальным *it* нет, в то время как вопросительные предложения представлены довольно широко. Среди них преобладают, конечно, вопросы риторические, напр., (22) *They must direct their flocks. - And preach politics from the altar, is it?* (J. Joyce). Но встречаются и вопросы-запросы: (23) *Is it Corrigan that big fellow?* (J. Joyce).

Подведем итоги. Предложения с начальным *it* как специфическая черта синтаксического строя английского языка Ирландии возникли как результат интерференции гэльского и английского языков. Они представляют собой прагматическое средство усиления коммуникативного намерения говорящего и служат выделению не только реми (как в общеанглийском), но и теми, и даже всего предикатного выражения. Семантические и синтаксические ограничения на природу выделяемого элемента не налагается - это может быть любой член глагольного окружения: подлежащее, любая часть сказуемого, любое дополнение или обстоятельство⁺. Характерной чертой таких предложений является преобладание среди них вопросительных построений. Последние преимущественно представляют собой косвенные речевые акты - риторические вопросы. Именно вопросительная форма предложений с *it* в англо-ирландском проявляет наибольшую устойчивость во времени и социуме. Для диалектолога было бы чрезвычайно любопытно проследить за скоростью вытеснения этих конструкций общеанглийским стандартом по сравнению с другими (названными и не названными здесь) специфическими чертами англо-ирландского. Но решение этой задачи выходит за рамки настоящего исследования и может составить предмет отдельной публикации.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Ганжа В.С. Предложения структуры *it* + глагол-связка + имя существительное + инфинитив (герундий, подчиненное предложение) в современном английском языке. Автореф. канд. дис. Львов, 1971.
- Денисова В.С. Предложения с начальным *it* в современном английском языке. Автореф. канд. дис. М., 1962.

⁺ Аналогичную картину можно отметить во французском языке. Ср. Илия, 1962, с. 281-283. Возможно, при этом проявляются дальние последствия генетической близости кельтских языков к романским.

- Дынай И.Г. Сложные предложения с придаточным подлежащим в современной английском языке. Автореф. канд. дис. М., 1954.
- Жирмунский В.М. Проблемы переселенческой диалектологии. - В кн.: Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л., 1976.
- Ившин В.Д. Коммуникативный синтаксис английского языка. М., 1982.
- Игнатик Ю.С. Безличные предложения и особенности их функционирования в современном английском языке. Автореф. канд. дис. М., 1978.
- Илия Л.И. Синтаксис современного французского языка. М., 1962.
- Киселева Л.И. Слово *it* как подлежащее в современном английском языке. - Ученые записки (МОПИ), т. 195, иностр. языка, вып. 20 английский язык. М., 1967, с. 1-12.
- Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
- Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981.
- Чухоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М., 1979.
- Шевякова В.Е. Современный английский язык. Порядок слов, актуальное членение, интонация. М., 1980.
- Шелингер Т.Н. Стилистическое использование англо-ирландских элементов в синтаксисе пьес Дж. Синга. - В кн.: Анализ статей зарубежной художественной и научной литературы. Межвузовский сборник. Вып. 5. Изд-во ЛГУ (в печати).
- Bliss A. English in the South of Ireland. - In: Language in the British Isles. Ed. by P. Trudgill. Cambridge University Press, 1984.
- Hamel A.G. van On Anglo-Irish Syntax. Englische Studien. Bd. 45, 1912.
- Hayden M., Hartog M. The Irish Dialect of English. The Fortnightly Review, 1909, LXXXV.
- Joyce P.W. English as We Speak It in Ireland. London, 1910.

ON ANGL0-IRISH SENTENCES WITH THE INTRODUCTORY 'IT'

Olga Brodovich

S u m m a r y

The construction with the introductory 'it', although a well-known peculiarity of Anglo-Irish syntax, has so far escaped the attention it deserves. Its syntax, semantics and pragmatics is described in the present article. It is shown to be a recessive, but still living means of emphasis, in many ways unknown outside Anglo-Irish.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭСТОНСКИХ ОНОМАТОПОВ

Э. Вельди

Согласно С. Ульману, слова в языках мира могут быть мотивированы тройко: 1) фонетически, 2) морфологически и 3) семантически (Ullmann, 1966, 222). Так как фонетическая мотивированность - явление универсальное, то и наличие звуко-подражательных слов или онома톱ов в языке является лингвистической универсалией.

Проблема единой классификации звукоподражательной лексики прибалтийско-финских языков, в том числе эстонского языка, представляет значительный интерес для фоносемантики. Обзор существующих работ по финно-угорским языкам можно найти в Kisa, 1976; Имайкина, 1968; Põlma, 1967. С одной стороны, упомянутые языки крайне богаты звукоподражательными словами. На этот факт обращали внимание исследователи (Wiedemann, 1875, I20-I2I, 576; Weske, 1875, 9-10; Хакулинен, 1955, 18-23; Rytkönen, 1940; Põlma, 1967; Värvi, 1961; Räzser, 1983, 544). С другой стороны, на единой основе онома톱ов этих языков систематически до сих пор не изучались. Такая ситуация объясняется тем фактом, что долгое время в языковедении не существовало единой теории звукоподражательных слов. Характерным является высказывание финского языковеда Г. Рамстедта о том, что "Ономапоэтические слова обсуждались в связи с различными языками, однако, насколько мне известно, никто никогда не пытался исчерпывающе и систематически исследовать этот тип слов" (Ramstedt, 1951, 106).

Положение дел изменилось в связи с появлением работ С. Воронина, который разработал - исходя первоначально из английского материала - универсальную классификацию звукоподражательных слов. Принципы и методика универсальной классификации излагаются в работах Воронин, 1969, 1982, 1983. Рецензию на его монографию "Основы фоносемантики" см. Дурковский, 1985.

В данной статье, на основе универсальной классификации С. Воронина, предлагается предварительная классификация эстонских онома톱ов, выявляются модели этих образований (см. перечень символов в конце статьи).

Материалы статьи - из картотеки эстонских звукоподражательных слов автора. Картотека была начата с включением материала из диссертации В. Пылмы; она была далее дополне-

на ономотопам из более крупных словарей эстонского языка, введенки в печати (включая диалектные образования). Ономотопы окказионального характера собраны из произведений художественной литературы, периодики и комиксов.

КЛАСС А - НЕСТАТНЫ.

Тип I - Нестатны. Фономотип ударности - преимущественно
временно согласные. $(PLOS+)(SON^{LAT/NAS})$

Модель № I
$$\frac{SIB \wedge \substack{< \\ \Delta PPR}}{FRIC \vee LAB} + \check{VOC}(+SON^{LAT})+PLOS^{(S)}$$

Примеры: ТИКК-ТАКК - тик-так (тиканье часов); КОР-КОР - тук-тук (в дверь); POTSti - мягкий шлепающий звук при падении; KLAPS - звук от легкого удара; LAKSti, PLAKSti - звук от краткого резкого удара (напр. с надомь); KLOPPima (< нем. klopfen - интенсивно стучать, бить; KLOPSima - ударять (о плотнической работе); TAKSima - слегка ударять (с топором); NAKSti - подражание звуку от внезапного легкого удара; KNAKSuma (Wied.) knacken; NAPS - звук от легкого удара; NATSuma - несильно, мягко щелкать (о вязкой мягкой, влажной массе); MATS - звук от сильного глухого удара; MUTT-MUTT - звук от топая ногам; VATT, VATT - подражание звукам бегающего человека.

В ономотопах, которые передают звуки от движения воды (бульканье), наблюдается более сильная звуко-символическая интерференция. Это выражается в частом наличии лабиальных [m, v, u, o] и плавной фонемы [l] в составе ономотопа.

Примеры: TSOLK-TSOLK (окназ.) - подражание звуку от падающих капель; KLUKSuma - тихо булькать (вода в горлышке бутылки); PLUPSti - звук от падения в воду; PULisema - булькать; PULP-PULP - звук от бульканья; VULKSuma - отрывисто булькать; MULKSuma - то же; SULPSama - булькнуть; плеснуть в воду, ср. ижорское tšulpra, ливское tšulpra с аффрикатой; SULKSuma - отрывисто булькать.

КЛАСС Б - КОНТИНУАНТЫ.

Тип II - Тоновые континуанты. Фокемотип тоновости - длительный гласный, также сонорный.

Модель № 2
$$\frac{(CONS +) \check{VOC} [+ CONS^{(S)}]}{[(CONS+) \check{VOC}] SON}$$

Примеры: PIP-PIP - звук телефонного тона; TUUT-TUUT - звук уота или автомобильного гудка; MUU - подражание писанию коровы; MIA - подражание беганию овцы; SIITSuma - цыпкаты; TSITSuma - цыпкаты; VIKSuma - выкаты; KLU-KLUU - подражание крику журавлей; UHUU - подражание крику совы; PIKSuma - писаты, писаты; UUA-UUA (оказ.) - подражание гудению мотыльки; LLLLLL (оказ.) - подражание звуку телефонных линий; MMMMMM (оказ.) - подражание писанию коров; NNNNNN (оказ.) - подражание писку комариной стаи; INisema - тихо мычать; PINisema - издавать комариное тоновое звучание (муха, комар); ULuma - вить.

Тип III - Чисто шумовые континуанты. Фонемотип чистой шумовости - глухой фриктивный (см., также Вельде, 1984).

Модель № 3

$$\left[\left(\frac{\text{FRIC}^{\wedge}}{\text{PLOS}} + \right) \left(\text{SON}^{\text{LAT}} + \right) \check{\text{VOC}} + \right] \text{FRIC}^{\wedge}$$

Примеры: мининини (оказ.) - подражание шуму дождевых капель; SSSSSS (оказ.) - подражание шипению эмен; ŠŠŠŠŠŠ (оказ.) - подражание шуму ветра; HUSisema (днал.) - шипеть; SAHisema - шелестеть, шуршать; SISisema (днал. TSISisema) - шипеть; LÖHisema - производить шелестящий звук (об огне); SIUH - звук от удара с хлыстом; SIHVama - хлестнуть; KAHisema - шелестеть (ср. корень ка с значением шелеста, пороха в марийском, удмуртском и мордовских языках: Гордеев, 1981, I4I); karSOSS - подражание звуку от твердого тела, входящего в песок; HAVisema - тихо, мягко шелестеть; SABisema - производить слабое шуршание (нежный дождь).

Тип IV - Тоншумовые континуанты. Фонемотипы тоновой шумовости - звонкий фриктивный или глухой фриктивный плюс сорный.

Модель № 4

$$\frac{\text{FRIC}^{\vee} \left(+ \check{\text{VOC}} + \frac{\text{FRIC}^{\wedge}}{\text{SON}^{\text{NAS}}} \right)}{\text{FRIC}^{\wedge} + \check{\text{VOC}} + \text{SON}^{\text{NAS}}}$$

Примеры: VVVVVV (оказ.) - подражание шелесту осинных листьев; ZZZZZZ (оказ.) - подражание шуму жука; Z-Z-Z-Z (оказ.) - подражание звуку дыхания во сне; VIHisema - свистеть (о ветре, пуле); VISisema - шипеть (мокрые дрова при

шипения); VINisema - (Wied.) pfeifen, zischen (feuchtes Holz im Ofen, der Wind); VUNisema - (Wied.) sausen, pfeifen; MUNisema - шуметь (о ветре, море); HUMisema - тихо, глухо гудеть; SUMisema - жужжать (пчела).

КЛАСС В - ФРЕКВЕНТАТИВЫ.

Тип V - Фреквентативы квазинистанты. Фонемотип дрожания и ударности - вибрانت и (преимущественно) взрывной согласный.

$$\text{Модель \# 5} \quad \frac{(\text{PLOS+})(\text{SON}^{\text{LAT+}})}{\text{SIB}^{\wedge}_{\text{AFPR}^+}} \quad \overbrace{\text{VOC} + \text{R} + \text{PLOS}}^{\text{(S)}}$$

Примеры: RAKSuma - отрывисто трещать; PRAKSuma - издавать резкий отрывистый треск; KRAKSti - подражание резкому отрывистому треску; PARTSti - подражание звуку падающего или ломающегося предмета; PLARTSti - то же; LARTSti - подражание звуку от удара мокрого предмета; TIRTSuma - циркать; TORTS - резкий звук медного инструмента (напр. трубы); SIRTSuma - кратко, отрывисто циркать.

Тип VI - Чистые фреквентативы. Фонемотип дрожания - вибрانت.

$$\text{Модель \# 6} \quad \left[\frac{(\text{PLOS+})(\text{SON}^{\text{LAT+}})}{\text{SIB}^{\wedge}_{\text{AFPR}^+}} \right] (\text{VOC} + \text{R})$$

Примеры: RRRRRRR (оказ.) - подражание урчанию собаки; URisema - урчать, TIRisema - на нестройном тоне звякать; дребезжать, авенеть (будильник), PÖRisema - дребезжать; SIRisema (диал. TSIRistama - циркать; KARisema - издавать трескучие звуки, вяться; KÖRisema - негромко, но ясно греметь (сухой горох в миске); PLÄRisema - издавать неприятные дребезжающие звуки.

Тип VII - Фреквентативы тоновые квазиконтинуанты. Фонемотип дрожания и тоновости - вибрانت и долгий гласный или сонорный.

$$\text{Модель \# 7} \quad \frac{(\text{PLOS+})\text{R} + \text{VOC} + \text{PLOS}(\text{S})}{\text{SON} + \overbrace{\text{VOC} + \text{R}}^{\text{↑}}}$$

Примеры: KRIIKSuma - издавать протяжный пронзительный скрип; KRAAKSuma - каркать, крякать; KRÖOKSuma - каркать, квакать; PRAEKSuma - крякать (утка); RAAKSuma - издавать резкий, неприятный звук (коростель); RUIGama - хрюкать; MURisema -

издавать раскатыстый дрожавый гул, греметь, грохотать (трактор); JÖRisema - издавать низкий звук (волника); LARisema - громко, гневно ворчать; RUMama - реветь (волны).

Тип VIII - Фреквентативы чисто шумовые квазиинтервалы. Фонематипы дрожания и чистой шумовости - вибранный и глухой фрикативный.

Модель № 8

$$\overbrace{\text{FRIC}^{\wedge} + \check{\text{VOC}} + \text{R}}^{\downarrow}$$

Примеры: ROH, RÖH, RÜH - хри-хри; SORR, SÖRR, SÜRR (окна) - подражание звукам скрипа; HURisema (Wied.) knurren, brummen, summen (von größeren Insekten); HÄRisema (Wied.) knurren (die Zähne fletschend, wie Hunde).

Тип IX - Фреквентативы тоновышумовые квазиинтервалы. Фонематипы дрожания и тоновой шумовости - вибранный и звонкий фрикативный.

Модель № 9

$$\text{FRIC}^{\vee} \text{LAB} + \check{\text{VOC}} + \text{R}$$

Примеры: VURR, VÖRR (окна) - подражание монотонному шуму скрипа; VÖRra, VÜRra (окна) - подражание звуку работы молотилки; VORisema - (Wied.) dial. rauschen, rollen, murmeln, VURama - (Wied.) dröhnen, sausen.

КЛАСС АБ - ИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ.

Тип X - Тоновые "последударные" инстанты-континуанты. Фонематипы ударности и тоновости - взрывной и сонорный.

$$\text{PLOS} + (\text{SON}^{\text{LAT}} +) \quad \check{\text{VOC}} + \text{SON} [+ \text{PLOS}^{(S)}]$$

Модель № 10

$$\text{SIB}^{\wedge}_{\text{AFFR}} + \quad \check{\text{VOC}}$$

а) краткие

Примеры: TUMPSuma - издавать отрывистый низкий гул (бьют тяжелым гудком предметом); PONTSatama - бухнуться, блынуться (тяжелый предмет); KÖLKSuma - издавать краткий звон (отрывисто); PLÖNKSuma - издавать отрывистый глуховатый, мало резонирующий звон (струны музыкальных инструментов).

б) длительные

Примеры: PLÖNNima - бренькать (тренькать) на гитаре (на пиано); PIMM-PAMM - подражание звону колоколов; KILL-KÖLL - подражание звону колоколов; TILL-TILL - динь-динь; karSUMM - подражание глухому удару от падения; PIU-PAU - подражание звону колоколов или свисту пули; PLIUdi - подражание

внезапному резкому звуку; PLAudi - то же.

Тип II - Чисто шумовые "послеударные" инстанты-континуанты.
Фонемотипы ударности и чистой шумовости - глухой фрикативный и взрывной.

Модель № II
$$\frac{PLOS (+ SON^{LAT})}{AFFR} + \check{VOC} + FRIC^{\wedge}$$

Примеры: TSUHH-TSUHH - детск. паровоз; PLAUnTi - подражание громкому звуку от внезапного падения; PLANVatama - взрываться; PAFF PAFF (окказ.) - подражание выстрелам пистолета; KAUnTi - подражание звуку падения (в воду).

Тип XII - Чисто шумовые "предударные" инстанты-континуанты.
Фонемотипы чистой шумовости и ударности - глухой фрикативный и взрывной.

Модель № I2
$$FRIC^{\wedge} + \check{VOC} + PLOS (S)$$

Примеры: SAPSima - мягко ударить (рогой по мягкой поверхности); SOPS - подражание мягкому удару с венником; SIPS-SAPS - подражание мягким ударам.

Тип XIII - Тоновые "предударные" инстанты-континуанты.
Фонемотипы тоновой шумовости и ударности - звонкий фрикативный и взрывной.

Модель № I3
$$FRIC^{\vee} LAB + \check{VOC} + PLOS (S)$$

Примеры: VCPSti - (Wied.) (sausender) Schlag; VIPutama - (Wied.) dial. (mit einer Ruthe) in die Luft schlagen, herumfechten; VAPP, VAPP - (Wied.) (von dem Flügelschlag einer Eule).

Тип XIV - Чисто шумовые-тоновые "предударно-послеударные инстанты-континуанты. Фонемотипы чистой шумовости и тоновости - глухой фрикативный и сонорный.

В эстонском языке не обнаружены, ср. англ. whump, flump, thump-thump, whang, thang.

Тип XV - Тоновые-тоновые "предударно-послеударные" инстанты-континуанты. Фонемотипы тоновой шумовости и тоновости - звонкий фрикативный и сонорный.

а) краткие (в эстонском языке не обнаружены, ср. англ. zonk, zump, zunk).

б) длительные

Модель № I5
$$FRIC^{\vee} LAB + \check{VOC} + SON^{NAS}$$

Примеры: VINGuma - свистеть (о пухе); VONGuma (сжжж.) -
 NUID kumises ja vungus jäh... (Tuglas F. Veike Illimar.
 Tln., 1956, lk. 172).

ГИПЕРКЛАСС ВAB - ФРЕКВЕНТАТИВЫ КВАЗИИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ

Тип XVI - Тоновые "послеударные" квазиинстанты-континуанты.
 Фонемотипы ударности, дрожания и тоновости - взрывной, ви-
 брант и сонорный.

Модель № I6 (PLOS+) R + VÖC + SON^{NAS} [+ PLOS (S)]

а) краткие

Примеры: PRANTSti - подражание удару от тяжелого падения;
 RANTSatama - тяжело падать; TRAMPima (< нем. trampfen) -
 топтать ногами; PRÖNTSatama - тяжело падать.

б) длительные

Примеры: PRÖMMima - интенсивно стучать (кулаком); TRUMmi-
 sema - (Wied.) erschallen (von der Trommel).

Тип XVII - Чисто шумовые "послеударные" квазиинстанты-кон-
тинуанты. Фонемотипы ударности, дрожания и чистой шумовости
 - взрывной, вибрант и глухой фрикативный.

Модель № I7 PLOS + R + VÖC + FRIC[^]

Примеры: PRAUH - подражание внезапному громкому удару;
 TRAHN - трях; KRIUH-KRAUH - подражание звуку внезапного
 быстрого рванья.

Тип XVIII - Чисто шумовые "предударные" квазиинстанты-кон-
тинуанты. Фонемотипы чистой шумовости + вибрантности + удар-
 ности.

Модель № I8 SIB[^](+SON^{LAT}) + VÖC + R + PLOS (S)

Примеры: karSORTS - (Saagpakk) expressing the sudden noise
 of a pencil penetrating paper; SLORTS - (Wied.) (von zu Bo-
 den fallenden Flüssigkeiten).

Своеобразным ономатопом является MÜRSuma - издавать
 прерывистый сильный шум, грохот (напр. барабаны в военном
 оркестре). Данный ономатоп образован от MÜRisema (тип VII)
 с добавлением форманта ударности -TS (MÜR- + -TS = MÜRST)
 Имеется также диалектный вариант на -KS MURKSuma. Возможно,
 что данный тип представляет собой своеобразный "зеркальный"
 случай модели № I6 с преназализацией.

ЛИТЕРАТУРА

- Вельдя Э.А. Эстонские чисто шумовые контингуанты: некоторые параллели с английскими. - В кн.: Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 684, Тарту, 1984, с. 140-145.
- Вороши С.В. Основы универсальной классификации ониматопов (ониматопея и фоносемантика). - В кн.: Фонетика-83. Материалы к X Международному конгрессу фонетических наук (авг. 1983 г. Утрехт (Нидерланды)). М., 1983, с.45-55.
- Вороши С.В. Основы фоносемантики. Л., 1982. 244 с.
- Вороши С.В. Английские ониматопы (Тшш и строение). АКД. Л., 1969.
- Гордеев Ф.И. Подражательные слова и этимология. - В кн.: Вопросы марийской диалектологии. Йошкар-Ола, 1981, с. 138-147.
- Дурковский Б.В. Рец.: Вороши С.В. Основы фоносемантики. Л., 1982. - Вопросы языкознания, 1985, 6, с. 139-142.
- Имайкина М.Д. История изучения изобразительных слов. - В кн.: Вопросы мардовской филологии. Саранск, 1968, с. 130-146.
- Жакупиен Л. Развитие и структура финского языка. Часть II. М., 1955. 292 с.
- Kiss J. Gedanken über die Onomatopoesisforschung in einigen finnisch-ugrischen Sprachen. - In: Studien zur Wortbildung und Etymologie der finnisch-ugrischen Sprachen. Szeged, 1976, S. 73-111.
- Põlma V. Onomatopoeetiliselt verbiid eesti kirjakeeles. Kand. diss. Tallinn, 1967, 455 lk.
- Ramstedt G. Über onomatopoeetische Wörter in den altaischen Sprachen. - Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja, 55, Helsinki, 1951, S. 106-112.
- Rätsep H. Eesti kirjakeele tüvevara päritolu. Keel ja Kirjandus, 1983, 10, lk. 539-548.
- Rytkönen A. Eräiden itameresuomen tm-sanojen historiaa. Jyväskylä, 1940, 185 s.
- Saagpakk P.F. Estonian-English Dictionary. New Haven and London, 1982, 1180 p.
- Ullmann S. Semantic universals. - In: Ed. by Greenberg J. Universals of language. Cambridge, Mass. and London, 1966, p. 217-262.
- Värv V. Onomatopoeetilisest verbiidest läänemeresoome keeltes. Diplomitöö. Tartu, 1961. 285 lk.

Weske M. Ueber die historische Entwicklung der finnischen Sprachen im Vergleich der der indogermanischen und über die Methode der estnischen Grammatik. Dorpat, 1875, 16 S.

Wied. - Wiedemann F.J. Estnisch-deutsches Wörterbuch. Tallinn, 1973. 1406 S.

Wiedemann F.J. Grammatik der estnischen Sprache. St. Pétersbourg, 1875. 664 S.

CONS	- согласный
VÖC	- краткий гласный
VÖC	- длительный гласный или дифтонг
FLOS	- взрывной
AFPR	- аффриката
SIB [^]	- сибилант
SCN	- сонорный
SCN ^{LAT}	- латеральный сонорный (фонема /l/)
SCN ^{NAS}	- носовой сонорный
FRIC [^]	- глухой фрикативный
FRIC ^v	- звонкий фрикативный
FRIC ^v LAB	- звонкий лабialsный фрикативный
R	- фонема /r/
✓	- "лябо", "или"
() []	- необязательность стоящего внутри их элемента

ESTONIAN ONOMATOPEES: A CLASSIFICATION

Ean Veldi

S u m m a r y

The onomatopoeic vocabulary of Baltic-Finnic languages is an interesting area for phonosemantic research. On the one hand, these languages possess rich onomatopoeic and descriptive resources. This fact has been noted by numerous researchers (F.J. Wiedemann, M. Weske, L. Hakulinen, V. Põlma (Võrv), H. Rätsep). On the other hand, no attempt has so far been made to study the system of Estonian onomatopoeia on a unified basis.

In the present article an attempt is made to classify Estonian onomatopes in accordance with the universal classification of onomatopoeic words worked out by S. Voronin. Estonian is not represented in type XIV and is poorly represented in type XV (cf. the English words for Types XIV whank (dial.) / whang and XV zunk / zzang). However, these two types are considered to be unique features of English by S. Voronin. On the other hand, the type found in the Estonian word MURTsti (MURisema plus the expressive -TS) cannot be found in English. It is possible, however, to regard the latter as a "mirror" case within type XVI.

СЛОВО В СИСТЕМЕ ИЕРАРХИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

Н.И. Власик

Объектом лингвистики был и остается реальный язык во всем многообразии его вариантов и во всей сложности и многосторонности его структуры, функционирования. Язык, о чем известно, связан с формированием и передачей мысли, выражением чувств и различных намерений, то есть он обеспечивает сферу речесмыслительной и эмоциональной деятельности, реализуясь и воспроизводясь в актуальных речевых единицах. Его система достаточно жестка, чтобы обеспечивать общение и взаимопонимание между людьми, и достаточно гибка, чтобы выражать многообразие мыслей, намерений, чувств.

Как об особой символической системе, организованной в двух планах, говорит о языке Э. Бенвенист: это, с одной стороны, физическое явление, поскольку для своего производства и восприятия язык требует участия голосового и слухового аппарата человека; с другой стороны, это - нематериальная структура, передача означаемых, которые замещают явления окружающего мира или знание о них "напоминанием" (Бенвенист, 1974, с. 30). Именно в этом заключается двусторонняя сущность языка, объясняющая посреднический характер языкового символа.

Язык порождает знаки. Однако прежде чем стать знаком, сигнализирующим о предмете или явлении, некий звуковой комплекс должен быть связан с определенной понятийной данностью. Слова и представляют собой "составляющие предложения, способные непосредственно соотноситься с предметом мысли как обобщенным отражением данного "участка" действительности и направляться (указывать) на эту последнюю" (Ахманова, 1966, с. 422).

Говоря о слове как двустороннем знаке, следует отметить, что связь между означающим и означаемым в нем обязательна, иначе слово перестает существовать. Еще Ф. де Соссюр говорил о невозможности отделить в языке "ни звук от мысли, ни мысль от звука" (Соссюр Ф. де, 1977, с. 144). Это как раз и приложимо к словесному знаку: значение, выражаемое словом, есть содержание знака, а материальным его экспонентом является звуковая оболочка слова. В современной лингвистике звуковой комплекс словесного знака признается необходимой мате-

риальной оболочкой не только для выражения значения и сообщения его другим, но также и для самого его возникновения, формирования, существования и развития (Смирницкий, 1954, с. 89).

Означаемое слово фиксируется в языке в виде абстракций, отвлечений от предметного ряда и хранится в сознании владеющих языком в неразрывном единстве с означающим. Такое единство двух сторон и делает слово-знак средством номинации (Языковая номинация, 1977, с. 28). Словесному знаку в его номинативной функции присуща обобщающая и опосредствующая роль, правомерно говорить об этой функции как о номинативно-репрезентативной. Именно слово, называя предметы, явления реального мира в их обобщённом виде, выступает основным средством их языковой репрезентации, то есть номинации. В то же время оно является основной структурной ячейкой строя языка, имея, кроме значения, и определенную морфологическую оформленность, или грамматическое значение. В силу этого почти никем не оспаривается тезис о том, что слово воплощает основную базисную единицу языка, занимая в его структуре ключевые позиции. Последнее подтверждается универсальным объемом выполняемых словом функций: номинативной (обозначения), сигнификативной (обобщения), коммуникативной (общения) и прагматической (экспрессивного выражения и эмоционального воздействия) (Общее языкознание, 1970, с. 52). По мере возрастания степени обобщённости связь между понятием и словом становится всё более тесной, в частности абстрактных сущностей, непосредственно не связанных ни с какими наглядными образами вещей, слова оказываются единственной формой существования соответствующих понятий... (Резников, 1958, с. 18).

Существующее множество определений слова и трудность создания единой дефиниции объясняется тем, что во-первых, в слове перекрещиваются самые различные лингвистические и внелингвистические аспекты: фонетический, морфологический, лексикологический, синтаксический, социо- и этнолингвистический, а также логический, психологический, философский, семиотический и т.д. Во-вторых, слово является той единицей языка, которая непосредственно воспринимается и выделяется самими говорящими. У носителей языка, в том числе и у лингвистов, имеются нередко свои представления о слове. Естественно, что научная дефиниция не может соответствовать всем таким представлениям, и против каждого предлагаемого определения выдвигаются возражения, так как неучтёнными оказываются те или

име его стороны. Наиболее общим, хотя и не общепринятым, является определение слова как "результата связи определенного значения с определенным комплексом звуков, способного к определенному грамматическому употреблению" (Марузо, 1955, с. 78). Недостатком этого определения по сути дела и признаётся то, что оно применимо и к множеству словосочетаний и морфем, поскольку и у словосочетания и у морфемы имеется определенное значение и определенное звучание, и все они способны к определенному грамматическому употреблению. Многие лингвисты определяют слово с учетом какого-то одного, ведущего критерия, то есть в основу определения кладётся разная его сущность. Мальберг, например, подчеркивает содержательный аспект слова (Malberg, 1963, p. 7), критерий идиоматичности кладёт в основу определения слова М.В. Панов (Панов, 1956, с. 129), фонетический критерий отражается в определениях Аберкромби Д., Гимсона А. и других лингвистов. Н.М. Шанский выделяет двенадцать основных признаков слова, однако такое определение оказывается слишком усложнённым (Шанский, 1964, с. 10). Разительные расхождения в определении слова, недостатки отдельных определений приводят исследователей к выводу, что дать удовлетворительное общее определение слова практически невозможно. Но, например, А.И. Смирницкий, высказываясь против отказа от поиска точной и полной дефиниции слова, утверждает, что при всем многообразии в слове выделяются общие черты, выступающие как наиболее существенные его признаки, при всех возможных отклонениях от типичных случаев. А.И. Смирницкий считает определяющим признаком слова его цельнооформленность (Смирницкий, 1952, с. 184).

В данной работе за достаточное определение слова принимается то, которое базируется все же на ряде признаков, в том числе и на тех, о которых говорит Д.Н. Шмелёв: "слово — это единица наименования, характеризующаяся фонетической и грамматической цельнооформленностью и идиоматичностью" (Шмелёв, 1977, с. 14).

Слово как единица языка (конструкт) имеет свои реализации, для него характерно наличие вариантов. Прежде всего одно и то же слово может встречаться в речи в различных формах. "Форма слова — это принадлежащее языковой системе то или иное его грамматическое видоизменение, несущее, наряду с общим категориальным значением, комплекс частных грамматических значений или одно такое значение. Отдельно взятая

форма конкретного слова является его словоформой" (Грамматика современного русского литературного языка, 1970, с. 302). Словоформа есть одна из вариантных манифестаций (выявлений, видов существования) слова. М.М. Игнатъева, интерпретируя словоформы как значащие отрезки речевого потока, то есть как элементы речи, признаёт их синтагматическими или линейными единицами, а отождествлённые словоформы одного слова, объединённые в словолексеми, называет парадигматическими, нелинейными сущностями (Игнатъева, 1982, с.4). Именно через словоформу слово вливается в речь, образуя речевые варианты. Каждая из словоформ следует друг за другом в порядке, определяемом развёртыванием речевой цепи. Это толкование прослеживается в трудах Л.В. Щербы, когда он говорит, что ... все формы слов нормально создаются (воспроизводятся) в процессе речи, в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента (Щерба, 1974, с. 74).

Целостность языка как системного образования предусматривает и его расчлененность. Она выражается в том, что язык представлен не только основной единицей языка - словом, но и наличием других языковых единиц, находящихся в иерархических отношениях между собой. Существенно, что более крупная единица, выполняя функцию интеграции, инкорпорирует более мелкие единицы и не существует без них: она либо превращается в другую единицу, либо разрушается. Более мелкие единицы, в свою очередь, включаются в состав более крупных, выполняя тем самым конституирующую функцию.

Говоря хотя бы о соотношении слова с единицами низшего уровня, следует отметить, что слово не обладает признаком структурной и семантической нечленности, в отличие от морфемы, минимальной, т.е. далее неделимой двусторонней единицы. Имеются слова, состоящие из одной морфемы, но существует и признак, противопоставляющий многоморфемные и одноморфемные слова морфеме. Слово обладает большей самостоятельностью, чем морфема, причем Ю.С. Маслов говорит о двух степенях самостоятельности слова: "позиционной" и "синтаксической" (Маслов, 1975, с. 106). В частности, позиционная самостоятельность заключается в отсутствии у слова "жесткой" линейной связи с соседними словами в речевой цепи, морфемы же внутри многоморфемного слова такой самостоятельностью не обладают так как они связаны "жесткой" линейной связью. Вторая степень самостоятельности слова - "синтаксическая" представ-

ляет способность слова функционировать в качестве минимального, однословного предложения, что уже соотносит его в более крупными единицами.

Соглашаясь с мнением, что в речи не может быть таких единиц, которые не имели бы места в языке (Ломтев, 1976, с. 373), представляется необходимым осуществить соотнесение языковых единиц, в данном случае слов, с речевыми единицами. Речь — это последовательность знаковых единиц общения в их коммуникативном применении, построенная по законам данного языка в соответствии с требованиями выражаемой информации. Единицы в речи получают дополнительные, временные признаки, которых они не имеют в языке: выбор, повторение, размещение, комбинирование и трансформирование (Березин, Головин, 1979, с. 28). И наоборот: полисемантизм слов, присущий им в языковой системе, исчезает в речи. Актуализованное слово всегда однозначно. Все это позволяет считать язык системой средств, единицы которой потенциальны, а речь рассматривать как реализацию этой потенции. Тем самым признается, что в процессе речемыслительной деятельности происходит постоянное превращение системных, парадигматических языковых единиц в линейные речевые сегменты.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. — 422 с.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. — 407 с.
- Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М., 1979. — 408 с.
- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. — 755 с.
- Игнатъева М.И. Морфемный и словообразовательный анализ слова. М., 1982. — 98 с.
- Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. М., 1976. — 373 с.
- Марузо К. Словарь лингвистических терминов. М., 1955.
- Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975.
- Общее языкознание. М., 1970.
- Панов М.В. О слове как единице языка. В кн.: Уч. зап. МГПИ им. Потемкина, т. 51. М., 1956, с. 128-129.
- Резников Л.О. Понятие и слово. Л., 1958.
- Смирнинский А.И. К вопросу о слове (проблема отдельности слова). М., 1952.
- Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. М., 1977. — 691 с.
- Ванский И.М. Лексикология современного русского языка. М., 1964.
- Шмелов В.Н. Лексикология современного русского языка. М., 1977.
- Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. — В кн.: Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.
- Языковая номинация. М., 1977. — 357 с.
- Malmberg B. Phonetics. — New York, 1963. — 123 p.

DAS WORT IM HIERARCHISCHEN SYSTEM DER
SPRACHLICHEN EINHEITEN

Nadežda Vlasjuk

R e s u m e e

Der Artikel gibt einen Überblick über den Status des Wortes unter anderen Einheiten der Sprache. Das Wort wird als das Hauptmittel der sprachlichen Repräsentation der vielseitigen Objekte und Erscheinungen der Wirklichkeit betrachtet. Weil der Begriff des Wortes sehr unterschiedliche Aspekte einschließt, ist es bislang nicht gelungen, eine alle Forscher befriedigende Definition des Wortes zu geben. In dieser Arbeit werden als seine wichtigsten Merkmale phonetische und grammatische Ganzheit und Idiomatizität angesehen. In der Rede werden die vielseitigen Potenzen des Wortes realisiert, doch bekommt es auch zusätzliche Merkmale, die ihm im System der Sprache fehlen.

СИМВОЛИЗМ ПОЛИЛАБИАЛЬНЫХ ПЕЙОРАТИВОВ
(НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ)

С.В. Воронин

I. Общие замечания

В одной из предшествующих работ (Дубинская Е.А., Воронин С.В., в печати) мы рассмотрели семантический спектр лабиальных фонем⁺ в звукосимволическом слове (ЗСС). Было найдено, что для лабиальных характерен набор следующих основных фонетических значений: "большой - округлый - выпяченный - громкий - темный - печальный - мягкий - медленный - глупый". Было также установлено, что в эмоционально-интеллектуальной сфере (см. последнее значение) символизм данного фонемотипа определяется артикуляторно-выразительным движением лица, сопровождающим эмоцию презрения. Презрение (как и отвращение) в значительной степени выражается посредством движения мышц, окружающих губы (рот) и нос, - при этом выпячивается, оттопыривается нижняя губа (обнажая клык с одной стороны лица), нос поднимается кверху.⁺⁺ Становится, таким образом, понятным использование лабиальных (наряду с носовыми) для звукоизобразительной передачи эмоции презрения и возникающего на этой основе пейоративного (уничжительного) значения.⁺⁺⁺

⁺ Имеется в виду лабиальные в широком смысле - как собственно лабиальные, так и лабиализированные /p/, /b/, /f/, /w/, /ш/, /ч/, /ц/, /ц:/, /о/, /о:/, /оц/. Сюда же мы условно относим /л/ (< /у/), могущее сохранять символическое значение исходного /у/ по "звукосимволической (этимологической) инерции" (Гурджиева Е.А., 1973, с. 230), ср. сходную ситуацию с /h/ (< /2/) (Воронин С.В., 1967, с. 63).

⁺⁺ Подробное описание выразительных движений при эмоциях отвращения и презрения находим в работе Ч.Дарвина (Дарвин Ч., 1953, с. 850, 851, 845).

⁺⁺⁺ Связь пейоративного значения со значением "округлого, выпяченного, надутого" отмечалась и этимологами (Person, 1912, 262 (putt-), 263, 265).

Фонемотип лабиальных принадлежит к числу фонемотипов, чье пейоративное фонетическое значение проявляется достаточно отчетливо при наличии в ЗСЗ даже одного лабиального, — ср. примеры многочисленных экспрессивных образований с /у:/ (-oo-): goon 'туница, болван', loon 'деревенщина', gook (презр.) 'азият'. (О. Есперсен писал о "символической значимости гласного /i/ (Jespersen O., 1933), — можно, думается, с полным правом говорить и о символической значимости гласного /у:/). Такие монолабиальные лексемы (обладающие своими специфическими особенностями) будут рассмотрены нами в отдельной работе. Здесь же в нашей выборке учитывались лишь полилабиальные образования (содержащие два или более лабиальных). В предлагаемой статье обсуждаются некоторые вопросы общей теории звукоизобразительности, возникающие в связи с рассмотрением полилабиальных пейоративов.⁺

2. Понятие звукоименической зоны (ЗСЗ) слова

При описании полилабиальных пейоративов (386 английских лексем) представляется целесообразным ввести понятие звукоименической зоны (ЗСЗ) слова, характеризуемой четырьмя основными параметрами: протяженностью, насыщенностью, ориентированностью и плотностью. Под звукоименической зоной слова будем понимать часть слова между двумя максимально удаленными друг от друга лабиальными. Протяженность зоны измеряется общим числом фонем (как лабиальных, так и нелабиальных) в ЗСЗ. Насыщенность (более полно — звукоименическая насыщенность, ЗС-насыщенность) зоны измеряется числом лабиальных в ЗСЗ. Под ориентированностью зоны понимаем преимущественную конгломерацию лабиальных в анлаутной, инлаутной либо ауслатной части слова (соответственно: анлаутная, инлаутная либо ауслатная ориентированность ЗСЗ). И, наконец, под плотностью зоны имеем в виду ее диффузность либо компактность. Диффузной считаем зону, в которой лабиальные гласные и согласные находятся в неконтактном положении, будучи разделены одним нелабиальным согласным (не сонорным) или же последовательностью из двух либо более нелабиальных фонем. Рассматриваемая с позиций данной конкретной разновидности звукоименизма, диффузная зона полна "дырок";

⁺ Пользуюсь случаем выразить благодарность Е.А. Дубинской, отдельные материалы которой были использованы мною при работе над статьей.

"заняты" нелабиальными фонемами. Компактной считаем зону, в которой лабиальные находятся (относительно друг друга) в контактном либо квазиконтактном положении. При контактном положении лабиальный согласный непосредственно предшествует лабиальному гласному или/и непосредственно следует за ним. При квазиконтактном положении лабиальные согласный и гласный разделены одним нелабиальным сонорным.

3. Диффузная ЗСЗ

Образования с диффузной ЗСЗ немногочисленны (всего 26 слов) и являются, по существу, исключениями на фоне общей массы "компактных" пейоративов. Выделить какие-либо модели здесь не представляется возможным. Укажем лишь на два примера: *ogfɔʊ* / $v^L c c^L$.../ презрительная кличка француза, *hooʌ* / $c^L v c v^L$.../ 'челуха, белиберда'. Первый пример представляет собой преобразование по способу "pig Latin" существительного *frog* лягушка; второй, по-видимому, - заимствование, еще не ассимилировавшееся в английском языке. Эти образования так или иначе аномальны. Однако "необычность" их (даже на фоне других - достаточно аномальных ЗСЗ) и их немногочисленность требуют объяснения. Дело здесь, думается, в том, что для наиболее полного проявления символизма уничижительной семантики важно не столько наличие в слове лабиальных фонем, сколько их "соседство", их контактное положение, т.е. их манифестация в составе компактной ЗСЗ: это увеличивает непрерывную совокупную протяженность звучания лабиальных, слово оказывается более экспрессивным⁺, и фонетическое значение лабиальных проявляется ярче. Отметим также единичные случаи, где звуко-символическая "слабость", разрозненность неконтактных элементов диффузной зоны отчасти компенсируется введением "контактных" элементов (характерных для компактной зоны: ср., например, *bamboozle* / $c^L v c^L c^L v^L$.../ 'одурачивать, надувать').

4. Компактная ЗСЗ

Образования с компактной ЗСЗ (360 слов) описываются тремя выделенными в ходе анализа моделями:

Модель I. (...) $c^L(s)v^L$ (...)
 Модель II. (...) $c^L(s)v^L c^L(c^L)$ (...)

⁺ Об экспрессивной геминации см., в частности Воронин С.В., 1969, I, с. 91-92, ср. там же с. 312-313.

Модель III. (...): $v^{L}C^{L}(C^{L})$ (...)

Приведем примеры: модель I - *awoozled* 'пьяный'⁺, *roke* 'тугоум', *plonk* 'дешевое вино'; модель II - *booby* 'болван, олух', *frushu* 'неряшливый, невзрачный', *flummadiddle* 'ерунда'; модель III - *oofau* (презр., негртянск.) 'белый человек', *gumr* 'тупой человек', *loor* 'ничтожество' (о человеке).

Наиболее частотна модель I - 58 % материала (208 слов); модель II наименее частотна: - 14 % материала (50 слов); модель III охватывает 28 % материала (102 слова).

Звукосимволически наиболее "сильной" (и в теоретическом плане наиболее интересной) оказывается наименее частотная модель - модель II. Причин тому - несколько.

Первая (не главная) причина - более протяженная (3-5 фонем) компактная ЗСЗ, чем ЗСЗ моделей I, III (2-3 фонемы).

Вторая причина (важнейшая) большая по сравнению с моделью I (2 лабиальных) и моделью III (2-3 лабиальных) ЗСЗ-насыщенность (3-4 лабиальных). Модель II - единственная, в которой возможно явление, называемое нами сатурацией, или звукосимволическим насыщением: при сатурации число лабиальных в ЗСЗ оказывается равным общему числу фонем в этом слове, и последнее выступает как единый звукосимволический монолит, "сплошь" (за исключением отдельных возможных сонорных вставок) состоящий из лабиальных (что особенно ярко выступает на фоне "рычлых", "дырчатых" структур лексем с диффузной ЗСЗ). Ср.: *woof* 'вести глупый разговор', *vuw* презрительная кличка бродяги, *bloor* 'грубая ошибка'. Укажем здесь на тот заслуживающий внимания факт, что сатурированные ЗСЗ по своей звукоизобразительной насыщенности не отличаются от акустических ономатопов - звукоизобразительно наиболее "сильных" лексем (правилом почти для каждой фонемы структуры акустического ономатопа является выполнение тех или иных изобразительных функций (Воронин С.В., 1969, I, с. 417)).

Третья причина звукосимволической (и, следовательно, звукоизобразительной) "силы" модели II - в ее "разносторонней" ориентации, важнейшим компонентом которой является наиболее экспрессивная анлаутная ориентированность: для фонетического значения наиболее значимой является начальная позиция фонемы (Журавлев А.П., 1969, с. 66).

Наконец, четвертая причина (имеющая отношение уже не к

⁺ Для подобных образований не следует исключать действия также прямого звукоподражания невнятной, бормочущей речи.

характеризующим ЗСЗ параметрам, а скорее к критериям идентификации звукоизобразительных слов) заключается в высокой степени аномальности модели II. Это — фактор, по значимости сопоставимый с рассмотренным выше фактором звукоименической насыщенности. Э. Фадж (Fudge E., 1970, p. 161) отмечает, что английские слоги, в которых основные начальные и конечные согласные являются согласными одного места образования, относятся к периферийным типам слогов (в том смысле, что частотность их использования в английском языке ниже математически ожидаемой) и тесно связаны с экспрессивностью (связь же периферийности и экспрессивности с аномальностью понятна и в литературе отмечалась) (Живов В.М., Успенский Б.А., 1973; Воронин С.В., 1981). Именно такие типы слогов мы имеем в ЗСЗ нашей модели II. Более того, в отдельных примерах несатурированной модели II начальные и конечные согласные ЗСЗ идентичны не только по месту, но и по способу образования: *vroops* 'слабый, глупый человек', *loshveg* 'ублюдок'. И, наконец, ту же картину наблюдаем в целом ряде случаев сатурированной модели II (ЗСЗ равна по протяженности слову), ср.: *roop* 'глупый или незначительный человек', *blob* 'грубая ошибка', *fluff* 'глупая болтовня' и т.п. Э. Фадж приводит следующее высказывание У. Туоделла относительно согласных в ударных слогах в немецком: многие примеры того, как один и тот же согласный предшествует данному гласному и следует за ним, создают впечатление необычности, кажутся несколько странными, и употребление их ограничено определенными сферами речи (Fudge E., 1970, p. 177). Разделяя это мнение, Э. Фадж добавляет, что исключения из действующего в английском языке правила "подобное отвергает подобное" (*like gerulves like*) тяготеют к словам особых семантических типов; в его работе находим прямое указание на тот факт, что исключения такого рода (р-----р) наблюдается преимущественно в заимствованиях, в звукоизобразительных словах и в словах детского языка (Fudge E., 1970, там же). Среди анализируемых в настоящей работе образований лексемы типа *roop* модели II являют собою случаи максимальной звукоименической и экспрессивной силы.

Модель I, хотя и уступает модели II, все же обладает значительной звукоименической силой, в основном благодаря своей анлаутной ориентированности.

Модель III выступает как самая "слабая", в сравнении с двумя другими моделями, — по-видимому, вследствие преиму-

цественно акустичной ориентированности.

5. Вопрос о степени фонетической мотивированности слова

Здесь кажется уместным поставить вопрос о степени и мере мотивированности слова, о его звуко-символической (и, шире, звукоизобразительной) "силе". Говоря о большей или меньшей звуко-символической "силе" той или иной модели и о сравнительной "силе" различных образований внутри отдельных моделей, мы основывали наши суждения в первую очередь на степени звуко-символической насыщенности ЗСЗ слова, которую "измеряли" числом лабиальных в ней. Рискнем выдвинуть предположение (нуждающееся в экспериментальной проверке психолингвистическими методами), что это число может служить (по крайней мере, в ряде пластов звуко-символической лексики) показателем степени фонетической мотивированности слова, мерой его экспрессивности (возможно следует учитывать также качественные и особенно количественные различия представителей одного и того же фонематипа).

6. Некоторые критерии идентификации звукоизобразительного слова

Звукоизобразительность лексем рассматриваемой группы устанавливаем по совокупности ряда критериев:

- связь звука со значением (ср. foo-foo 'чужак, пришелец; дурак' и rhoo восклицание, выражающее презрение, нелюбовь или недоверие, grut в значении 'грязь' и выражение презрения, неверия и т.п. - лежащие в основе "звуковые жесты" очевидны);
- экспрессивность (эмоциональность);
- конкретность семантики;
- стилистическая ограниченность (по условиям самой задачи - американский слэнг);
- редупликация (boo-boo 'неверный шаг, оплошность'; foo-foo 'чужак, пришелец; дурак');
- относительное единообразие формы (см. три модели компактной ЗСЗ);
- фонетическая аномальность (подробнее см. выше);
- экстранормальная вариантность.

Большинство критериев достаточно очевидны; последний, однако, требует раскрытия. Одним из характерных признаков звукоизобразительных слов является (наряду с рассмотренным выше признаком аномальности) признак, который можно терми-

нироваться как экстранормальная вариантность. Речь идет о парах (в отдельных случаях — о целых цепочках) слов с одним и тем же значением (либо с близкими значениями), в которых варьируются лабиальные (в пределах фонемотипа лабиальных). Ср.: *gosp* 'глупец' и *gosp* 'дурачина; бабник'; *boozed* 'пьяный' и *woozu* 'плохо соображающий; пьяный'; *boob* 'дурак'; *roor* 'глупый или незначительный человек' и *woof* 'вести глупую беседу'. Рассматривая идеофоны ряда африканских языков, Б.В. Журковский отмечает: "наибольший интерес представляет звуковая природа идеофонов, а именно связь отдельных групп... "похожих" согласных (например, *b/f/p/h*; *z/s*; *m/l*; *d/g* и т.д.) с определенным лексическим значением, причем последовательность элементов... в морфемических сегментах, как правило, безразлична, и замены указанных "похожих" элементов фонетически обусловлены (Журковский Т.В., 1969, с. 54). Обсуждая подобные образования в малайском /индонезийском, Д. Карр пишет: "Важно помнить, что неэкспрессивные образования почти не дают свидетельств подобной свободы выбора между звонкими и глухими смычными, между смычными и соответствующими им фрикативными согласными, между носовыми и ротовыми... Появление такой пластичности является фактически неоспоримым признаком экспрессивности..." (Carroll D., 1966, p. 372). Также "взаимозаменяемые" фонемы в звукоизобразительной лексике Р. Лемани (Lehmann R., 1949, p. 127) называет экспрессивными эквивалентами". Исследователи говорят преимущественно об "экспрессивных эквивалентах" — согласных. Наш же материал дает немало примеров "взаимозаменяемости" гласных: ср. *ofau*, *oofau* (презр., негритянск.) 'белый человек'; *plonk*, *plunk* 'дешевое вино'; *woozled*, *woozled* 'пьяный',

7. Заключение

Проведенное рассмотрение вновь приводит нас к выводу (сделанному на ином материале) (Воронин С.В., 1969, т. II, с. 537), что для звукоизобразительного слова выбор каждой данной фонемы "внутри" фонемотипа ("точки" в некоем ограниченном, но достаточно большом пространстве) в общем случае — при неслучайности выбора фонемотипа (самого пространства однотипных фонем). Последнее, думается, позволяет ставить вопрос о том, что является носителем фонетического значения, и о том, каково должно быть содержание понятия "фонема". Здесь уместно также напомнить высказывание В. Скалич-

ки о том, что "звукоподражательными словам, сопровождаемым сильным эмоциональным оттенком, свойственно стремление к расплывчатости" (в то время как "интеллектуальные незвукоподражательные слова тяготеют к точности"); чешский лингвист рассматривал эти слова как "попытку возврата к первоначальной диффузной чувствительности" (Скаличка В., 1967, с. 294-295). Следует полагать, что именно эта "диффузная чувствительность" не только обуславливает диффузность, расплывчатость значения звукоизображений - на что указывает В. Скаличка, - но и приводит к диффузной форме передачи этого значения⁺ - в чем мы имели возможность убедиться, обсуждая пейоративные образования лабиального типа. Сама диффузность эта образует, однако, своеобразную "иносистему" внутри лексиса - "иносистему" когерентную и достаточно жесткую, хотя и с несравненно большими, чем в "интеллектуальной" лексике, "степенями свободы".

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Воронин С.В. Некоторые замечания о звуке /л/ в английских ономатопах. - Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. I, Изд. ЛГУ, 1967.
- Воронин С.В. Английские ономатопы (типы и строение). Канд. дисс., т. I, II. Л., 1969.
- Воронин С.В. Аномалии аномальной системы. - Системное описание лексики германских языков. Вып. 3. Изд. ЛГУ, 1981.
- Гурджиева Е.А. Элементарный звуковой символизм. Канд. дисс. М., 1973.
- Дарвин Ч. Сочинения, т. 5. М., 1953.
- Дубинская Е.А., Воронин С.В. К символизму лабиальных (в печати).
- Живов В.М., Успенский Б.А. Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий. - ВЯ, 1973, № 5.
- Журавлев А.П. О мотивированности признаковой семантики слова. - Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969.
- Журковский Б.В. Звуковая символика в идеофонах. - Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969.
- Скаличка В. Исследование венгерских звукоподражательных выражений. - Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

⁺ Не следует смешивать "общую" диффузность, упоминаемую Скаличкой, и обсуждавшуюся здесь "частную" диффузность ЗСЗ.

- Carr D. Homogeneity in Malay / Indonesian in Expressives and Quasi Expressives. - Language, v. 42, 1966, N 4.
- Fudge E. Phonological Structure and Expressiveness.- Journal of Linguistics, v. 6, 1970.
- Jespersen O. Symbolic Value of the Vowel i. - In: Jespersen O. Linguistica. Copenhagen, 1933.
- Lehmann R. Le sémantisme des mots expressifs en suisse romande. Berne, 1949.
- Person P. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung, I. Uppsala, 1912.

Условные обозначения

V - нелабильный гласный, v^L - лабильный гласный, C - нелабильный согласный, c^L - лабильный согласный, S - корень.

SOUND SYMBOLISM IN POLYLABIAL PEJORATIVES
(SOME PROBLEMS OF GENERAL THEORY)

Stanislav V. Voronin

S u m m a r y

The article discusses some problems of general phonosemantic theory (the notion of sound symbolic zone, criteria for ideophone identification, etc.) cropping up in the study of polylabial pejoratives (e.g. boob 'a simpleton', foo-foo 'one who does not belong or is not accepted; a worthless person', momser 'one who borrows frequently; any disliked person').

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КЛАССА ОТГЛАГОЛЬНЫХ
ИМЕН БЕЗАФФИКСНОГО ТИПА

Т.С. Глушак, И.И. Большаков

Отглагольные имена разных типов (девербативы) привлекают к себе внимание исследователей (Волина С.А., 1971; Зеняк Н.И., 1975; Лавриченко Г.Я., 1978; Балакирев В.Ф., 1979; Шилко Г.П., 1982) в связи с тем, что в функционировании они актуализируют скрытые свойства, обеспечивающие им существенную роль в построении высказываний и текстов, в формировании специфики функциональных стилей. Усложненность семантической структуры имен-девербативов, совмещающей категориальные признаки двух основных частей речи — глагола и существительного, служит главным мотиватором их функционального "поведения" и определяемой им повышенной коммуникативной значимости.

Здесь рассматривается конкретный тип указанных имен — образование от глаголов существительные, маркированные нулевым словообразовательным формантом и выступающие поэтому как *б е з а ф ф и к с н ы е д е в е р б а т и в ы*. В лингвистической литературе широко распространено понимание способа словообразования, по которому возникают данные имена, как конверсии, или субстантивации. А.И. Смирницкий (Смирницкий А.И., 1953; 1954) показал применительно к английскому языку, что конвертируемые единицы являются не формами одного и того же слова, как думали раньше, а омонимичными формами разных слов (в данном случае существительного и глагола). В качестве единственного опорного, а не дополнительного, "сопутствующего" (Лопатин В.В., 1966, с. 78) средства словообразования выступает при этом парадигма, и признание словообразовательной роли парадигмы как важнейшее звено концепции А.И. Смирницкого было поддержано затем целым рядом лингвистов, исследовавших способы безаффиксного словообразования в немецком языке К.А. Левковской (Левковская К.А., 1954, с. 20; 1956, с. 159-161; 1962, с. 215), О.И. Москальской (Москальская О.И., 1956, с. 46).

В образовании новых слов по конверсии включаются не только основа в ее стандартном облике, но и варианты основы производящего слова. В случае отглагольных имен это чаще всего бывают те разновидности основы, которые порождаются

чередованием корневого гласного по аблауту (*binden - band - gebunden: Band, Bund*). Но если при образовании deverбаливов изменение звуков в корне выходит за пределы известных чередований по аблауту (как, например, немецк. *Sprach* по отношению к *sprachен - sprach - gesprochen*), то, в частности, А.И. Смирницкий уже не относит такое явление к конверсии, выделяя звуковое изменение вообще как специальное словообразовательное средство, выступающее независимо от парадигмы (Левковская К.А., 1951, с. 20-21). М. Докулиа интерпретировал как конверсию все образования, сопровождаемые фонетическими изменениями в корне, по той причине, что фонетические чередования выявляются лишь у части коррелирующих основ и не распространяются на словообразовательный тип в целом, т.е. не мешают ему быть конверсией (Dokulil M., 1962, с. 57,64). И при безаффиксном словопроизводстве рассматриваемых имен в словообразовании фактически участвует любой флексоморфологический вариант основы исходного глагола. Структурное тождество соотносимых слов от этого не нарушается, семантическое же тождество способно исчезать и при неизменной основе, как, например, *fallen - der Fall* (падение), но не *der Fall* (падеж), или *greifen - der Griff* (действие), но не *der Griff* (в значении "ручка, за которую держат вещь").

В теории обсуждаемого способа словообразования оказалось введенным понятие "нулевого словообразовательного аффикса" или нулевой морфемы (Marchand H., 1960). Сущность деривации с помощью нулевой морфемы - это скрытая морфологическая "поддержка", образование совершенно отличного слова без присоединения деривационного форманта. А открытая сторона дела - это сдвиг в плане содержания, поскольку категориальные значения соотносящихся слов различны. "Нулевой словообразовательный аффикс" как некое подразумеваемое означающее соотносится с определенным означаемым, и у безаффиксных deverбаливов "означаемым без означающего" (по Марчанду) является значение процессуальности в категориальном предметном значении имени. Данное значимое отсутствие словообразовательного суффикса осознается на фоне общей модели (парадигмы в широком смысле слова) отглагольного образования существительных. На столь наглядном общем фоне Т. Шиппан и определяет безаффиксные deverбаливы как произведенные от глагольных основ при помощи "нулевой морфемы" (Schirra Th., 1968, с. 18), значение которой выражается ее отсутствием.

Специфической трудностью рассмотрения коррелирующих пар

в рамках безаффиксного словопроизводства следует признать вопрос о возможности однозначного установления мотивации (см., например, Антишев А.Н., 1971, с. 185). Часто называемые признаки первичности/вторичности основ (умлаут, слабое спряжение отменённых глаголов и др.) не могут считаться всеобщими и тем более однозначными (Степанова М.Д., 1968, с. 171). Не случайно, обсуждая направленность мотивации в парах глагол-существительное, исследователи находятся на разных позициях. Так, И. Эрбен настаивает на том, что вопрос не может решаться в синхронии, для которой релевантны только системно-семантические отношения между членами пар (Erben J., 1964). М.Д. Степанова же говорит о "функционировании тождественных основ ... в условиях разной дистрибуции, характеризующей разные части речи (Степанова М.Д., 1968, с. 174). Такой взгляд уже вполне соответствует синхронному положению дел и снимает проблему первичности-вторичности основ. Это значит, что в соотносимых единицах *Lauf - laufen* при синхронном подходе речь должна идти о тождественных основах, регулярно функционирующих в условиях разной дистрибуции.

Содержащийся в словарях немецкого языка материал позволяет проанализировать и систематизировать семантические свойства безаффиксных девербативов. Главное, что сразу удастся установить, состоит в следующем: семантический сдвиг, который выглядит как "опредмечивание" глагольного значения в производных именах, бывает различным по глубине, чем порождается спектр значений внутри класса: от значения действия через то, что связано с действием (результат, объект, производитель, инструмент, место протекания), до значения конкретной предметности как следствия утраты связи с действием. Таким спектром обуславливается существование целого ряда лексико-семантических вариантов у девербативов. Их семантическая структура как раз и представляет собой единство нескольких ЛСВ, т.е. взаимодействующих значений, явно или скрыто фиксируемых специфической конфигурацией синтаксических связей (парадигмой реализации). И, как заметил в свое время С.Д. Кацнельсон, "главенствующую роль играет всегда одно - основное, или главное значение: все остальные прямо или косвенно подчинены главному" (Кацнельсон С.Д., 1965, с. 59). Главным является по-существу первичное значение девербативов, т.е. тот их лексико-семантический вариант, который реализует семантическую функцию, идущую от глагола, - значение действия (процесса, состояния). По отношению к это-

му появившиеся новые значения должны трактоваться как вторичные, т.е. как результат процесса лексического развития, протекающего в направлении ослабления в той или иной мере семантической связи deverбатива с производящей основой — глаголом, побледнения и даже потери глагольных признаков. Первичное значение, явившись реализацией словом-дериватом исходной семантической функции, "наиболее обусловлено парадигматически и наименее обусловлено синтагматически" (Шелер Д.Н., 1973, с. 212). Вторичные же значения (ЛСВ) менее закреплены парадигматически и "нуждаются" в большей синтагматической обусловленности, ... опознавательном контексте" (Новиков Л.А., 1982, с. 166).

Все сказанное ставит на повестку дня при рассмотрении анализируемых имен проблему полисемии. Чтобы вести речь именно о полисемии, необходимо принять за отправной пункт следующее: семантическая целостность многозначных безаффиксных deverбативов обеспечивается тем, что и вторичные их значения все же отражают то, что так или иначе связано или было связано с действием и процессом, т.е. с первичным значением. Чтобы проиллюстрировать, как в одном deverбативе соотносятся его первичное и вторичное значения, достаточно рассмотреть конкретный пример: der Bau — deverбатив, у которого 1) основное (первичное) значение соотносено с процессом, действием и эксплицируется глаголом-коррелятом bauen (der Bau von Wohnungen, Schulen — man baut Wohnungen, Schulen); 2) более поздние (вторичные) лексико-семантические варианты а) значение субстанции, от которой исходит действие (beim Rostocker Straßenbau beschäftigt sein); б) значение места, где происходит действие (sich auf dem Bau befinden); в) значение результата действия (ein historischer Bau). Как видно, непосредственная смысловая связь вторичных значений с первичным во всех случаях узнается, она собственно и обеспечивает семантическую целостность deverбатива как многозначного слова, позволяя говорить о его полисемии. Если же имя полностью отрывается от значения действия, т.е. переосмысливается на базе категории предметности, на что ранее указывалось, то его семантического единства больше не существует, в языке имеются омонимы. Так, И.Г. Милославский считает уже приводившееся слово der Griff со значениями 1) "отдельный акт действия" и 2) "часть предмета" разными словами-омонимами (Милославский И.Г., 1980, с. 29). Такую же трактовку дают и словари, определяя der Griff в одном случае как Teil ei-

des Gegenstandes (der Griff der Aktentasche, des Messers, der Uhr), в другом случае — через ина действия das Greifen.

Разграничение полисемии и омонимии безаффиксных девербативов и производится по указанному принципу, т.е. на основе традиционной для лингвистики точки зрения, которую четко выразил, в частности, Б. Трика: "если отдельные значения слов связаны друг с другом переходными значениями, то в языковом сознании их совокупность воспринимается как одно слово (Трика Б., 1967, с. 272), т.е. имеет место полисемия. Если же такой связи между значениями не обнаруживается, имеются все основания считать равнозвучащие слова омонимии. Например, слово der Betrieb означает "продуктивная деятельность" в высказывании:

Dabei werden die einzelnen Raumpunkte im Tipp-Betrieb in zeitlicher Reihenfolge angefahren (Feingerätetechnik, 1981, VI). Но оно может означать и место, где совершается работа (деятельность):

Er ist der ehrsame Erbe eines Betriebes, in dem der Rohstoff Holz verarbeitet wird (Strittmatter, Ole Bienkopf).

Это, бесспорно, лексико-семантические варианты одного слова, тесно взаимосвязанные в семантическом плане, и само слово отмечено поэтому полисемией. Наоборот, слово der Schein со значением "сияние" (т.е. процесс) в высказывании:

Auch wollte ich ihm gern erzählen von den funkelnden Knöpfen im Laternenschein und von meinem Traum (Becher, Abschied). и der Schein со значением "документ" (т.е. предмет) в высказывании:

Man macht mir die Blutprobe und ich hab' Alkohol und adjf mein Führerschein (Seghers, Das siebte Kreuz). уже не отражает полисемии, они никак не связаны друг с другом и представляют собой слова-омонимы.

Степени опредмечивания значений в семантической структуре безаффиксных девербативов правомерно выделять с опорой на критерии абстрактность — конкретность. Установление градации значений по шкале движения от абстрактного к конкретному отвечает, думается, лучше, чем какой-либо иной критерий, типу и характеру всего класса слов. На него ссылался еще В. Хенцен, отмечавший, что семантика подобных существительных располагается между полюсами абстрактного и конкретного (1957, с. 169-172). Именно сдвиги в характере и степени абстрактности (исначально заданной), вызываемые функционированием в языке, ведут постепенно к тому, что зна-

чение девербатива становится более конкретным, т.е. что глагольные признаки из него в большей или меньшей степени исчезают.

Итак, признавая в качестве стержня семантического расчленения имен противопоставленность их первичных, т.е. абстрактных, и вторичных, т.е. конкретных, значений, правомерно истолковывать первые как значения "действие" ("процесс"), если имена соотносятся с глаголами действия (Aufbau, Kauf, Gebrauch), и "состояние", если имена соотносятся с глаголами состояния (Nah, Kummer, Ärger). В лексикографических источниках именно эти значения чаще всего подаются под номером первым. Номинативной особенностью существительного в абстрактном (основном) значении является наличие у него общего с исходным глаголом денотата (Уфимцева А.А., 1980, с. 9).

Анализ материала дает основания говорить о том, что значительное число существительных развивают свои первичные, мотивированные глаголами значения в сторону предметных, т.е. менее абстрактных и более конкретных. Процесс совершается так, что в перегруппировке значений первично абстрактного слова смысловой центр перемещается на одно из "периферийных" предметных значений (Лавриненко Г.Я., 1978, с. 163). В зависимости от характера воплощаемой "предметности" и ее отношения к значению "действие - процесс", можно выделить три группировки вторичных значений. Первая охватывает имена с абстрактно-предметными значениями, третья - имена с конкретно-предметными значениями, а девербативы второй являются как бы переходным звеном между абстрактно-предметными и конкретно-предметными, называя субстанцию, от которой исходит действие.

Первую группировку вторичных значений составляют девербативы, обозначающие "объект", "результат", "средство" действия, не осмысливаемые как собственно предметные сущности. Их маркирует сема "абстрактная предметность". Так, девербатив *der Beweis* в значении *das ist noch ein Beweis dafür, daß er recht hat* называет абстрактный "предмет" действия, имя *der Einfall* в значении *der Einfall ist das, was J-m eingefallen ist* обозначает абстрактный "результат" действия, а девербатив *der Verstand* обозначает средство действия глагола *verstehen* т.е. *Verstand ist das, womit man etwas versteht*.

Те значения безаффиксных девербативов, которые воплощают субстанцию, от которой исходит действие, расположены на стыке абстрактно-предметных и конкретно-предметных ЛСВ и об-

раают вторую группировку вторичных значений рассматриваемых имен. Можно сравнить следующие примеры:

Die meisten essen nicht um satt zu werden, sie essen um zu essen. Das Essen ist Ersatz für alles, was sie hier entbehren (Wallraff, Unerwünschte Reportagen).

Mit zwölf Jahren ist jeder Mensch ein Genie. Er verliert seine Originalität erst mit dem Eintreten der Geschlechtsreife... Ein ziemlich einförmiger Ersatz für den Verlust der Freiheit des Geistes! (Remarque, Der schwarze Obelisk).

"Doris, für heute müssen Sie auf den Putzer verzichten. Wir brauchen Ersatz für einen Ausfall an der Schüttstelle" (Jobst, Der Vagabund).

Во всех примерах существительное Ersatz обозначает разные понятия: в первом за ним стоит действие (das Essen), во втором - целая ситуация, в третьем - конкретный предмет (человек), но отношение девербатива Ersatz к глагоду-корреляту ersetzen остается тем же: Ersatz ist das, was ersetzt. Поэтому во всех трех случаях выступает типовой ЛСВ существительного Ersatz, обозначающий субстанцию, от которой исходит действие соотносящегося с ним глагола.

Третью группировку вторичных значений безаффиксных девербативов составляют ЛСВ, обозначающие конкретный предмет - Abzug, Anwuchs, Unterbau; результат - Abbruch, Abzug, Bug; средство - Einband, Aufzug, Floß; место - Einfluß, Unterschlupf, Stich; носителя действия - Zugang, Vorfahr, Besuch. Необходимо также отметить, что данная группировка объединяет как имена, имеющие основной ЛСВ, например:

Alles staut sich an den Ausgängen und der Garderobe (Remarque, Der schwarze Obelisk), так и девербативы, характерной особенностью которых является отсутствие основного ЛСВ:

"Ich vermissе die Grabenbezeichnung in Ihrem Abchnitt!" sagte der Oberst (Renn, Der Krieg. Der Nachkrieg).

Исследование показало, что в качестве главного критерия оценки характера семантики безаффиксных девербативов, как, впрочем, и всей категории субстантивной отглагольной лексики, следует признать степень их корреляции с мотивирующими глаголами. На основе глубины взаимодействия в семантической структуре безаффиксных девербативов и различаются их первичные и вторичные лексико-семантические варианты, а

последние в свою очередь дифференцируются по удельному весу в них "предметности". Это и есть общая картина семантической организации рассмотренного класса слов.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Волгина С.А. Словопроизводство и внутренняя классификация существительных современного немецкого языка. КД, М., 1971.
- Зенке Н.И. Опыт отграничения (идентификации) абстрактных существительных современного немецкого языка. КД, Минск, 1975.
- Лавринович Г.Я. Отглагольные существительные в современном немецком языке и степень нейтрализации в них глагольных признаков. КД, М., 1978.
- Балашичев В.Ф. Семантико-синтаксический аспект отглагольных дериватов (лиен действия) в современном немецком языке. КД, Минск, 1979.
- Шалко Г.П. Функционально-реализационный план субстантивированного инфинитива в современном немецком языке. КД, Минск, 1982.
- Смирницкий А.И. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке. ЯЯШ, № 5, 1953.
- Смирницкий А.И. По поводу конверсии в английском языке. ЯЯШ, № 3, 1954.
- Лопатин В.В. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования. ВЯ, № 1, 1966.
- Левковская К.А. Словообразование. М., 1954.
- Левковская К.А. Лексикология немецкого языка. М., 1956.
- Левковская К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962.
- Москальская О.И. Грамматика немецкого языка. Морфология. М., 1956.
- Dekullil M. Tvoření slov v češtině. I. - Teorie odvozování slov. Praha, 1962.
- Marchard H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. - Wiesbaden, 1960.
- Schirren Th. Die Verbalsubstantive der deutschen Sprache der Gegenwart. Habilitationsschrift. - Leipzig, 1967.
- Ахтышев А.Н. Токдественные основы в современном немецком языке /на материале глаголов и существительных/. Уч. зап. МГУИЯ им. М. Тареза, т. 61, 1971.
- Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. На материале современного немецкого языка. М., 1963.
- Ergben J. Deutsche Wortbildung in synchronischer und diachronischer Sicht. - In: Wirkendes Wort, 1964, Bd. 14.
- Капнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л., 1965.
- Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
- Князевский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.
- Трнка Б. Замечания об омонимии. - В кн.: Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. М., 1967.
- Neußer W. Deutsche Wortbildung. 2. Aufl., Tübingen: Neisner, 1957.
- Уфимцева А.А. Семантика слова. - В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980.

SEMANTISCHE STRUKTUR DER SUFFIXLOSEN

DEVERBATIVA IM DEUTSCHEN

T.S. Glušak, I.I. Bolschakov

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die suffixlosen Ableitungen (Deverbativa) der deutschen Sprache erweisen sich im Gebrauch als sehr produktiv. Im Sprachsystem stellen sie einen besonderen Typ von lexikalischen Einheiten dar, dessen formelle Kennzeichen der verbale Stamm und das wortbildende Null-Formans sind. Semantisch ist diese Substantivklasse mannigfaltig differenziert, aber die Hauptlinie der Differenzierung und somit der semantischen Entwicklung kann zwischen den Kategorien Abstraktheit und Konkretheit gezogen werden. In diesem Sinne erschließt der Artikel das gemeinsame Bild der semantischen Struktur der Klasse, der zugrunde eine Skala mit den Polen abstrakt - konkret liegt.

ПРАГМАКОММУНИКАТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ-ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ПРИСОЕДИНЕННЫМ
КОМПОНЕНТОМ

Н.Н. Голикова

Коммуникативно-функциональный или прагмакоммуникативный подход к языку предполагает изучение единиц и явлений со стороны их функционирования, "использования в речевых и - шире - социальных ситуациях" (Сусов, 1979, с. 96). Присоединение представляет собой в речевой реализации языковое явление с явной коммуникативно-прагматической направленностью. В нем непосредственно воплощается авторская интенция - намерение дополнить мысль, уточнить, расширить, оценить ее, увеличив тем самым информативность высказывания и придав ему стилистическую тональность. Последнее связано с тем, что в намерения коммуниканта при формировании им сообщения для передачи может входить и чаще всего входит не только донесение до получателя логико-предметной сути информации, но и выражение определенного к ней отношения, вызываемого изменением личной позиции уже в акте сообщения. Возникая как нечто добавочное, но существенное, такое "приращение" содержания способно резко изменить коммуникативный фокус высказывания. Получается тот случай языкового отражения смысла, когда, согласно мнению лингвистов, "коммуникативные факторы управляют изменчивой последовательностью элементов предложения, прежде всего добавлениями" (Mrazović, 1982, с. 230).

К наиболее характерным особенностям присоединения, как следует из сказанного, относится именно его связь с реализацией дополнительного коммуникативного задания, т.е. намерения уточнить, пояснить, детальнее охарактеризовать, оценить высказывание в целом или отдельные его члены. Это согласуется с положением о том, что, "реализуясь в конкретной речевой ситуации, языковая модель предложения подвергается разнообразным изменениям, преобразованиям, усложнениям", которые бывает обусловлены дополнительными речевыми функциями предложения..." (Золотова, 1973, с. 331).

Языковая модель предложения обобщает какую-то его форму, а "грамматическая форма предложения есть прежде всего его синтаксическая организация..." (Колшанский, 1984, с. 51).

С точки зрения формально-синтаксической организации предложения-высказывания присоединенный компонент предстает в функции различных его членов. Как раз нижеследующие примеры и призваны проиллюстрировать синтаксическую полифункциональность присоединения.

1. Dieser Riedel sieht ja langweilig aus, trübselig, mürrisch. /Seghers, 86/
2. Helen fand in jedem Brief Ausdrücke, die sie noch gar nicht verstand, denn Jack hatte sie vordem nie gebraucht. Er hatte nie mit ihr über die Dinge gesprochen, über die er ihr schrieb, zornig und heftig. /Seghers, 121/

В обоих приведенных предложениях-высказываниях прилагательные, являясь воплощением одного члена предложения - предикативного определения и образуя присоединительное звено, дополняют основное содержание характеристикой состояния лица, становящейся особо значимым звеном сообщения для получателя информации.

3. Thomas hatte dann an ihr gehangen wie an einer Mutter. Seiner richtigen hatten die Nazis nach der Verhaftung des Vaters das Erziehungsrecht abgebrochen. Sie war irgendwohin verschickt worden, verschollen, umgekommen. /Seghers, 227/

Если в первых двух примерах присоединенный компонент передает однородные признаки, создающие вместе с признаком, названным в основной части высказывания, более полную характеристику, то в третьем примере представлена иная реализация присоединения. Исследователи говорят в отношении подобных реализаций о присоединенных компонентах, которые обеспечивают "постепенное нарастание впечатления от характеристики, данной характеризующим членом, находящимся в основном предложении. В этом кроется секрет стилистического эффекта подобных структур..." (Реферовская, 1983, с. 20). Действительно, verschickt, затем verschollen и, наконец, umgekommen образуют очевидную смысловую градацию по принципу нарастания, благодаря которому усиливается воздействие на адресата. Усилению способствует к тому же функция сказуемого, которую выполняют все члены градации.

Определение к тому или иному члену высказывания обычно передается в присоединительной части обособленным прилагательным, например:

4. Und dann sah sie Robert an, mit offenen vertrauensvollen Augen, die zu seinem neuen Erstaunen hell waren, hellgrau. /Seghers, 70/

Прилагательное hellgrau точнее определяет и одновременно конкретизирует уже получивший определение объект - Augen.

5. Das meiste, was mir durch den Kopf gegangen ist, wäre dir doch unverständlich gewesen - unbehaglich, fremd. /Panitz, 182/

При внешнем сходстве обоих примеров, в последнем прилагательное выступает, однако, уже не в функции определения, а в качестве именной части сказуемого, т.е. оно относится ко всему предложению-высказыванию: предикат, глагольный или именной, конституирует, как известно, предложение в целом. Значит, речь идет здесь не об определении одного конкретного члена предложения, а о дополнительно-оценочной конкретизации основной мысли высказывания.

Определение может выражаться в присоединительной части и числительным, например:

6. Und einmal, wie wir einen verjauchten Graben ausgehoben haben und wir uns Kartoffeln kochten, bin ich einfach in einen Stadtgarten und habe nach einer Zwiebel gefragt. Und habe sie bekommen, drei.

/Kant, 142/

Легко видеть, что drei как определение способствует количественному уточнению (с его одновременным усилением) лишь объектного члена предложения, а не всего высказывания.

Разнообразны функции присоединенного компонента, выражаемого наречием:

7. Kockoschen hat die Bossdomer Sozialdemokraten im Auge. Meinetwegen. /Strittmatter, 249/

8. Die letzte Uhr hatte ich am dreizehnten Januar gesehen, und die letzte Uhrzeit sagte mit einer, als wir den sechzehnten Januar hatten, schätzungsweise.

/Kant, 15/

9. Langsam kroch dem Mädchen Röte in die Wangen, flutete über die Stirn, rieselte den Hals hinab, und es schien ihr, als sei sie rot geworden, ganz und gar.

/Brézan, 20/

10. Es heißt, der Robert sei aus dem Land. Ganz weg.

/Seghers, 33/

11. Wir haben uns auseinandergeliebt. Es gibt keine frem-

den Menschen, sondern nur andere, hab ich mal gelesen; aber andere sind wir geworden, ganz anders.

/Panitz, 182/

Все эти примеры, содержащие наречную репрезентацию присоединения, представляют собой различные случаи. В первом из них (7) компонент *meinetwegen* служит передаче личного отношения говорящего к тому, о чем сообщается. Во втором примере (8) присоединенная часть *schätzungsweise* снабжает дополнительной характеристикой некое действующее лицо, о котором сообщает говорящий. Эта характеристика в виде обстоятельства образа действия свидетельствует о критической позиции этого лица по отношению к конкретной дате — шестнадцатому января, за которой угадывается некий подтекст. Пример (9) содержит присоединительный компонент в функции абсолютного усиления, представляемого обстоятельством образа действия. Такое же употребление воплощено и в примере (10). Для последнего высказывания (II) характерна репрезентация дополнительного экспрессивно-смыслового оттенка — абсолютного усиления в облике предикативного определения, поскольку *ganz anders* относится одновременно и к субъекту (*wir — ganz andere Leute*), и к сказуемому (*sind ganz anders geworden*).

Следовательно, есть все основания, как свидетельствует рассмотренный материал, согласиться с утверждением о том, что особенно тогда, когда присоединение является по синтаксической функции определением, складывается специфицированное соотношение между элементом предложения и присоединением, или всем предложением и присоединением, при котором формально "левая" сторона детерминирует "правую" ("*links*" *alles Rechtsfolgende determiniert*) (Hoberg, 1981, с. 144). Но именно правая сторона осуществляет реализацию коммуникативно-прагматического эффекта высказывания, придавая соответствующий, очень весомый оттенок всему его содержанию. Субъективную окрашенность смысл присоединения получает при его выраженности модальным наречием (*meinetwegen, schätzungsweise*), добавление которого сразу же однозначно маркирует целевую установку отправителя речи: под влиянием очевидной модальной окраски высказывания "изменяется его прагматическое влияние, различная модальность оказывает влияние на мысли и поступки коммуникантов" (Sendels, 1985, с. 86). Модальные наречия могут образовывать самостоятельное присоединение, хотя часто всего лишь "помогают" присоединить компонент к основной части высказывания. При этом они, заключая в своей семантике

степень или меру достоверности, содействуют подчеркиванию характера значения, т.е. "заостряют" семантику присоединяемой части, что легко прослеживается на примерах, приводимых ниже.

12. Als sie ihn zur Aussage bringen wollten, hatte er plötzlich in seinem Innern etwas entdeckt, was unzerstörbar war, sogar unangreifbar. /Seghers, 225/

13. Endlich wurde es hell, sogar beissend hell.
/Seghers, 43/
Bald hörten sie aufmerksam zu, beinah streng.
/Seghers, 12/

14. Betsys Schrei kommt zu spät. Geknackt hat schon was. Aber gross ist der Schaden wohl nicht, zumindest nicht sichtbar. /Bruyn, 117/

Во всех примерах наречия выполняют роль усилителей степени - sogar, beinah, zumindest, но сами по себе они содержат значение не собственно усиления, а соединения модального оттенка достоверности со значением степени: у sogar - с явным преобладанием усиления, у beinah - усиления как указания на ослабленность степени, у zumindest - усиления в сторону категорической констатации. При всем различии оттенков, все три модальных наречия так или иначе выполняют задачу акцентирования логико-смысловой сути связи между присоединенным компонентом и основной частью предложения-высказывания.

Присоединенный компонент вводится также союзами, например:

15. Ihr Händedruck und ihr Blick, der Ausdruck ihres Gesichtes, alles gefiel Herbert sofort, bevor er sich klar wurde, daß sie ausnehmend jung war, vielleicht kaum zwanzig, und dazu schön.

/Seghers, 158/

Сюж und формально присоединяет группу dazu schön, однако по смыслу он тесно связан с местоименным наречием dazu, вводя звено присоединения и одновременно усиленно подчеркивая признак, передаваемый в этом звене прилагательным schön. Признак-присоединение должен послужить дополнительной характеристикой к уже выраженному в основной части признаку ausnehmend jung, который в свою очередь снабжен оттенком усиления (благодаря наречию ausnehmend). Но вместе с тем присоединенный признак перекрывает своим информационным весом названный, привлекая к себе главное внимание

адресата и обуславливая, естественно, соответствующий прагмакоммуникативный эффект-восприятие на первом плане красивой внешности лица (девушки), о котором сообщается.

16. Ihr Porträt war in hellen Farben gemalt, in zu hellen. /Panitz, 84/

И в данном высказывании частица "zu" в комбинации с предлогом "in" усиливает смысловую нагрузку добавляемого признака, в связи с чем атрибутивное присоединение выступает и как средство эмоционально-экспрессивного подчеркивания качества (не просто hell, а zu hell).

17. Gerhard Bechtler sah ihn erst jetzt richtig an, aber kalt. /Seghers, 218/

Противительно-разделительный союз "aber" вызывает на фоне содержания данного высказывания впечатление определенного настроения лица. Две части одного семантического целого — единого смысла высказывания — противопоставлены друг другу, и это противопоставление, не предусмотренное структурной основной части предложения, и оказывается средством значительного усиления и акцентирования настроения.

Как явствует из проанализированного материала, сам присоединенный компонент, его структурно-семантическая организация позволяет менять коммуникативную направленность предложения-высказывания, согласуясь с изменением интенции коммуниканта, у которого возникает намерение придать сообщаемому желательный экспрессивно-эмоциональный оттенок. В выражении намерения коммуниканта играет роль не один какой-то аспект указанной организации, а весь комплекс: синтаксическая форма, лексические единицы, их функционально-стилистический и эмоционально-экспрессивный потенциал, причем все это находится в подчинении интенции говорящего, по сути дела основного, хотя и не всегда распознаваемого текстообразующего фактора. Интенция, влетаясь в выражаемое содержание, выступает фактическим организующим началом "в многослойной содержательной структуре речевого произведения" (Сусов, 1979, с. 100-101).

Таким образом, заключая рассмотрение, можно подвести его итог в виде некоторого обобщения. Смысловая структура предложения-высказывания с присоединительной частью окончательно формируется в самом процессе сообщения, по линии дальнейшего уточнения смысла, воплощаемого основной частью. Соотношение формально-языковых и содержательных свойств та-

ного предложения отличается той особенностью, что его организацию целиком предопределяет коммуникативно-смысловой критерий. Именно поэтому семантическую связь основного высказывания с присоединением возможно "разгадать" лишь при учете мотивирующего начала, которым руководствовался отправитель информации. С прагматической точки зрения присоединенный компонент не столько формирует смысл, сколько "служит выполнению конечной цели... коммуникации - воздействия" (Колшанский, 1984, с. 127). В основной части предложения-высказывания закладывается денотативная основа его смысла, а присоединенный компонент снабжает её новыми интенционными моментами со стороны отправителя информации, направленными на планируемое воздействие, т.е. побуждение адресата к определенному действию, пониманию, решению, поведению и т.д.

Из сказанного следует, что суть осмысления феномена присоединения, как и всего высказывания, включающего присоединенный компонент, составляет коммуникативный подход к языку, все отчетливее заявляющий о себе и становящийся доминирующим направлением лингвистических исследований на современном этапе: "тенденция ... к исследованию реальных языковых единиц, функционирующих в реальной языковой коммуникации..., есть тенденция, направленная на раскрытие сущности языка в его глобальной форме..." (Колшанский, 1984, с. 167), т.е. в его социальной функции служить средством общения.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. - 174 с.
- Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. Л.: Наука, 1983. - 214 с.
- Сусов Н.П. О двух путях исследования содержания текста. - В кн.: Значение и смысл речевых образований. Калинин, 1979, с. 90-103.
- Hoberg U. Die Wortstellung in der geschriebenen deutschen Gegenwartssprache. München: Max Hueber, 1983. - 256 S.
- Mrazović P. Die Stellung der Satzglieder im Deutschen und Serbokroatischen. Heidelberg: Gross, 1982. - 278 S.
- Sendel's E.I. Pragmatik, Semantik und Konnotation in der Grammatik. - In: Deutsch als Fremdsprache, 1985, H. 2, S. 84-88.

T E K C T H :

- Brézan J. Christa. - Berlin: Verlag Neues Leben, 1981. -
180 S.
- Bruyn de G. Babylon. - Leipzig, 1980. - 132 S.
- Kant H. Der Aufenthalt. - Berlin: Verlag Rütten-Loening,
1980. - 600 S.
- Panitz E. Die verlorene Tochter. Erzählungen und Auskünfte.
- Halle-Leipzig, 1979. - 530 S.
- Seghers A. Die Entscheidung. - Berlin: Aufbau-Verlag, 1960.
- 597 S.
- Strittmatter E. Der Laden. - Berlin und Weimar: Aufbau Ver-
lag, 1983. - 536 S.

KOMMUNIKATIVPRAGMATISCHE TENDENZ DER ÄUßERUNGEN
MIT DER NACHGETRAGENEN KOMPONENTE

Nina Golikova
Zusammenfassung

In diesem Artikel geht die Rede über die kommunikativ-pragmatische Tendenz der Sätze, die in ihrer Struktur den Nachtrag besitzen. Zu den wichtigsten Eigenschaften des Nachtrags gehört vor allem sein Zusammenhang mit der Realisierung der zusätzlichen kommunikativen Aufgabe, d.h. die Äußerung im ganzen und einzelne ihre Glieder zu präzisieren, zu erklären, ausführlicher zu charakterisieren und zu schätzen.

Gerade er, der Nachtrag, bringt die Realisierung der Wirkung von Äußerung zustande und verleiht die bedeutende Schattierung ihres Inhalts. Vom pragmatischen Standpunkt aus dient die nachgetragene Komponente der Realisierung des Endzieles der Kommunikation. Diese d.h. die kommunikativpragmatische Einstellung stellt eine der modernsten Richtungen in der Linguistik dar und wird deshalb intensiv ausgearbeitet.

О РОЛИ И МЕСТЕ ПОНЯТИЯ "ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЯЗЫКА" В ЯЗЫКОВЕДЕНИИ ВИЛЬГЕЛЬМА фон ГУМБОЛЬДТА

Э. Даугатс

Как известно, термин "внутренняя форма языка" был употреблен В.Гумбольдтом лишь один раз как название главы в его последнем фундаментальном произведении "О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества" / том VII, с.86/ и еще раз, тоже как название главы/22й/ "Соединение звука с внутренней формой языка"/т.VII, с.95/. Ни в 21-ой, ни в 22-й нет определения того, что же В.Гумбольдт понимал под этим термином. Вследствии этого неопределенного содержания "внутренней формы языка" появилось множество различных толкований и разночтений этого термина.

Так как понятие, вернее, идея "внутренней формы" имеет весьма солидную традицию в европейском мышлении, равно как и то обстоятельство, что В.Гумбольдт пользуется этим понятием, не считая нужным как-то эксплицировать его, заставило нас предположить, что это понятие и сама идея, было чем-то настолько само собой разумеющимся, что не нуждалось в особом эксплицировании. Поэтому представилось необходимым попытаться проследить историю возникновения и развития этого понятия, идеи "внутренней формы" от Платона и Аристотеля, до начала 19-го века, как оно могло быть воспринимаемо и понимаемо в Германии в современную В.Гумбольдту эпоху.

Мировоззрению, исходящему из примата духовного начала, всегда было присуще недialeктическое отделение материи от ее свойств, содержания от формы, движения от самой формы

Так, например, у Платона форма, как внешний, активно действующий и формирующий принцип, или иначе, как нематериальная, трансцендентальная идея пронизывает хаос мертвого, инертного вещества, материи и создает конкретные образования действительности. Таким образом Платон идентифицирует содержание с веществом, материей, а форму - с идеей.

По мнению Демокрита, форма и структура какой-либо вещи зависит от количества, вида, последовательности и расположения атомов, следовательно, у него форма определяется внутренней структурой объекта.

Пытаясь объединить эти два воззрения, Аристотель полагал, что в действительности не существует ни бесформенного материала, ни нематериальной формы, и что материал не может принимать любую форму, а лишь ту, которая соответствует его возможностям. Вместо учения Платона об идеях Аристотель выдвигает свою концепцию о формах с коррелятивной парой понятий - "хюле" или "морфе" /материя/ и "эйдос" /форма, образование/. Согласно такому противопоставлению, первоначально неопределенная, не имеющая конкретного назначения материя является основой "кипо-кэйменон", иначе, является "субъектом" для "формы", которая придает ей определенность. Как "эйдос" форма является образующей, действующей силой. Видимо, это образное выражение заимствовано из сферы изобразительных искусств. Развитие представляется ему как соотношение формы и материи. Следовательно, в материи существование дано лишь в потенции и только благодаря форме оно проявляется в действительности. Событие является тем процессом, посредством которого сущность под влиянием формы переходит из простой возможности в реальность. Сущность не имеет какой-либо второй, высшей действительности, кроме той, что она есть /существует / лишь как случай в ряду ее проявлений, при помощи которых она осуществляет свои собственные возможности, потенции. Общее действительно лишь в отдельном, отдельное существует потому лишь, что в нем осуществляется общее.

В концепции Аристотеля неподвижным, идеальным перводвижителем является Бог, как "протон киноун" - это чистая энергия, вечное начало всякого развития и становления, иначе, - является чистой "формой", не отягощенной материей. Используя понятия "энергейя" и "энтелехейя" как синонимы, Аристотель все же делает между ними различие: "энергейя" более акцентирует действительность, осуществление /процесс/, а "энтелехейя" - состояние завершенности, действительности /статичку/. Переход от возможности /динамику/ к актуальности /энтелехейя/ является энергейей в смысле движения, порождения /кинезис/.

Положения Платона и Аристотеля о том, что материя инертна, пассивна и лишь в потенции является носителем образов, структур /форма формата/, а "форма" /форма форманс/, приступающая к жизни, как некий духовный образующий принцип, стало модельным случаем для всех последующих идеалистических определений соотношения

формы и содержания.

Эта аристотелевская пара коррелятов "эйдос" --- "киле" продолжает свое существование в европейской философской традиции и снова встречается у неоплатоников 3-го века нашей эры. Плотин /205 - 270 г.н.э./ переносит ее в сферу эстетики и религии. Последнее, видимо под влиянием развития понятия "логос". С этого времени, по нашему предположению, понятие "форма" сопутствует и нечто от понятия "логос" в смысле высшего разума, объединяющего в себе идеи Платона и стоиков, как это видно в учении Филлона /20 г.до н.э. - 50 г.н.э./.

У Плотина "эйдос" или "то эйдос эйдос" /внутренняя форма/ проявляется как образующий принцип и как видение художника - творца, который создает свое художественное произведение, преобразует имеющийся в его распоряжении материал согласно "эйдосу", который руководит им в этот момент.

Новый стимул мысль о "внутренней форме" получила на рубеже 17-го и 18-го веков в работах Э.М. лорда Шафтсбери /1671 - 1713/, основателя так наз. английского сенсуализма, идеи которого оказали большое влияние на И.Г.Гердера, И.В.Гёте и Ф.Шеллинга. Этот английский неоплатоник под терминами "внутренняя форма", "внутренний порядок", "внутренняя форма и структура" понимал следующее: 1. образующую духовную силу /энергию !/, как упорядочивание и как закон творчества;

2. духовный образ, как нечто упорядоченное, как идеальное существование, как гармонию содержания и формы.

Термин "форма" для обозначения духовного, идеального начала в языке становится центральной проблемой в работах английских неоплатоников 18-го века, продолживших линию Шафтсбери. Это - Джеймс Хэррис и Джеймс Барнет лорд Монбоддо.

Работа Дж.Хэрриса "Гермес, или философское исследование относительно языка и универсальной грамматики" в 1788 году была переведена Г.Эвербеком на немецкий язык и восторженно принята И.Г.Гаманом и И.Г.Гердером. С этой работой В.Гумбольдт познакомился в ранней юности, о чем свидетельствует выдержка из фрагмента "О понятии искусства" /март 1789 года/, в котором встречается противопоставление: творение --- энергия, а также его запись в дневнике о том, что " . . . воздействие искусства, следовательно, - либо творение /эргон/, либо энергия".

Уже на склоне лет, когда В.Гумбольдт, пытаясь найти адекватное своим взглядам определение феномена "язык", возвращается к выписанному им в юности высказыванию Дж.Хэрриса и применяет оба термина: эргон /творение/ и энергея /энергия/.

Глубокое влияние на гумбольдтовскую концепцию языка оказал и лорд Монбоддо своей работой "О возникновении и развитии языка", которая в 1784 году была переведена на немецкий язык с очень положительным предисловием И.Г.Гердера.

Интерес вызывает попытка Монбоддо, исходя из запаса слов и структуры языков, сделать выводы об их форме, то есть, о структуре и области их понятий /языковых понятий!/. Эта попытка Монбоддо, по сути дела, предвосхищает работы Гумбольдта, Вундта, Кассирера и других, пытавшихся исследовать и показать в зеркале языка прогресс процесса абстракции в его общечеловеческих /объективных/ и национальных /субъективных/ чертах.

В высказываниях классиков марксизма-ленинизма мы встречаем мысль, которая, как нам кажется, позволяет несколько иное толкование идеи "внутренней формы": "Первым и самым важным из природенных свойств материи является движение, - не только как механическое и математическое движение, но еще больше как стремление, жизненный дух, напряжение, или, употребляя выражение Якоба Бёме, мука /Qual / материи. Первичные формы материи суть живые, индивидуализирующие, внутренне присущие ей, создающие специфические различия, сущностные силы" /К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Изд.второе, том 2, с.142/. Поясняя этот термин Якоба Бёме, Ф.Энгельс указывает:

"Qual" - это философская игра слов. "Qual" буквально означает мучение, боль, которая толкает на какое-либо действие; в то же самое время мистик Бёме вносит в это немецкое слово и нечто от латинского слова qualitas /качество/; его Qual - это в противоположность боли, причиняемой извне, активное начало, возникающее из самопроизвольного развития вещи, отношения или личности, которые подвержены "Qual", и, в свою очередь, вызывающие и жизни это развитие" /К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Изд.второе, том 22, с. 300/.

Думается, что при некотором переосмыслении идеи "внутренней формы языка" В.Гумбольдта в свете приведенных высказываний классиков марксизма-ленинизма, было бы возможно дать ему иное,

несколько более реальное, то есть диалектически-материалистическое толкование.

В гумбольдтовской трактовке "внутренней формы языка" наряду с классическим ее пониманием как "форма форманс", ясно ощущается и ее другая, чисто 'немецкая' сторона, в которой присутствует и нечто от "муки" Якоба Бёме, от "монады" Г.В.Лейбница и от "осаренности" /Besonnenheit / И.Г.Гердера. Характернейшей чертой "монады" является 'стремление' к бесконечному, к универсу, стремление данное в потенции и существенной чертой его является то, что для него ничто не есть завершенным, даже прошедшее не является просто продуктом деятельности, "эргоном", а все становится силой и действием. И.Г.Гердер интерпретирует это активное начало, 'стремление' таким образом, что оно приобретает смысл некоего долготствования: человек должен продуктивно 'обрабатывать' данное ему, то есть объективную действительность в собственность духа и именно этим осуществить свои возможности.

"Ни у одного народа нет представлений, которые он не мог бы назвать; самый живой образ тонет в тёмном чувстве, пока душа не находит нужной призма и не запечатляет его благодаря слову в воспоминании, памяти, рассудке ... Лишь язык превратил человека в человека ..." /Гердер, 1977, 235/.

И.Г.Гердеру принадлежит и мысль о том, что в национальных языках, а также в языке индивида отображается особый, присущий каждой индивидуальности, и только ей, своеобразный мир. Сравнительный анализ различных языков мог бы обследовать в них весь круг того, что открыто и познано человеком: "Философское сравнение языков было бы самым превосходным опытом истории и многогранной характеристики человеческого рассудка и души, в каждом языке отпечатался рассудок и характер народа ... Гений народа более всего открывается в физиогномическом образе его речи" / Гердер, 1977, 239/.

Нетрудно заметить, что именно эту задачу поставил себе В.Гумбольдт целью жизни и, видимо, с этой стороны надо было бы подробнее в интерпретации его наследия.

В письме от 16 июля Ф.А.Вольфу В.Гумбольдт пишет: "Я полагаю, что наша сила использовать язык как средство, чтобы проанализировать самое высшее и самое глубокое и все многообразие

мира, и я все больше проникаюсь этой мыслью". Не следует забывать, однако, что в письме к Фр. Шиллеру из Парижа, в сентябре 1800 года, мы находим все, или почти все основные моменты концепции языка, как они были выражены В. Гумбольдтом в его последнем фундаментальном труде.

В таком контексте необходимо постоянно помнить о словах В. Гумбольдта, которыми он сформулировал цели и задачи, основанной им новой науки - общего языковедения /allgemeine Sprachkunde / в своей 1827 - 1829 гг. "О различных строениях человеческого языка" / т. VI, с. III - 303/:

"Главная и многообхватывающая задача общего языковедения - это найти различие строения человеческого языка, отобразить это различие в его существенном виде, упорядочить более простым образом казующееся бесконечным разнообразие, исследовать источники этого различия и, главным образом, его влияние на силу мышления, восприятие и характер говорящих, и проследить за ходом духовного развития человечества через все перипетии истории, основываясь только на тесно переплетенный с ним /человечеством/ язык, который сопровождает его от одной ступени к другой".

Там же В. Гумбольдт поясняет, почему он избрал форму единственного числа / Sprachkunde вместо, в то время принятого "Sprachenkunde" / и поясняет, "что по существу язык лишь один и этот один язык только по-разному проявляется в бесчисленных языках мира" / т. VII, с. III /.

Как известно, читатели трудов В. Гумбольдта часто упрекали его в неясности, запутанности и громоздкости стиля, вызывавшего непонимание и разночтении его текстов. В очень интересной работе Ф. Гейнемана "Философская антропология и теория познания человечества В. Гумбольдта", опубликованной в 1929 году, имеется суждение, которое очень точно называет причину "непонимания" текстов В. Гумбольдта и отношение читающей публики к его трудам:

"Трудности понимания 'стиля' В. Гумбольдта обусловлены в первую очередь тем, что читатели его трудов, естественно, желают подчеркнуть сведения об интересующем их предмете: историк - об истории, искусствовед - об искусстве, лингвист - о языке и т.д. Но все дело заключается в том, что наука, которой занимается В. Гумбольдт, не история, не искусствоведение, не языковедение

и т.п., а нечто совсем иное - это наука о человеке, о развитии его сознания, его духовного мира, а отдельные, традиционные области науки образуют лишь каркас для построения всеобъемлющей науки о человеке / la science de l'homme/.

В работе В.Гумбольдта "Восемнадцатый век", написанной в 1797 году, вскоре после наброска "План сравнительной антропологии", Ф.Гейнемани усматривает "... впервые выдвинутую идею создания "сравнительной науки о духе", которой В.Гумбольдт ощущался верен всю жизнь, и которую он пытался реализовать в своем сравнительном языковедении" /Хейнеманн, 1929, 190 - 191/.

Зачатки этой мысли мы находим уже в 1791 году в "письме к Им" /его будущей жене Каролине фон Дакерёден/: "Кажется очень просто взять за точку отправления именно это внутренне бытие человека, и все-таки почти непонятно, как все наблюдения всех наук принимают отличный образ, если строго придерживаться этой точки зрения. Главным образом это происходит из-за того, что в одном аспекте изучения, а именно в главном, мы еще очень отстаем, это - изучении человека в себе, каков он есть и каким он должен быть" / т. I, с. 393/.

Исследуя биографию, переписку и научное наследие В.Гумбольдта нельзя не заметить, что интерес его неизменно был обращен к тем областям, где духовное становится чувственно восприимчивым: "... искусство, преимущественно скульптура, физиогномика и мимика, карактерология вообще; психофизический феномен произнесенного слова. Духовное Гумбольдтом воспринимается как нежнейший цветок телесного, чувственное таинственным образом связано с не-чувственным; духовное творение имеет свое отражение в физическом творении" /Иост, 1960, 14/.

То, что В.Гумбольдт всегда обращал самое пристальное внимание на тщательное изучение деталей и при этом стремился к истинной, существенной цели -- к познанию существа языка, проявлению действительности культуротворящего духа, к постижению внутренней формы языка и характера, говорящего на нём народа - принадлежит к величию его духа ученого гуманиста.

На такое понимание научной деятельности В.Гумбольдта совершенно недвусмысленно указывает прочитанный им 26 апреля 1827 года в Королевской Академии Наук в Берлине доклад "О двойственном числе", в котором он набрасывает вопросы о задачах и

и целях сравнительных штудий языков и указывает:

"Ответ на эти вопросы связывает сравнительное изучение языков с философской историей человечества и направляет его к высшей, над ним стоящей цели. Хотя и изучение языков должно вестись только ради самого себя, все же оно, равно как и любая другая отрасль науки, не содержит в себе своей последней цели, а вместе со всеми другими подчинена высшей и всеобъемлющей цели, а именно, всеобщему стремлению человеческого духа -- стремлению человечества ясно познать самое себя и свое отношение ко всему видимому и невидимому вокруг себя и над собой" /т. VI, с. 6/

Существенным для интерпретации высказываний В. Гумбольдта о языке является понимание того, что для него дух человечества и дух природы представляется как одно единое целое и отдельные существа не являются ничем иным, как проявлениями одной идеи человечества. По этому поводу он говорит, что в индивидуальности проявляется идея не только отдельного существа, но что в ней борется за превращение идея всего человечества. Речь, следовательно идет о внутреннем основном стремлении индивидуальности, в котором свобода и необходимость совпадают, а стремление к чему-то бесконечному становится действительностью. Поэтому индивидуальность является выражением идеи, сперва ее собственной, а затем - идеи человечества вообще. Образование индивидуальности - это конечная цель Вселенной. В то же время индивидуальность - единственное место, в котором можно изучать эту "силу Вселенной" /Шпрангер, 1909, 449/. Можно сказать, что язык для В. Гумбольдта, как и для многих мыслителей его времени, является посредником между духом и миром, принадлежащим обоим, но рожденным из идеальности духа и имеющим глубокую связь со способностью человека к развитию /Шпрангер, 1909, 455/.

Мысль о языковой субъективности картины мира /мировидения/ - один из краеугольных камней концепции В. Гумбольдта:

"Благодаря взаимозависимости мысли и слова, ясно, что языки не являются собственно средством отображения уже познанной истины, а более того - средством открытия еще не познанной истины. Их различие - это не только различие звуков и знамен, а различие в мирозерцании, различие в мировидении. В этом - основание и последняя цель всех исследований языка. Сущность познаваемого, как бы поле, обрабатываемое человеческим сознанием,

находится в центре между всеми языками и независимо от них; человек не может приблизиться к этой чисто объективной области иначе, как на субъективном пути собственного познания и восприятия" / т. IV, с. 27/.

Мысль о "языковой субъективности картины мира" не покидала В. Гумбольдта в течении всей его жизни. Начиная с 1812 года, она приобретает все более ясные очертания. В статье, написанной им на французском языке, В. Гумбольдт уже прямо говорит о том, что "язык становится между человеком и миром. Духовно мы живем в мире языка и имеем доступ к 'миру действительности' только через медиум - бесконечно многообразную модель сознания - язык; он образует, главным образом в соприкоснувшихся идеях некую ауру, атмосферу, в которой отражается, созданная человеком 'фата моргана' действительности" / т. III, с. 331/. Эта позиция повторяется и в "Введении": "Ибо язык никогда не представляет предметов, а всегда только, самостоятельно созданные духом /то есть, собственной силой, без внешнего импульса/ в акте речетворчества, понятия" / т. VII, с. 90/.

В выше цитированных словах В. Гумбольдта имплицитно заложена полная программа обширных лингвистических исследований, которые начинают реализовываться лишь в наше время, и, в первую очередь, в вайсгерберовском 'энергетическом языкознании' и в теории языкового поля.

"... посредством сравнения многих языков можно было бы, непрерывно исходя из представления о том, что в каждом языке представлено целое мировидение, достичь первоначальной и во всех языках встречающейся сферы, схваченной словами понятий. Эта сфера должна бы даже быть у всех одинаковой, ибо всем народам противостоит один и тот же мир, если бы это не зависело от сил и возможности данного языка, то есть от того, сколько, какая доля этого мира действительно преобразуется в язык. Легко можно проследить прогресс открытия и названиями особых вещей, предметов в языках, но, главным образом, значение имеет нахождение модификаций духовных понятий, которые даже в известных языках не исследованы с достаточной точностью" / т. V, с. 438/.

С точки зрения воз-действия видение мира какого-либо языка является порождением его внутренней формы - образующим принципом преобразованием мира в собственность осознанного.

бытия. Видимо, для В.Гумбольдта существует некая область объективной действительности, определенная часть которой открыта человеку. Отдельные языки дают как бы только один специфический спектр этой области идей. Если бы кто-нибудь знал все языки и был бы в состоянии обозреть различные перспективы, то он приобрел бы этим всеобъемлющую картину мира. /ср. Йост, 1960, 63/.

В.Гумбольдт признает в языке "второй мир, объективированный самим собой" /т.УІІ, с.72/, созданный человеком согласно впечатлениям, которые он получает от действительного мира. Характеризируя слово, В.Гумбольдт снова напоминает, что "сумма всех слов, язык - это мир, лежащий между миром внешним и внутренним миром человека" /т. ІІІ, с.168/. Однако, он нигде не дает более точного определения этого 'промежуточного мира' и только в своей последней работе называет его "подлинным миром" /т. УІІ, с.177/. Известно и то, что в энергетическом языкознании Л.Вайсгербера понятие 'промежуточного мира', иначе, мира языковых содержаний, играет основополагающую роль и получило у нас самую резкую критику. Причиной такого возращения, видимо, послужило незнание авторов критики ни с работами В.Гумбольдта, ни с трудами самого Л.Вайсгербера. В очень интересной и умной работе Г.В.Рамшвили, глубоко проанализировавшего труды В.Гумбольдта, мы находим следующие слова о понятии "языкового мировидения": "Если его связать с идеей "промежуточной реальности", то это можно было бы проще передать так: язык есть не ряд готовых этикеток к заранее данным предметам, не их простое озвончание, а промежуточная реальность, сообщающая не о том, как называются предметы, а скорее о том, как они нам даны" /Рамшвили, 1984/.

Эта промежуточная реальность, 'промежуточный мир', является результатом, действующей через язык и в языке "фиксированной духовной энергией", это работа интеллекта, которая конкретно предстает в языке какого-либо социума, как соответствующая ступень развития мышления, достигнутая многовековой работой предидущих поколений. Наше восприятие действительности всегда выражается в различной градации, является соопределенным, находящимися в социально-объективном образовании - языке-эргоне готовыми к употреблению, усвоенными и воспринятыми

перспективами при изучении родного языка.

Этот интересубъективный момент языка, который действует в языке и в речи, становится конститутивно действующим в употреблении языка для построения и для качества наших, обусловленных языком актов сознания. Каждый язык, прежде всего родной язык, даёт, по мнению В. Гумбольдта, идиоматическую, исторически развившуюся схему направляющих, как бы навигую "языково-логическую" /онтологическую/, но, во всяком случае объемистую систему категорий, согласно которой мы упорядочиваем воспринимаемый нами мир. При таком понимании языкового акта, каждый язык - это больше чем орудие, даже больше чем метод "усвоения мира". Данные объективной действительности, "мира", встречаясь с "интеллектуальной физиологией человека", создают в языке, как энергией особый мир осознанно воспринимаемого духовного бытия. В этом смысле язык является вечным посредником между Я и Миром, между духом и природой, идеей и материей, мышлением и бытием, индивидуумом и человечеством.

Энергетическому типу мышления, присущему В. Гумбольдту соответствовало понятие динамической формы /форма форманс/ и его термин "внутренняя форма языка", видимо, может быть правильно понят только в связи с этой особенностью мышления. Видимо, в этой связи следует упомянуть понятие "типа" у И. В. Гёте. Не исключено, что употребляемое Гёте понятие "типа" оказало известное влияние и на "внутреннюю форму языка" Гумбольдта. По И. В. Гёте, "тип - это 'протофеномен', его не следует рассматривать как основной закон, из которого вытекают различные следствия, а как основное явление, вокруг и внутри которого необходимо рассматривать всё разнообразие мира" /Иост, 1960, 57/. Протофеномен каждый раз проявляется в индивидуальном оформлении, каждое живое существо, согласное своей интеллектуальной, духовно - является выраженной формой, которая, живя, размножается. Метаморфозы в мире явлений - суть проявления внутренних законов формы. А отсюда уже недалеко до восприятия языка, как синтетического закономерного процесса его внутренней формы. В. Гумбольдт отмечает, что "Истинным материалом языка является, с одной стороны, звук вообще, с другой, - сумма чувственных впечатлений и самостоятельных движений духа, которые предшествуют образованию понятий с помощью языка"

/ т.VII, с.49/. Несколько ранее В.Гумбольдт писал: "Сущность языка состоит в том, чтобы перелить материю мира явлений в форму мысли, всё стремление языка является формальным" /т.IV, с. 17/. Какое большое значение имеет это мировидение, видно из следующих слов: "Изучение языков мира - это мировая история мыслей и восприятий человечества" /т.IV, 603/. /.

Можно предположить, что В.Гумбольдт верит в некую гармонию между формой нашего духа и формой действительности: "Природа - это идея как действующая сила, идея - это природа как рефлексированная мысль" /Т.III, с.239/. В "Введении" он снова возвращается к этой мысли: "Природа развертывает перед нами мирное, богатое впечатлениями и образами многообразие, озаренное светлой ясностью; наше размышление о ней - развивает соответствующую нашей духовной форме закономерность" /т.VII с. 61/. В таком контексте можно упомянуть и Г.В.Лейбница, с работами которого В.Гумбольдт был хорошо знаком еще в ранней юности: "Телесные и духовные процессы - это не сами по себе существующие части, которые случайно и гармонично дополняют друг друга, а одно, с самого начала, мыслимо только с другим и как выражение другого. Всё внутреннее есть внешнее, равно как и внешнее - внутреннее. Мир образов, как они раскрываются нам в постоянной последовательности, развёртываются перед нами, есть в самом себе не что другое, как мир сил. Поэтому мы полностью понимаем какой-либо образ действительности лишь тогда, когда мы схватываем образующую его энергию, из которой он произошёл, так же, как мы, с другой стороны, никогда не можем увидеть эту энергию освобожденной от всех образов, в которых она проявляется" /Ист, 1960, 70/.

Можно предположить, что вышеупомянутые высказывания Гумбольдта о "языковом мировидении" очень тесно связаны с понятием "внутренней формы языка". Как указывает И.Л.Вайсгербер: ". . . оба эти понятия различны решающим поворотом точки зрения: мировидение - это объем языковых содержаний, рассматриваемых как эргон, как результат, в статическом плане. . . мировидение, с точки зрения энергии является длительной реальностью, то есть, всегда активным началом в языковом коллективе. . . . явлением духовного образования, которое включает в себе существенные, формирующие человека силы. Таким образом мо-

жно переосмыслить мировидение языка во внутреннюю форму языка и обозначить это, как прогресс мышления в 'силах' . . ." /Вайсгербер, 1971, 16/.

Отвечая на вопрос, поставленный в заголовке статьи о роли и месте понятия 'внутренней формы языка' в языковедении В.Гумбольдта, можно ответить словами профессора Г.В.Рамшвили, выдающегося интерпретатора гумбольдтианской концепции языка в отечественном языковедении: "Идея внутренней формы языка - скорее задача для новой ориентации целостного рассмотрения языка, нежели объект или следствие ортодоксального аналитического мышления; этой лингвистической идее соответствует такое духовное состояние, которое неопишимо в терминах сциентистски ориентированного мировоззрения. Ее коррелятом выступает не формально-логическая схема мышления, не сухой и холодный рассудок, а совокупность всех функций нашего духа в их живом взаимодействии" /Рамшвили, 1984, 22/.

Такое понимание 'внутренней формы языка' приводит нас к фундаментальному энергетическому взгляду на язык, который в каждом языке и в каждом явлении языка на первый план ставит духовное формирование и превращение 'мира', объективной действительности в 'собственность духа'. В классическом виде эта основная мысль гумбольдтовского языковедения сформулирована в 1821 году в утверждении, что каждый язык с присущей ему силой преобразовывает 'мир' в 'собственность духа'. Согласно И.Г.Вайсгербера, образующим принципом, еще лучше, духовным содержанием этого преобразования мира в собственность духа, является 'внутренняя форма языка', "с ее помощью в каждом языке осуществляется самобытный процесс преобразования 'данного бытия' в космос 'осознанного бытия'. Учитывая оживленную дискуссию последних лет /Х.Амманн, И.Дерболов, Х.Глини, В.Флейдерер и др./, можно утверждать, что лучше всего можно понять В.Гумбольдта, если рассматривать внутреннюю форму языка, как стиль языкового преобразования мира в собственность духа" /Вайсгербер, 1971, 16 - 17/.

ЛИТЕРАТУРА

Wilhelm von Humboldt. Gesammelte Schriften. Hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 1 - 17. Berlin, 1903 - 1936.

Гердер, 1977 - Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. - М.: Наука, 1977. - 703 с.

Рамишвили, 1984 - Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. /Перевод с немецкого языка под редакцией и с предисловием доктора филол. наук проф. Г.Б. Рамишвили. - М.: Прогресс, 1984. - 398 с.

Хейнеманн, 1929 - Heinemann F. Wilh. von Humboldts philologische Anthropologie und Theorie der Menschenkenntnis. - Halle: V.u., 1929. - 239 S.

Дост, 1960 - Jost L. Sprache als Werk und wirkende Kraft. Ein Beitrag zur Geschichte und Kritik der energetischen Sprachbetrachtung seit W. von Humboldt. - Bern: Verlag Paul Haupt, 1960. - 218 S.

Шпрангер, 1909 - Spranger E. Wilh. von Humboldt und die Humanitätsidee. - Berlin: Verl. Reuter & Reichard, 1909. - 506 S.

Вайсгербер, 1971 - Weisgerber L. Von den Kräften der deutschen Sprache. Bd. 1. Grundzüge der inhaltsbezogenen Grammatik. 4. Aufl. - Düsseldorf: Päd. Verlag Schwann, 1971. - 431 S.

UBER DIE ROLLE UND DEN PLATZ DES BEGRIFFES

'INNERE SPRACHFORM' IN DER SPRACHKUNDE W. von HUMBOLDTS

Eduards Daugats

R e s ü m e e

Wir haben versucht, die Rolle und den Platz des Humboldtschen Begriffes und Idee der inneren Sprachform näher zu bestimmen. Es wird die Einsicht vertreten, daß die Idee der inneren Form von Platon und Aristoteles, über die Neuplatoniker des 3. Jh's und der englischen Neuplatoniker des 17. und 18. Jh's in einer etwas abgewandelten Form sich in europäischen Denken aufbewahrt hat. In W. von Humboldts allgemeiner Sprachkunde nimmt die Idee der inneren Sprachform eine zentrale Stellung ein. Allerdings hat diese Idee (auch der Begriff) bei W. von Humboldt eine gewisse "deutsche" Nebenbedeutung erhalten. Es schwingt etwas von Leibnisschen "Monade", von Herderschen "Besonnenheit" und, in einem gewissen Sinne, von der "Qual" des Mystikers Böhme mit. Die "innere Sprachform" wird somit zur zentralen Idee und Aufgabe der allgemeinen Sprachkunde im Sinne W. von Humboldts.

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Ю.С. Кудрявцев

Основным методом исследования истории языка является сравнительно-исторический метод. Суть его заключается в том, что регулярные соответствия в сравниваемых языках трактуются как проявления различной по разным языкам эволюции некоего исходного архетипа. Иными словами, результаты синхронного сравнения проецируются на ось диахронии. Метод обратим: зная правила развития, мы можем по архетипу установить его позднейшие рефлексы. Новой информации данная процедура, как правило, не дает, но ценность ее заключается в другом: она позволяет верифицировать сравнительно-историческую реконструкцию. Если результаты совпадают с реально наблюдаемыми, реконструкция верна.

Такая методика проверки возможна, однако, лишь в том случае, когда архетип известен, т.е. когда имеются письменные памятники соответствующей эпохи. Между тем эвристическая ценность метода проявляется прежде всего при реконструкции праязыка — языка, неизвестного ни в устной, ни в письменной форме. В данном случае до последних десятилетий мы могли полагаться лишь на эффективность самой компаративистской методики, доказанную многочисленными фактами верифицированных, хотя и тривиальных реконструкций. Например, правильность реконструкций в романском языкознании в общем доказывается известными нам фактами языка-источника — вульгарной латыни. Достаточен ли такой обобщенный метод проверки? В настоящее время многие ученые отвечают на этот вопрос отрицательно.

Приемы сравнительно-исторического изучения языков были выработаны в основном в 10–80-е гг. XIX века на материале индоевропейской семьи. В тот же период были достигнуты основные результаты по данной семье языков. В последующее столетие сравнительно-исторический метод успешно применялся и применяется к материалу других языковых семей, поставлен также вопрос о ностратическом родстве, связывающем между собой индоевропейские языки и языки других семей. В то же время собственно индоевропейские реконструкции этого столетия являют собой образцы скорее оправданных гипотез, чем установленных фактов.

Классический пример — ларингальная теория. Она была

предложена в первоначальном виде студентом Лейпцигского университета Фердинандом де Соссюром еще в декабре 1878 г. (см. Холодович А.А., 1977, с. 657). Трудно найти в двадцатом веке индоевропеиста, который не высказывался бы по данному вопросу (библиографию см. у Polomé E., 1965). Многие работы над развитием ларингальной теории. У одних ученых счет реконструируемым ларингалам идет на единицы, у других — на десятки. Есть крупные ученые, вообще не признающие справедливость ларингальной теории. Даже верификация с помощью вновь расшифрованных текстов на ранее недоступном языке — кеттском — не решила вопроса (Семереньи О., 1980, с. 146, 154-155), Е. Курилович, впервые обнаруживший следы ларингалов в кеттском, в настоящее время скептически смотрит на былое открытие.

В чем причина такого положения? Поставим вопрос более широко: какие принципиальные ограничения заложены в сравнительно-историческом методе?

А. Данный метод основан на анализе регулярных соответствий в сравниваемых языках. Регулярность постоянно нарушается вследствие взаимодействия фонетического и морфологического уровней, аналогических влияний, заимствований и т.п. С другой стороны, по тем же причинам возникают артефакты, например, регулярности на основе параллельных заимствований (типа рус. [ц] — англ. [s] — франц. [z] : нация — nation — nation). Чем глубже реконструкция, тем меньше надежных фактов, способных образовать ряд закономерного соответствия. Индоевропеистика сейчас работает именно на таких уровнях — весьма удаленных хронологически от эмпирически засвидетельствованного материала.

Б. Названную трудность стремятся обойти, прибегая к методу внутренней реконструкции: устанавливают регулярные соответствия в пределах уже реконструированного языка (реконструкция второго порядка). Успешному применению такого приема мешают хронологические неясности. У нас никогда нет уверенности, что артефакты — результаты реконструкций первого порядка — относятся к одному и тому же синхронному срезу, т.е. составляют язык в подлинном смысле слова. Проекция синхронных соответствий на временную ось обладает свойством топологичности — она ориентирована относительно проекций векторов других соответствий (относительная хронология), но не ориентирована по отношению к масштабу времени. Абсолютных хронологий сравнительно-исторический метод не знает. Относительные же хронологии отрывочны, иногда двусмысленны. Только

в девятнадцатом веке можно было писать басни на индоевропейском языке.

В. По тем же причинам не большую надежность имеет прием внешнего сравнения реконструированных родственных праязиков.

Г. Мы видим, что в конечном итоге все упирается в проблему надежности. Надежность единичной реконструкции — вероятность того, что в какую-то из предшествующих эпох реконструированный архетип существовал реально. Эта вероятность может быть очень большой, но она никогда не равна единице (исключая, конечно, те случаи, когда архетип засвидетельствован письменностью, но они нас сейчас не интересуют). При попытке соединить разные архетипы как принадлежащие гипотетически одному синхронному срезу суммарная надежность падает по экспоненте и очень быстро приближается к нулю. Поэтому компаративисты давно уже удовлетворяются конгломератом реконструкций без четкого определения временного соотношения их результатов (архетипов). Известная консервативность, проявляемая непосредственно наблюдаемыми языками, сопротивление языка как такового историческим изменениям позволяют надеяться, что хотя бы на одном синхронном срезе (хронологически не определяемом) большая часть реконструированных архетипов совместится. Насколько обоснованы такие надежды, трудно судить. Мы хотели бы обратить внимание на другое обстоятельство.

Суммарная надежность конгломерата определялась бы по наименее надежному компоненту, если бы реконструкции были независимы друг от друга. На деле даже фонетические реконструкции взаимозависимы (результат контекстных влияний). Тем более это справедливо для морфологических и лексических реконструкций. Однажды допущенная ошибка умножается в связанных реконструкциях. Так возникают внутренне стройные, но абсолютно несовместимые концепции праязика.

Д. Надежность, о которой мы говорили выше, в рамках сравнительно-исторического метода не может каким-либо образом быть оценена количественно. Мы не знаем, какой объем материала необходим, чтобы реконструкция определенной глубины вообще имела научный смысл, а не являлась упражнением в бумажной фонологии.

Современное историческое языковедение ищет пути преодоления принципиальной ограниченности сравнительно-исторического метода. Отказ от этого метода, разумеется, ничего не дал бы науке, хотя подобные попытки предпринимались (Н.Я.

Март, Н.С. Трубецкой). Дело заключается в том, чтобы в дополнение к компаративистике разработать такие методы, которые позволяли бы контролировать и верифицировать ее результаты при отсутствии письменных памятников, оценить надежность конкурирующих реконструкций, выбрать из них наиболее вероятные. Опыт последних десятилетий показывает, что повысить надежность реконструкций можно, в частности, путем использования типологических данных.

ИмPLICITно типология, а именно опытные представления о той или иной вероятности звукового изменения, присутствует в любой компаративистской реконструкции, особенно в классических (см. об этом Чекман В.Н., 1979). Из опыта мы знаем, что к переходит в ч довольно часто, а обратное явление, по-видимому, вообще не имеет места. Поэтому при регулярном соответствии к/ч в качестве архетипа мы выбираем к, хотя само соответствие на направление изменения (к в ч или ч в к) не указывает. Уже классики компаративистики неизбежно должны были пользоваться таким приемом, основанным на интуитивной типологии звуковых изменений. Иначе они не получили бы ни одной реконструкции. Роль типологических данных заключается в том, что они исключают или ставят под сомнение некоторые из возможных архетипов, тем самым ограничивая выбор и увеличивая надежность оставшихся.

Дело в том, что равновероятные в рамках компаративистики реконструкции вовсе не обязательно являются таковыми в действительности. Вообще типологические исследования показывают, что на комбинативную способность языковых элементов (и причинную, диахроническую, и функциональную, синхроническую) наложены большие ограничения. Ограничиваются, в частности:

а) возможные фонологические системы. 90 фонем могут дать немислимое количество комбинаций, а используются из них только некоторые. Их число также велико, но вполне обозримо. Н.С. Трубецкой дал систематику фонологических систем, реально наблюдаемых (Трубецкой Н.С., 1960, с. 99-206). Она время от времени дополняется, но сама идея конечности и обозримости списка не поколеблена. Редкость отдельных систем, не учтенных Трубецким, между прочим также свидетельствует об ограничениях (вероятностных). Ценность фонологической типологии признается компаративистами, по крайней мере в отдельных случаях. Так, судьба гипотезы о моновокализме индоевропейского праязыка ставится в зависимость от решения вопроса, являются ли моновокалическими языки аранта и кабардинский;

б) эвентуальная структура слога. Здесь ограничения еще более жесткие, связанные с тем, что слог — единица скорее физиологическая, чем коммуникативная. По ряду причин слог легко поддается количественному изучению, статистике. Вероятность данной структуры слога может быть выражена в цифрах;

в) возможные звуковые изменения. См. об этом книгу Б.А. Серебренникова (1974).

Ограничения накладываются и на грамматику (см., например, Успенский Б.А., 1965, список универсалий на с.186-222).

Если типологические ограничения будут эксплицитно учтены при сравнительно-исторических реконструкциях, это повысит надежность последних. С развитием количественной типологии станет возможной математическая оценка надежности архетипов. Типологические исследования, касающиеся скорости языковых изменений, возможно, установят какие-то закономерности в этой области. Тогда станет реальной абсолютная хронология праязыковых процессов. Последнее, впрочем, из области гаданий. Пока что применение типологии в диахронических исследованиях ограничивается качественным аспектом явлений.

Первые попытки сознательного применения типологического метода при решении спорных вопросов компаративистики связаны с именем И.А. Бодуэна де Куртена. В работе "Нечто о палатализации и депалатализации" (Baudouin de Courtenay J., 1984) Бодуэн, разбирая вопрос об индоевропейском переходе e > o, привлекает для выяснения условий перехода данные о позднейших и независимых изменениях этого типа в различных индоевропейских языках. Путем сопоставления устанавливаются две закономерности, действующие при изменении e в o: обязательное влияние последующего твердого согласного и факультативное влияние места ударения. Это позволяет объяснить индоевропейский качественный аблаут⁺. Отметим две черты, характерные для бодуэновского подхода. Во-первых, для сопоставления привлекаются все известные автору языки. Во-вторых, в реконструкции используются о б о б щ е н н ы е свойства исследуемого перехода. Отсюда шаг до идеи типологии звуковых изменений. И такая идея высказывается Бодуэном в различных статьях последующего периода (см. Березин Ф.М., 1968, с.137-138, 142-143). Насколько такая глубокая постановка вопроса опередила свое время, показывает практика школы Р. Якобсона.

⁺ В современном виде бодуэновская концепция аблаута защищается В. Маньчаком (Mańczak W., 1960).

Спустя полстолетия возродив в некоторой степени историко-типологические идеи Бодуэна, эта школа ограничивается обычно данными синхронной типологии (см., например, Якобсон Р., 1963а, 1963б).

Тем не менее работы Р. Якобсона положительно повлияли на отношение современной лингвистики к применению типологических методов в истории языка. Не претендуя на полноту обзора, мы ограничимся описанием состояния проблемы в советском языкознании, которое начиная с 60-х годов активно разрабатывает методологию историко-типологического анализа. Работа идет сразу по нескольким направлениям.

Во-первых, ведутся исследования универсальных закономерностей организации фонологических систем. Некоторые работы этого плана по своим непосредственным задачам — чисто синхронические, но благодаря своим достоинствам могут принести большую пользу историку языка. Такова, например, книга В.М. Живова (1980), в которой на материале более чем трехсот языков с предварительным фонологическим анализом устанавливаются универсалии, относящиеся к функционированию признака звонкости. Солидная фактическая база, тщательная обработка данных и нетривиальный характер выводов, особенно касающихся связи звонкости с ударением и силлабическим устройством языка, делают данную работу незаменимым пособием для фонолога-диахрониста, изучающего историю любого языка, в которой имеет место эволюция данных признаков.

Своеобразную типологию разрабатывает тбилисская школа фонологов. Цель ее — формулировка закономерностей, связанных с маркированностью фонем (маркированность понимается как универсальная антропофоническая характеристика, скорее в духе Якобсона, чем Трубецкого). Здесь достигнут непосредственный выход в историю языка. На основе такой типологии Т.В. ГамкRELИДзе и Вяч.Вс. Иванов рeинтерпретировали индоевропейские данные, относящиеся к смичным согласным, и разработали новую схему организации и эволюции этого важного участка системы консонантизма. Работа получила очень высокую оценку в среде индоевропейцев (см. об этом: Нерознак В.П., 1981, библиографию вопроса можно найти у Герценберга Л.Г., 1981, с. 122-124).

Другое направление историко-типологических штудий — заветанное Бодуэном описание закономерностей звуковых изменений. Это, в сущности, наиболее важная задача типолога-диахрониста. Давно признано, что то, что называли "звуковыми

законами" младограмматики, на деле не имеет такого статуса. Младограмматические "законы" действуют в данную эпоху и в данном языке, и их "безысключительность" целиком ограничена этими условиями. Настоящие законы должны действовать в любое время и в любом языке, где и когда возникают необходимые и достаточные условия для их проявления. Эти законы суть диахронические универсалии, обобщающие свойства младограмматических "законов" (последние по отношению к первым играют роль единичных фактов, проявлений общих закономерностей). Формулировка универсалий возможна, конечно, только на основе сопоставительного анализа конкретных звуковых изменений.

На первом этапе необходимо установить, какие фонетические процессы являются типичными, происходят независимо друг от друга в истории многих языков. Эта работа проделана Б.А. Серебренниковым (1974). Книга Б.А. Серебренникова выросла непосредственно из потребностей сравнительно-исторического языкознания, из стремления объективировать интуицию компаративиста, проявляющуюся при определении направления звукового перехода. Автор — известный лингвист и полиглот — обладает широкой эрудицией в области истории языков различной генетической отнесенности. Книга содержит богатый материал и убедительно демонстрирует тот факт, что в звуковой системе имеются неустойчивые участки, склонные к мутации при наличии каких-то (не определяемых, впрочем, автором) условий. Поэтому значение работы перерастает рамки ее непосредственных задач. Причинно-следственный анализ собранного материала по нашему убеждению должен подтвердить закономерность наблюдаемых изменений и таким образом заложить основы функциональной типологии звуковых переходов.

Наиболее эксплицитное выражение данная проблематика находит в работах В.Н. Чекмана (см. его обобщающую книгу: Чекман В.Н., 1979, а также нашу рецензию: Кудрявцев Ю.С., 1981). В.Н. Чекман, с одной стороны, ставит вопрос о необходимости разработать понятийный аппарат историко-типологического метода. С другой стороны, решается задача систематической верификации на основе сопоставительных данных устоявшейся в науке реконструкции целого праязыка. В обоих аспектах книга В.Н. Чекмана вносит много нового и ценного в историческое языкознание. На основе синхронной типологии строится универсальная (для всех языков) динамическая модель данного звукового изменения, важнейшими компонентами которой являются типологическое поле — множество возможных результатов измене-

ния — и типологическое древо, представляющее собой поэтапную временную развертку изменения. На такой методической основе удастся уточнить многие существенные моменты истории праславянского языка. Дается более убедительная, нежели в традиции, фонетическая характеристика ряда реконструируемых звуков, уточняется порядок изменений, вскрываются переходные этапы. Автор дает также очень глубокое и содержательное объяснение причин редукции праславянских кратких гласных фонем верхнего подъема.

Некоторые недостатки работы связаны с абсолютизацией роли синхронной типологии в раскрытии природы звуковых процессов. В частности, рецессивный и особенно уникальный характер реконструированного состояния служит, по В.Н. Чекману, указанием на сомнительность реконструкции. Автор проходит мимо важной мысли, высказанной впервые, по-видимому, Б.А. Успенским: "Случаи исключений к неполным универсалиям могут представлять специальный интерес... В одних случаях (при отсутствии ареальной ограниченности — Ю.К.) можно считать, что исключения возникают на переходном этапе от одной устойчивой системы к другой (между тем как сами закономерности, обладающие высокой статистической вероятностью, могут рассматриваться, например, как общие кодовые характеристики). Речь идет тогда о д и а х р о н и ч е с к о й интерпретации, на основании которой можно предполагать те или иные пути эволюции языка (делая выводы как о его прошлом, так и о будущем состоянии)" (Успенский Б.А., 1970, с. 20-21). Справедливости ради следует сказать, что в практическом подходе к материалу В.Н. Чекман в ряде случаев отступает от своих теоретических положений. Например, установив на большом сопоставительном материале уникальность состояния, когда в одной системе сочетаются палатальный ряд и корреляция палатализации, исследователь не подвергает сомнению качество реконструкции, а рассматривает такое состояние как переходное, в духе Б.А. Успенского.

Совершенно особое направление интересующих нас исследований представлено работами Г.П. Мельникова (см., например, Мельников Г.П., 1971). Автор вводит понятие детерминанты, связывающее между собой типологические, ареальные и генетические характеристики языка. Детерминанта — некоторый принцип построения языковой системы, точнее, одного из ее участков, из которого (принципа) дедуктивным путем выводятся все остальные существенные черты данной группы языков. Детерми-

нантный анализ логически увязывает релевантные свойства разных языковых уровней и стремится доказать, что в основе многовекового параллельного развития родственных языков лежит не простая инерция, а глубокие и очень устойчивые, хотя отнюдь не универсальные предпосылки. Чтобы объяснить такую устойчивость, Г.П. Мельников прибегает к понятиям из арсенала кибернетики: язык он рассматривает как сложную самонастраивающуюся систему с многообразными обратными связями. Если дедуктивные выводы Г.П. Мельникова верны, то из его исследований вытекают два важных для нашей темы следствия: 1) типологическое сходство при ареальном совпадении является одним из доказательств генетического родства; 2) закономерности развития языков могут быть установлены не только индуктивным, но и дедуктивным путем.

Подводя итоги нашего краткого обзора, мы можем с большими основаниями утверждать, что в современном советском языковедении складывается историко-типологический метод исследования, основными чертами которого являются: проекция панхронических языковых закономерностей на временную ось; верификация на этой основе результатов, полученных сравнительным методом; уточнение качественных и количественных характеристик праязыкового развития; увязывание между собой закономерностей организации и изменения разных уровней языка.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Березин Ф.М. Очерки по истории языковедения в России (конец XIX - начало XX в.) - М.: Наука, 1968. - 310 с.
- Герценберг Л.Г. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. - Л.: Наука, 1981. - 200 с.
- Живов В.М. Очерки по синтагматической фонологии: Признак звонкости. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. - 238 с.
- Кудрявцев Ю.С. [Рец. на кн.: Чекман В.Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка: Типология и реконструкция. - Минск: Наука и техника, 1979. - 215 с.] - ИДВШ. Филологические науки, 1981, № 6.
- Мельников Г.П. Детерминанта языка - ведущая грамматическая тенденция. - В кн.: Фонетика. Фонология. Грамматика. М.: Наука, 1971.
- Нерозник В.П. Индоевропейские языки. - В кн.: Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Современное состояние и проблемы. М.: Наука, 1981, с. 8-62.
- Семереньи О. Введение в сравнительное языковедение. - М.: Прогресс, 1980. - 407 с.
- Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. - М.: Наука, 1974. - 352 с.
- Трубейкой Н.С. Основы фонологии. - М.: Изд-во иностр. лит., 1960. - 372 с.

- Успенский Б.А. Структурная типология языков. - М.: Наука, 1965.
- Успенский Б.А. Проблема универсалий в языкознании. - В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 5. М.: Прогресс, 1970, с. 5-30.
- Холодович А.А. Фердинанд де Соссюр: Жизнь и труды. - В кн.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977, с. 650-671.
- Чекман В.Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка: Типология и реконструкция. - Минск: Наука и техника, 1979. - 215 с.
- Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание. - В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Изд-во иностр. лит., 1963а, с. 95-105.
- Якобсон Р. Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии. - В кн.: American contributions to the Fifth international congress of slavists. Vol. 1. The Hague: Mouton, 1963б, p.153-178.
- Baudouin de Courtenay J. Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation). - Indogermanische Forschungen, Straßburg, 1894, Bd. IV, S. 45-57.
- Mańczak W. Origine de l'apophonie e/o en indo-européen. - Lingua, Amsterdam, 1960, IX, p. 277-287.
- Polomé E. The Laryngeal Theory So Far: A Critical Bibliographical Survey. - In: Evidence for Laryngeals. London - The Hague - Paris, 1965, p. 33-44.

LANGUAGE HISTORY AND TYPOLOGICAL DATA

Yuri Kudryavtsev

S u m m a r y

Owing to a number of reasons dealt within the article, the comparative-historical method of studying the history of language is limited as to its results. In contemporary linguistics the question has been raised of the elaboration of the comparative method with the help of typology. An analytical survey is given of the Soviet works of this trend. On its basis the conclusion is drawn that an independent historico-typological method has been formed, the characteristic features of which are: the projection of panchronous linguistic developments on a temporal axis; the verification on this basis of the results obtained by means of the comparative method; the more detailed study of the qualitative and quantitative characteristics of parent language development; the inter-relating of the laws underlying the organization and change of different language levels.

К СОВРЕМЕННОМУ ПОНЯТИЮ ТЕКСТА

Ю.М. Лотман

Понятие текста принадлежит к фундаментальным понятиям современной лингвистики и семиотики. Следуя сосстрианской традиции, текст рассматривается как манифестация языка. С небольшими вариантами в таком смысле это понятие употребляют Якобсон, Греймас и др. В этом значении текст противопоставлен языку как выраженное - невыраженному, материализованное - идеальному и пространственно-ограниченное - внепространственному. Вместе с тем, поскольку язык выступает в качестве устройства, кодирующего текст, то само собой разумеющимся полагается, что все релевантные элементы текста даны в языке, и то, что не дано в языке (в данном языке), смыслообразительным элементом не является. Поэтому текст всегда есть текст на данном языке. Это означает, что язык всегда дан до текста (не обязательно во временном, а м.б. в некотором идеальном смысле).

Это убеждение долгое время определяло направленность интересов лингвистов. Текст рассматривался как материал, в котором манифестируются законы языка, как, в некотором роде, руда, из которой лингвист выплавляет структуру языка.

Подобное представление хорошо объясняло коммуникативную функцию языка, т.е. ту функцию, которая лежит на поверхности, легко схватывается наиболее простыми методами анализа и поэтому долгое время представлялась основной, а для некоторых лингвистов даже единственной. Заметно ощутимый на протяжении последних десятилетий сдвиг интереса от языка к тексту (от структуры к речи) психологически подготовил лингвистов и семиотиков к восприятию других, более сложных функций семиотических систем.

Представим себе семиотический континуум, в котором на одном фланге будут располагаться искусственные языки и метаязыки, в центре культурного пространства - естественные языки, а на другом фланге - сложные семиотические образования типа языков поэзии (языков искусства вообще) и других вторичных систем. Если исходить только из коммуникативной функции, которая подразумевает, что сообщение, отправленное пе-

редающим, с максимальной точностью поступает к принимающему⁺, то придется признать, что наиболее эффективными являются искусственные языки, ибо только они гарантируют безусловную сохранность исходного смысла. Именно такое представление явилось скорее психологической, чем научной базой распространенного в 1960-е гг. снисходительного отношения к языкам поэзии как "неэффективным" и неэкономно устроенным. При этом забывалось, что крупнейшие лингвисты, как, например, Р.О. Якобсон, еще в 30-е гг. прозорливо подчеркивали, что область поэтического языка составляет важнейшую сферу лингвистики в целом.

Исследования текстов культуры позволили выделить еще одну функцию языковых систем и, соответственно, текстов. Кроме коммуникативной функции, текст выполняет и смыслообразующую, выступая уже не в качестве пассивной упаковки заранее данного смысла, а как генератор смыслов. С этим связаны реальные факты, хорошо известные историкам культуры, при которых не язык предшествует тексту, а текст предшествует языку. Сюда относится исключительно широкий круг явлений. Во-первых, к ним следует отнести подавляющее большинство архаических текстов из фрагментарно известных нам культур. Как правило, мы получаем некоторый текст (словесный, скульптурный, архитектурный и т.д.), вырванный из его естественного контекста и дешифровывавшийся в этом контексте какими-то утраченными для нас кодами. Процесс понимания состоит в реконструкции кодов по тексту, а затем в дешифровке этого текста (и аналогичных ему) с помощью этого кода. Фактически, не отличается от первого случая и второй, при котором мы имеем дело не со старыми, а с самыми новыми произведениями искусства: автор создает уникальный текст, т.е. текст на еще не известном языке, а аудитория, для того, чтобы понять текст, должна овладеть новым языком, созданным ad hoc. Фактически, тот же механизм и в третьем случае — при обучении родному языку. Ребенок также получает тексты до правил и реконструирует структуру по текстам, а не тексты по структуре.

Все эти случаи имеют одну общую черту. Исходно заложенный в текст смысл подвергается в ходе культурного функционирования текста сложным переработкам и трансформациям, в ре-

⁺ Предельными случаями здесь будут: передача команд, условных сигналов. В систему будет вводиться заранее данный смысл, который должен быть доведен до получателя. Именно эти случаи описывает модель: "смысл — текст".

зультате чего происходит приращение смысла. Поэтому данную функцию текста можно назвать творческой. Если в первом случае всякое изменение есть ошибка и искажение смысла, то во втором оно тяготеет к созданию нового смысла (ср. слова Э.Т.А. Гофмана в предисловии к "Житейским воззрениям кота Мурра" о творческой роли опечаток, а также многократно отмечавшиеся писателями - Л. Толстой, А. Ахматова и мн. др. - случаи участия ошибок, описок и пр. в творческом процессе). Если в первом случае шум съедает информацию, то во втором он может творчески ее преобразовывать.

Различение функций меняет и представление о тексте. В первом случае текст есть манифестация одного языка. Он принципиально гомоструктурен и гомогенен. В тех случаях, когда текст предшествует языку и получателю информации еще предстоит выбрать или сконструировать язык для данного текста, активизируется всегда присутствующая возможность считать текст в системах нескольких грамматик (ср. случай в "Детях капитана Гранта" Жюль Верна, где дешифровщикам надо было установить, на каком из нескольких, одинаково вероятных, языков написан данный фрагмент; выбор языка менял смысл текста). Подобная ситуация постоянно присутствует при восприятии произведений искусства и при рецепции инокультурных текстов, т.е. в семиотическом континууме культуры составляет огромное большинство случаев. В этом смысле текст как генератор смысла принципиально гетерогенен и гетероструктурен. В этом аспекте можно сформулировать правило: текст есть одновременная манифестация нескольких языков. Сложные диалогические и игровые отношения между разнообразными подструктурами текста, образующими его внутренний полиглотизм, и являются механизмом смыслообразования.

Эта особенность текста как генератора смысла ставит его в изоморфный ряд с такими явлениями, как индивидуальное сознание человека с его функциональной асимметрией больших полушарий головного мозга и культура, с ее принципиальным гетерогенным и избыточным внутренним устройством. Механизм смыслообразования везде один: система внутренних переводов субъязыков данного текста, находящихся в отношении относительной непереводимости.

Третья функция текста связана с проблемами памяти культуры. В этом аспекте тексты образуют свернутые мнемонические программы. Способность отдельных текстов, доходящих до нас из глубины темного культурного прошлого, реконструировать целые

пласты культуры, восстанавливать память наглядно демонстрируется всей историей культуры человечества. Не только метафорически можно в этом смысле сопоставить тексты с семенами растений, которые, являясь генерирующими информацией механизмами, могут переноситься в чуждую экологическую среду, сохраняя всхожесть, т.е. реконструируя память о том дереве, которое их произвело.

В этом смысле тексты тяготеют к символизации и превращаются в символы культуры. В отличие от других видов знака, такие, хранящие память, символы получают высокую автономию от своего культурного контекста и функционируют не только в синхронном срезе культуры, но и в ее диахронных вертикалях (ср. значение античной и христианской символики для всех срезов европейской культуры). В этом случае отдельный символ функционирует как текст, свободно перемещающийся в хронологическом поле культуры и каждый раз сложно коррелирующий с ее синхронными срезами.

Таким образом, в современном семиотическом понимании текст перестает быть пассивным носителем смысла, а выступает в качестве динамического, внутренне противоречивого явления - одного из фундаментальных понятий современной семиотики.

ON THE CONTEMPORARY CONCEPT OF TEXT

Yuri M. Lotman

S u m m a r y

Text as the foundation of semiosis, when operating in the context of culture, carries into effect three major functions: 1) conveyance of some constant information, 2) elaboration of essentially new information, 3) the function of memory. As the above three functions are on the one hand inherent in culture as a whole and on the other hand they characterize any intellectual activity, it is possible to view text as iso-functional with regard to culture which comprises texts in their semiotic integration. In fact, intellectual activities can be traced on several hierarchical levels of the semiosphere.

I. The function of conveying information requires that the output information of a semiotic system should be as ident-

ical as possible to the information that was entered. This can be achieved best by using artificial languages. In this case text operates as manifestation of language, i.e. one language. Any shift in the meaning of the source message is regarded as an error.

2. The function of working out essentially new information is carried into effect when a message is being conveyed through a multi-channelled system with internally untranslatable situations. Here, poetic language appears to be best, and an unpredictable shift or transformation of the source message is called creation.

2.1. If in the first case language always precedes text and the following rule prevails: "There can not be anything in the text that was not present in language", then in the second case text very often precedes language. "A text in an unknown (in no)" language is worked out, which on entering the semiosphere, will generate the wanted plurality of interpretations, i.e. essentially new senses. The model "sense-text", which works well when applied to the first function, is not applicable to the second function, and is consequently useless in the analysis of literary texts.

3. Text as an element of cultural memory is not a passive receptacle but a generator of past information. It does not store but reproduces and in this respect it resembles not a book on the shelf but a seed in soil. The basic mechanism of memory is symbol - a special kind of text which is less bound to the synchronic context and can be freely moved in diachronic space.

КВАЗИОМОНИМИИ И ВАРИАНТНОСТЬ

Г.Е. Мальковский

Следуя методологии определять объекты в терминах того, чем они не являются, т.е. негативно, А.Мартине пишет, что французские квазиомонимы *blanc* "белый" и *blond* "светловолосый" "...были бы полными омонимами, если бы не то обстоятельство, что одно слово содержит слен А данного противопоставления там, где другое слово содержит его член В" (1960, с.79). То же можно сказать и о (русск.) сок - сук; (укр.) брук "мостовая" - бруд "грязь"; (англ.) pig "свинья" - peg "колышек", т.е. это общеязыковое явление. Квазиомонимы представляют собой одну из лингвистических категорий, поскольку они отвечают следующему их определению: "Общие свойства различных классов и разрядов языковых единиц, констатирующих эти классы и получающих разнообразное языковое выражение: морфологическое, синтагматическое, просодическое и т.д. - при различном содержании /грамматическом, лексическом, и т.п./" (Ахманова, 1969, с. 190).

В квазиомонимии разнообразие языкового выражения оказывается фонологическим, о чем прямо не указывается в определении, когда говорится о различиях: "морфологические, синтагматические, просодические и т.д.", но его несомненно можно подразумевать в "и т.д.". Содержание различается в квазиомонимах в виде совершенно разных значений, чем они и отличаются от свободных, т.е. равнозначных вариантов (см. таблицу № I).

Таблица № I

Языки	Свободные варианты слова	Квазиомонимы
русск.	Околодок = околоток	придворный-притворный
укр.	кептар = кшптар "меховая безрукавка у гуцулов" /K/	вербена "железняк" /K/ вербина "верба" /K/
англ.	<i>trefoil</i> /'trefoil, 'tri:foil/ (Д) "клевер и др." (Г)	<i>reap</i> /ri:p/ (Д) "сноп"(Г) <i>rip</i> /rip/ (Д) "разрез"(Г)

Известно, что для более четкого высвечивания формальных характеристик слова Л.В.Шерба создал фразу-модель, в которой семантическое наполнение отсутствует. "Глокая куздра бодланула бокра и кудрячит бокренка". К увлекательным лингвистическим толкованиям (Успенский, 1960, с.319-325; Кондратов, Шорохов, 1979, с.24-26) этой фразы мы добавим соображения, соответствующие нашей теме. К "глокая" можно добавить вариант "глукая", а к "куздра" - вариант "туздра"; этим вариантам противостоят вымышленные квазиомонимы или их реальные прототипы: пом-пум и фык-фыт или бок-бук и ком-том. Опираясь аналогичной фразой Ч.Фриза *Woggles ugged diggles*, мы можем к *diggles* подобрать вариант заменой гласных *duggles* и взаимозаменой согласных *ugged - ulled* при квазиомонимии *kif - kuf, gof - lof*. Их реальными прототипами будут *kis* "приспособление" (Г) - *kug* "коврик" (Г); *gull* - "чайка" (Г) - *lull* "временное затишье" (Г).

Паронимы отличаются от квазиомонимов тем, что обладают близкими значениями.

Таблица № 2

Языки	Квазиомонимы	Паронимы
русск.	толь - ноль	остатки - останки
укр.	дружний "дружный, согласный" (К) дружній "дружеский, дружественный" (К)	кит "кит" (К) кіт "кот" (К)
-англ.	cat "кошка" (Г) cot "детская кроватка" (Г)	adapter "адаптер" (Г) adopter "приемный отец" (Г)

Все категории слов, которые по-разному антиподны квазиомони-

мам — омонимы — по означающему, свободные варианты и паронимы — по означаемому — определены О.С.Ахмановой (1969; омонимы — 287, паронимы — 313, варьирование — 72), но сама статья "квазиомонимы" отсутствует, а потому мы предлагаем следующее позитивное определение: "Две (или более) однокатегориальные языковые единицы, различающиеся одной фонемой и семантическими значениями". Однокатегориальность скорее желательна, чем обязательна, т.к. при ее соблюдении ярче выступает смысловозначительность опорной фонемы.

Целесообразно произвести критический обзор практики использования квазиомонимов в ее наиболее интересных позициях.

Ч.Ф.Хоккетт (С.Ф.Hockett, 1935, с. 213) показывает фонологически значимое противопоставление /p/ и /b/ в разных по составу парах: pet:bet, pit:bit, pat:bat, flappyàflabby, cop:cob, pride:bride.

Самый длинный ряд из 12 слов с квазиомонимальным противопоставлением согласных составил В.Трнка (1968, р. 145): fit:pit:bit:tit:hit:kit:chit:sit:knit:writ:wit. Но он не исчерпал всех возможных слов, т.к. в этом ряду можно добавить dit, git, shit. Заметим, что среди этих слов есть одна косвенная форма lit от light. Т.к. английский язык располагает 24 согласными (Леонтуева, 1980, р.57), то 9 согласных оказались неиспользованными, в том числе и по дистрибутивным соображениям.

Самый длинный квазиомонимальный ряд также из 12 слов с противопоставлением гласных составил Г.Глисон (1959, с.54): bait:bet:boat:bought:bat:bit:boot:bout:boat:bite:bots:but, причем среди них есть одна косвенная форма bought от buy. Отняв использованные гласные от всех имеющихся (Леонтуева, 1980, с. 68, 119-124), мы узнаем, что в этих квазиомонимальных рядах отсутствуют монофтонги α :, u, э:, э и дифтонги эi, iэ, ээ, ээ, цэ. Слов, где бы они находились в окружении b..t не существует за исключением

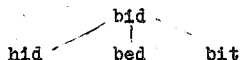
ɔː b̥ɑrt b̥ɔ:t сокращение от baronet и ɔː, т.к. есть слабая форма от but bət, но Г.Глисон (1959, с.54) дал только сильную форму bʌt, поскольку он рассматривал отдельные слова. Дистрибутивных ограничений для создания слов-имен нарицательных с перечисленными выше неиспользованными гласными /bʌt, bɛ:t, bɛ:ɪt, bɪst, bɛst, bʊɛt, buɛt/ не существует, а поэтому такие слова только теоретически возможны. Их следует признать "пустыми клетками" в системе словообразования, т.е. нереализованными возможностями. Наличие фамилий Burt и имени Bert, оба /bɛ:t/ позволяют предположить, что отмеченные "пустые клетки" могут заполняться именами собственными, т.е. единицами другой подсистемы.

Г.Глисон (1959, с. 54) утверждает, что существуют только пять квазиомонимов для оппозиции /θ/: /ð/: thigh:thy; mouth(n): mouth(v); wreath(n):wreath(v); ether:either. Последняя пара интересна тем, что по данным /ɔ/ either читается в вариантах /'aɪðə, i:ðə/, из которых второй контрастирует с произношением ether/'i:ðə/. Таким образом, минимальный контраст имеет место только с одним вариантом. Вопреки вышеприведенному утверждению Г.Глисона (1959, с. 54), к этой группе следует добавить sheath: sheathe, sooth:soothe. Оппозицию /θ/: /ð/ в слове и фразе this'll:thistle вряд ли можно поддержать ввиду их разнокатегориальности. На этом же основании мы не согласны с авторами, ставящими в один ряд имена нарицательные и собственные, как это встречается у Г.Глисона (1959, с. 54): pill:bill:till:dill:chill:Jill: mill:nil:Lil:will и у O.Jespersen (1936, p.27) Crete: creed, а также у Н.С.Трубецкого (1960, с. 39) bin:Vonn. У последнего на стр. 38 наблюдается несоблюдение одинаковости рода в Rose (ж.р.) - Riese (м.р.). O.Jespersen (1936, p.27) свел в ряд seas: seas:sees:seize, когда при соблюдении одинаковости категориальной принадлежности правомерно только seas:sees. Такую же пест-

роту категорий мы наблюдаем у Ф.М.Березина и Б.Н.Головина (1979, с. 330): дал:зал:мал:бал:вал.

Так как английские фонологические вариантные ряды состоят из двух членов, реже из трех /в первом случае 85 рядов, во втором 4 ряда (Мальковский, 1972, с100-114), а квазиомониальные ряды могут быть более многочисленны (см. выше), то последние используют фонемный инвентарь в большей мере, чем первые. Одно из объяснений этому состоит в том, что варьирование сдерживается семантическим фактором: равнозначность. Члены квазиомониального ряда разнозначны, и, следовательно, их семантические возможности широки.

Наш обзор показывает, что исследователи обычно подбирают квазиомонимы по одной из фонем слова, хотя картина явления была бы полнее, если разыскивать квазиомонимы к каждой фонеме отдельно, создавая ряды по I, 2 и т.д. фонемам, как это делает М.Свадеш (Swadesh, 1934, p.118):

Каждый из этих рядов следовало бы продолжить: I ряд - rid, kid, lid, gid, fid, mid, wid; 2 ряд: bad, bud, bad; 3 ряд - bin, bill, big, bim, bit, biz. Квазиомонимов с опорой на гласный монофтонг должно быть меньше, чем с опорой на согласный, т.е. гласных меньше, чем согласных.

Согласно Л.Р.Зиндеру, "...не оправдано и обязательное привлечение минимальных пар как исследовательского приема, т.к. наличие или отсутствие их в языке является случайностью" (Зиндер, 1953, 88). По поводу термина "минимальная пара", под которым Л.Р.Зиндер подразумевает только квазиомонимы, заметим, что парой могут быть и варианты (см. таблицу № 1) и паронимы (см. таблицу № 2). М.Ф.Давидов и Г.Г.Егоров (M. Davidov, G. Egorov, 1971, p.17) также усматривают методологическую несостоятельность использования ква-

зиомонимов как метода исследования в том, что при его постоянном применении фонологические разработки будут основываться на капризах, на случайностях словарного состава.

Так как любой метод предполагает определенное оперирование фактическим материалом, то квазиомонимальные ряды обнаруживаются путем перебора слов, и вообще, вероятность успеха поиска возрастает с увеличением их корпуса, т.е. фактор случайности есть. Если какие-либо языковые единицы так или иначе связаны друг с другом, то при специальной направленности внимания они приходят на ум одновременно.

А. Мартине пишет: "Если считать, что избранный нами словарь достаточно полно отражает лексику рассматриваемого языка, можно составить список таких пар /т.е. квазиомонимов - Г.М./ для каждого из фонологических противопоставлений" (Мартине, 1960, с.79), обуславливая свою уверенность в успехе такого поиска тем, что еще не выполнено лексикографами: составление списка квазиомонимов. Такое предприятие, выполненное в своем полном объеме, выйдет за пределы списка и выльется в создание словаря квазиомонимов, подобного словарю омонимов, т.к. квазиомонимов много.

Ввиду наличия фактора случайности при поиске квазиомонимов мы задаемся целью установить степень вероятности успеха нахождения. Наблюдения показывают, что эта степень максимальна для моносиллабов с наиболее распространенной фонемной моделью "согласный + гласный + согласный". Эта вероятность снижается как в направлении меньшего, так и в направлении большего количества фонем в слове. По этой причине слова, выполняющие описанную модель, чаще всего фигурируют у авторов. Слова с трехфонемной моделью типа "кий" или двухфонемное типа "мы" или английские слова типа *quay*/ki/(Д) "причал" вообще не встречаются.

Для слов английского языка с его аналитическим строем харак-

терен моносиллабизм. В немецком языке, который более синтетичен, чем английский, моносиллабов меньше хотя бы потому, что большее количество слов снабжено разными аффиксами, усложняющими соблюдение условия одинаковости остального окружения. В еще более синтетичном русском языке моносиллабов должно быть еще меньше. Отсюда следует универсалия: количество моносиллабов обратно пропорционально степени синтетичности строя данного языка.

Согласно выведенной Е.Куриловичем (Kurylowicz, 1948, с.203-206) закономерности, чем беднее содержание фонемы, тем шире сфера ее употребления. Применительно к варьированию, эта закономерность выражается в том, что наиболее бедная по содержанию нейтральная гласная /ə/ чаще других гласных фонем участвует в вариантных рядах, сопоставляясь со всеми гласными монофтонгами в безударном положении.

ə	ɔ	compatriot	kəm'patriət, kəm -
	ɔ:	foreboding	fɔ:'bʊdɪŋ, fə'b-
	ɑ:	cinema	'sɪnɪmə, -mɑ:-
	æ	callosity	kə'lɒsɪti, kə'l-
	ʌ	subjugate	'sʌbdʒʊgeɪt, -dʒʌg-
	u:	Edgcumbe	'ed:kəm, -kɪ:m
	ʌ	buffoon	bʌ'fu:n, bə'f-
	e	stipend	'staɪpɛnd, -pənd
	i	belief	bɪ'li:f, bə'l- (Д)

Закономерность Е.Куриловича верна для фонемного варьирования и в обратном смысле: чем богаче содержание фонемы, тем уже возможности к ее варьированию. Наиболее богато содержание той единственной фонемы, от которой зависит смысловоразличение, а также случаи преобладают у слов с наиболее податливой для подбора квазиомонимов трехфонемной моделью, описанной выше.

В списке из 89 вариантных оппозиций фонем (типа английского примера в таблице № 2), проиллюстрированных 229 рядами, моносиллабы оказались лишь в 10 рядах. Английские омонимы преимущественно односложны (см. И.С.Тышлер, 1963), а поэтому вариантность обнаруживается только у немногих многосложных омонимов, например *exact* (adj., v.) *ig'z:kt* *eg-* (Ц) "точный и др.", "настоятельно требовать и др." (Г). Это позволяет заявить о следующей универсалии: "количество квазиомонимов прямо пропорционально количеству моносиллабов с фонемной моделью "согласный + гласный + согласный", а количество свободных фонологических вариантов обратно пропорционально ему. Следовательно, мысль А.Мартине: "...существование квазиомонимов может воспрепятствовать фонетической эволюции даже в тех частных случаях, когда не существует никакой опасности смещения.", (Мартине, 1960, с.47) верна в указанных пределах. Мы хотим лишь уточнить, что фонетическая эволюция — это вариантность, процесс постепенного изменения означающего. Можно предположить, что варьированию срединной фонемы в *rim* "ром" (Г) мешает опасность смещения с другим словом, т.е. создание омонима, например с *rim* "ободок" или *Rom* "цыган" (Г), поскольку омонимы нежелательны для коммуникативной функции. Создание варианта, скажем *REM* также затруднено ввиду смысловозначительной нагрузки фонемы /A/, хотя слова *REM* не существует, т.е. опасность создания омонима отсутствует.

Последняя универсалия имеет отношение к тем, кто для оправдания метода квазиомонимии привлекает количественный фактор. Например, Л.Р.Зиндер в другой своей работе (Зиндер, 1979, с. 43) настолько высоко ценит квазиомонимию как метод исследования, что для первичного вычленения дифференциального признака считает достаточным одно парное противопоставление фонем. Напротив, Л.В.Шерба (1959, с. 130) не считает наличие минимальной пары обязательным для доказа-

тельства наличия фонемы. Как пишут М.Ф. Давидов и Г.Г. Егоров (Davidov, Egorov, 1971, p. 18), поборники метода квазиомонимии считают, что доказательство наличия данных фонем будет тем более веским, чем больше таких пар обнаружено. Далее они также считают, что означаемое слово подчинено закону лексической изменчивости, а означающее — дифференциальной релевантности, и это, якобы, лишает метод квазиомонимов достоверности, т.к. плоскости подчинены разным законам. Этому же мнению придерживается и Л.Р. Зиндер: "Приписываемая им (т.е. квазиомонимам — Г.М.) роль невозможна главным образом потому, что различия в плане содержания не требуют обязательного различия в плане выражения. Бесспорность этого положения доказывается существованием омонимов" (Зиндер, 1953, с.28).

В ответ на эти доводы можно сказать, что лексическая изменчивость на протяжении веков не выходит за рамки стержневого понятия полисемантического комплекса. Ввиду того, что при фонологическом анализе семантика используется в целом огрубленно, т.е. тут не вдаются в тонкости полисемии, эти изменения несущественны. Следовательно, особенности обеих плоскостей не таковы, чтобы на них нельзя было опереться в изучении квазиомонимов, а омонимия все-таки довольно периферийное явление.

"В большинстве случаев они относятся к совершенно несвязан- ным между собой семантическим сферам..." пишет Л.Р. Зиндер (1953, с. 28), отрицая квазиомонимы как способ доказательства наличия данных фонем. Со своей стороны мы можем сказать, что эта особенность заложена в нашем определении квазиомонимов, а чем более они не связаны семантически, тем доказательнее фонематичность различающихся звуков.

Хотя М.Ф. Давидов и Г.Г. Егоров используют пары: *cap: cab; led: let; dog: dock*, они, противореча самим себе, также считают, что широкое применение квазиомонимии не оправдано с точки зрения послед-

них достижений фонологической теории (Davidov, Egorov, 1971, p.17), хотя не уточняют, каких именно. На них указывает О.С.Ахманова:

"Применение методов статистического анализа и таких понятий общей теории связи как эффективность, надежность, избыточность, укрупнение, предсказание и проч. дают возможность преодоления той ограниченности, которая свойственна методу минимальных парных противопоставлений" (Ахманова, 1966, с.33). Однако она использует квазиомонимы *bid:bit* для различения фонем /d/, /t/ (Ахманова, 1966, с.5).

Р.Якобсон и М.Халле (1962, с.232-233) предложили составлять минимальные пары из имен собственных, т.е. вторичных названий одушевленных и неодушевленных предметов, дополняющих и уточняющих первичное нарицательное. Свой метод они иллюстрировали фамилиями, различающимися в инициале: *Bitter, Chitter, Ritter, Sitter, Titter, Witter, Zitter*. Мы дополним этот ряд фамилией *Itter*, т.е. сопоставление фонем /b, t/ с нулем, что несомненно возможно.

К.Л.Пайк (K.L.Pike) в своем определении *minimal pair* "минимальная пара" /также названная *minimally different word pair* (*minimally contrastive pairs*): "Комплекс из двух слов, минимально различающийся фонетически и все же контрастный по значению, т.е. путем подстановки, прибавления или вычитания одного сегмента" (Phonemics, 1959, p.242) в словах "прибавление или вычитание одного сегмента" выражает идею нулевого элемента, подразумеваемого на фоне позитивного элемента, хотя его примеры построены только на подстановке *SEAL, REAL, KNEEL, NEEL* (Phonemics, 1959, p.81). Противопоставление "нуль - фонема", также фонологически значимо, как и противопоставление "фонема - иная фонема", благодаря чему А.Росетти (1974, с.117) ставит такие слова в один ряд: *коса:роса:оса*. Противопоставление "фонема - нуль" также признается Г. Глисоном (1959, с.57): *pill:spill* и Т.П.Ломтевым (1972, с.2): *сада:ада*. Про-

тивоположной и по нашему мнению неверной точки зрения придерживается А.Н.Гвоздев (1949,с.7) считающий, что не могут быть использованы для определения фонем слова, различающиеся отсутствием одного звука "то:сто; мало:масло", т.к. в этих случаях, хотя лишний звук и служит различителем слов, его противопоставленность другим звукам не может быть показана.

Если при квазиомонимах с именами нарицательными мы связаны условием использовать существующие слова, то при оперировании именами собственными, как это предлагают Р.Якобсон и М.Халле (1962,с.232-233), можно придумывать любые сочетания в пределах, допустимых закономерностями английской фонологической системы. Все же исследователи продолжают оперировать квазиомонимами-именами нарицательными.

Итак, методом квазиомонимии пользуются все без исключения фонологи. Большинство из них вообще не ставят вопрос о его состоятельности, а принимают его как данный. Те авторы, которые отрицают этот метод в своих теоретических выкладах, пользуются квазиомонимами практически, проявляя непоследовательность. Сторонником метода квазиомонимов как на практике, так и в теории является М.Свадеш: "фонемный принцип при правильном понимании создает единственный, совершенно последовательный и соответствующий метод понимания природы фонетики данного языка. Фонетика создает технику открытия и определения фонем" (Swadesh, 1934,р.129). Заметим, что М.Свадеш нечетко различает понятия "фонетика" и "фонология".

В связи с установлением разнобоя в теоретическом осмыслении метода квазиомонимии, называемому М.Свадешем "фонемный принцип", вспоминаются слова Дина Х.Обрехта: "...занимаясь прикладной наукой, ученый должен воздерживаться от решения частных задач, поставленных той или иной теоретической наукой, и оценивать их действительный вклад в соответствии с основными критериями и целями

прикладной области" (Обрект, 1976, с.24). В этом смысле прикладной метод сведения слов по принципу квазимонимии приносит много ценного. Результативность этого метода, а отсюда и его распространенность объясняются тем, что он соответствует природе языкового знака: двусторонность и имманентно присущая сопоставимость лексических единиц.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

стр. 109

blanc	белый				
blond	светловолосый				
брук	мостовая		бруд	грязь	
pig	свинья				
peg	кольшек				
кептар-киптар	меховая	безрукавка	у	гуцулов	
вербена	Железня	вербина	верба		
trefoil	'tre:fi:l, 'tri:fi:l	клевер			
gear	ri:p	сноп	rip	rip	разрез

стр. 110

rig	приспособление				
rug	коврик				
gull	чайка				
lull	временное затишье				
cat	кошка	adapt		приспособлять	
cot	койка	adopt		усыновлять	

стр. 111

pet	любимец	bet	пари	pit	яма	bit	кусок
pat	гладить	bat	летучая	мышь	flarry		отвислый
flqbbv	вялый	cop	полицейский	sob	Початок		
pride	гордость	bride	невеста				
fit	соответствовать	pit	яма	bit	кусок		
tit	употребляется в выражении "зуб за зуб"					tit for tat	
hit	ударять	kit	ранец	chit	ребенок	sit	сидеть
knit	вязать	writ	употребляется в сочетании "священное писание"	Holy writ			
lit	зажигал	wit	остроумие	dit	затыкать		
git	литник	shit	гадить				
lit	зажигал	light	зажигать				
bait	приманка	bet	пари	boat	лодка		
bought	купил	bat	дубина	bit	кусок		
boot	добыча			bite	кусать		
bot	личинка	овода	but	но			
bought	купил		buy	покупать			
baronet	баронет						

стр. 112

thigh	бедро	thy	ты	mouth (n)	рот
mouth (v)	изрекать			wreath (n)	венок
wreathe (v)	свивать венки	ether	эфир	either	или

sheath	ножны	sheathe	вкладывать	sooth	правда
			В НОЖНЫ		
soothe	успокаивать				
thistle	чертополох	this'll	это будет		
pill	таблетка	bill	счет	till	до dill укроп
chill	холод	Jill	имя	mill	мельница nil нуль
Lill	имя	will	завещание		
Crete	Крит	creed	кредо	bin	есть Bonn Бонн
Rose	роза	Riese	великан		
cease	прекращать	seas	моря		
seize	хватать				

стр. 113

bid	ставка	hid	прятал	bed	кровать	bit	кусок
rid	избавляться	kid	ребенок	lid	крышка	gid	
							ценурос
fid	клин	mid	середина	whid	ложь	bad	плохой
bud	почка	bod	парень	bin	ящик	bill	счет
big	большой	bim	девка	bit	кусок	biz	дело

стр. 114

quay	причал						
compatriot	Кам'патриот, кам'						соотечественник
foreboding	fo: 'boudiŋ, fa' b-						предчувствие
cinema	'sinmə, -mə;						КИНО
callosity	kæ'lositi, kə'i-						МОЗОЛИСТОСТЬ
subjugate	'sʌbʒu:geit, -dʒʊg-						ПОКОРЯТЬ
Edgescumb	'edʒkʌm, -kʌm						географическое название
buffoon	bʌ'fu:n, bə'f-						клоун
stipend	'staipeŋd, -pənd						стипендия
belief	bɪ'li:f, bə'i-						вера
exact	ɪg'zækt /eg-/						точный

стр. 116

rum	ром
rim	ободок
Rom	цыган

стр. 117

car	фуражка	cab	каб	led	вел	let	разрешать
dog	собака	dock	док				
bid	предлагать	bit	кусок				
Bitter, Chitter, Ritter, Sitter, Titter, Witter, Zitter;		Itter					ФАМИЛИИ

стр. 118

minimally different word pairs						минимально различающиеся пары слов
minimally contrastive pairs						минимально контрастирующие пары
seal	печатать	real	гремять	kneel	ставить на колени	
heel	пята	pill	пилюля	spill	разливать	

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О.С. Фонология, Морфонология, Морфология. - М.: Госуниверситет, 1966.
 Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Советская энциклопедия, 1969.
 Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. - М.: Просвещение, 1979.

- Большой англо-русский словарь. /Под общим руководством И.Р. Гальперина. - М.: Советская энциклопедия, 1972.
- Гвоздев А.Н. О фонологических средствах русского языка. - М.-Л.: Издательство АН РСФСР, 1949.
- Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. - М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
- Джонс Д. Словарь английского произношения. - М.: Советская энциклопедия, 1964.
- Зиндер Л.Р. О минимальных парах. - Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии. Тезисы докладов, 1953.
- Зиндер Л.Р. Общая фонетика. - М.: Высшая школа, 1979.
- Ломтев Т.П. Фонология современного русского языка. - М.: Высшая школа, 1972.
- Мальковский Г.Е. Свободное варьирование английскими фонемами. - В кн.: Фонетика и фонология. Вып. I. Иркутск, 1972.
- Мартин А. Принцип экономии в фонетических изменениях. - М.: Издательство иностранной литературы, 1960.
- Обрехт Д.Х. Основы языка и основы обучения языку: необходимость их взаимодействия. - В кн.: Методика преподавания иностранных языков за рубежом. Вып. 2. - М.: Прогресс, 1976.
- Росетт А. Вступ до фонетики. - Київ: Вища школа, 1974.
- Тышлер И.С. Словарь омонимов современного английского языка. - Саратов: Госуниверситет, 1963.
- Трубецкой Н.С. Основы фонологии. - М.: Издательство иностранной литературы, 1960.
- Украинско-русский словарь. /Гл. редактор И.Н. Кириченко. - Киев, АН УССР, 1958.
- Успенский А. Слово о словах. - М.: Молодая гвардия, 1960.
- Кондрашов В., Шорохов В. Последние приключения "глокой куздры". - Знание - сила, 1979, № 2.
- Шерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: Госуниверситет, 1959.
- Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике. - В кн.: Новое в лингвистике. Т. 2. - М.: Прогресс, 1962.
- Davidov M., Egorov G. English Phonology. - M.: MGU, 1971.
- Hockett C.F. Manual of Phonology. - New-York, 1935.
- Jespersen O. Engelsk fonetik. - København, 1936.
- Kurylowicz J. Les mutations consonantiques. - Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego. Wrocław; Krakow, 1958, No. 18.
- Leontyeva S.F. A Theoretical Course of English Phonetics -Moscow: Vyssaya škola, 1980.
- Phonemics. A technique for reducing languages to writing by Kenneth L. Pike. - The University of Michigan Press, 1959.
- Swadesh M. The Phonemic Principle. - Language, 1934, v. 10.
- Trnka B. Phonological Analysis of Present-Day Standard English. - University of Alabama Press, 1968.

QUASIHOMONYMICS AND VARIATION

Harold Malkovsky
S u m m a r y

The analysis of quasihomonyms discussed in contrastive comparison with the free word variants allowed the author to deduce proportional universals of their formation. The article also contains a critical survey of the theory and the practical application of the minimal pair.

ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ

Н.П. Приходько

Исследуя языковые категории, носящие познавательный характер, к которым относится и модальность, приходится вновь обращаться к проблеме языка и мышления. Как отмечал Л.В. Щерба, "язык и мышление образуют неразрывное единство, наблюдения над языком являются наблюдением над мышлением, так как это последнее нельзя наблюдать вне языковых форм" (Щерба, 1974, 339). Теснейшая связь языка и мышления проявляется, в частности, в том, что основные онтологические и логические категории определённым образом преломляются и в языке (ср., например, такие категории, как предмет, признак, отношение, время, число). В.В. Виноградов подчёркивал, что категория модальности предложения принадлежит к числу основных, центральных языковых категорий, в разных формах обнаруживающихся в языках разных систем. Вместе с тем эта категория — из типа тех категорий, которые И.И. Мещанинов назвал "понятийными категориями". "Понятийными категориями, — по словам И.И. Мещанинова, — передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Эти понятия не описываются при помощи языка, а выявляются в нём самом, в его лексике и грамматическом строе..." (Мещанинов, 1945, 196).

В монографии, посвящённой гносеологическим аспектам философских проблем языкознания, В.Э. Панфилов отмечает особую сложность изучения проблемы модальности: "Пожалуй, нет другой категории, о природе и составе частных значений которой высказывалось бы столько различных и противоречивых точек зрения, как о категории модальности. Большинство лингвистов в её состав вводят значения, самые разнообразные по своей сущности, функциональному назначению и принадлежности к уровням языковой структуры, вследствие чего категория модальности лишается всякой определённости (Панфилов, 1982, 159). Можно встретить довольно много пессимистических прогнозов в статьях, посвящённых данной проблеме.

Мнение чешского лингвиста С. Жажа еще более категорично: "В настоящее время нельзя говорить ни о какой общей ме-

тодологической базе изучения модальности (цит. по Белошапкова, 1975, 131). И.Р. Гальперин заметил, что "современные английские грамматисты вообще избегают давать определение этой категории, очевидно, рассматривая её как данность, и ограничиваются лишь указанием форм, в которых заложена модальность (Дж.Лайонз, Р.Кверк и др.) (Гальперин, 1981, 113).

Однако, несмотря на указанные трудности, эта проблема привлекает не одно поколение исследователей, возможно, как раз своей неисчерпаемостью и многогранностью. Интерес к ней носит не эпизодический характер. Всякий раз, когда возникает достаточно масштабная лингвистическая теория или создаётся новый метод анализа и описания языка, лингвисты во всеоружии новых научных средств и приёмов возвращаются к этой сложной проблеме.

Впервые понятие модальности было введено ещё Аристотелем (лат. *modus* – мера, способ); его ученики и комментаторы Теофраст, Евдем Родосский и другие, а затем средневековые схоласты признавали различие суждений по модальности. Модальность определяется как способ существования какого-либо объекта или протекания какого-либо явления (онтологическая модальность) или же способ понимания суждения об объекте, явлении или событии (гносеологическая, или логическая, модальность). Категория модальности принадлежит к той области языковых явлений, где их связь с логическим строем мышления оказывается наиболее непосредственной. Известно, что модальность в равной мере является предметом исследования и языкознания, и логики. И если в первом модальность включается в число наиболее существенных характеристик предложения как языковой единицы, то во второй она рассматривается в качестве существенного признака суждения как формы мышления (Панфилов, 1982, 159).

Различными аспектами модальности в русском языке занимались такие выдающиеся лингвисты, как А.Х. Востоков, Н.И. Греч, А.А. Потёбня, А.А. Шахматов, И.И. Мещанинов и др. Особую роль в развитии этой категории сыграло учение В.В. Виноградова. Рассматривая модальность как понятийную категорию (точнее, как семантическую категорию, имеющую смешанный лексико-грамматический характер), он исследовал в её пределах как тип модальности, выражаемый синтетическими и аналитическими формами наклонений глагола, а также некоторыми другими средствами, так и модальность, заключённую в вещественном значении отдельного слова или в сочетании слов (мо-

дальные слова и частицы, типизированные словосочетания, состоящие из формы глагола с лексическим значением, близким к модальному, и формы инфинитива от другого глагола и т.п. При этом отмечалось, что модальность, выражаемая вводными синтагмами, представляет собой совершенно иной тип, чем модальность, заключённая в форму предиката, и что модальные оттенки, возникающие в предложении, благодаря включению в его состав этих синтагм "образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение" (Виноградов, 1975, 70).

Эта работа носила ярко выраженный методологический характер. В.В. Виноградов, наметив неисследованные области и дав пример скрупулёзного рассмотрения тех явлений языка, которые зачастую недифференцированно объединяли, пересмотрел заново весь инвентарь лингвистических средств выражения модальности.

Однако, взгляды В.В. Виноградова на модальность разделяются далеко не всеми учёными, которые поднимают вопрос об уточнении и конкретизации данного понятия, о значительном сужении его объёма. Многие лингвисты в своих работах пытались установить чёткие границы этой категории. Но в лингвистике до сих пор нет общепринятой точки зрения по вопросам о соотношении модальных и функциональных типов предложения, модальности и предикативности, модальности и отрицания, модальности и эмоциональных /экспрессивных значений. Одна группа лингвистов признаёт общим признаком всех предложений категорию модальности, другая же - категорию предикативности, причём категория модальности входит в категорию предикативности (Панфилов, 1982; Шапиро, 1958; Ломтев, 1961; Ермолаева, 1963). В ряде работ наблюдаются также тенденции распространить понятие модальности и на те языковые явления, которые связаны с выражением авторской экспрессии, эмоционально-стилистических оттенков речи и т.п. В живом языке, действительно, тесно взаимодействуют, переплетаются оттенки модальные с экспрессивными и даже эмоциональными, и в этом в значительной мере определяется трудность изучения модальности.

Кроме исследователей в нашей стране, этой проблемой занимаются и многочисленные зарубежные лингвисты. Среди них можно назвать работы венгерских учёных И. Пете и Феер Денешне, некоторыми аспектами модальности занимается А. Век-

бица (см., например, её интересную статью "Метатекст в тексте" (Велбица, 1978). Свежую струю в изучении этой проблемы внесли чехословацкие слависты (С. Жажа, П. Адамец). Интерес к модальности, оживившийся в последние годы, особенно у чехословацких лингвистов в связи с работой над трансформационной грамматикой, отличается стремлением полнее охватить все языковые явления, которые с разных точек зрения могут трактоваться как модальные.

Очень стройную систему, в которую отчётливо вписываются все типы модальности, создала Г.А. Золотова. "Стратегия" изучения модальных значений у неё основывается на четком противопоставлении реального/ирреального отношения высказывания к действительности. Г.А. Золотова определяет модальность как категорию, выражающую:

- 1) отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего;
- 2) отношение говорящего к содержанию высказывания;
- 3) отношение субъекта действия к действию.

Такое разделение поможет ответить на вопрос есть ли в области модального свой объект изучения и тем самым отделить его от разнообразных выразительных, изобразительных и эмоционально-экспрессивных способов выражения субъективного отношения (Золотова, 1962).

"Пробным камнем" последовательности в разработке системы модальных отношений является вопрос о субъективной и объективной модальности. По мнению Г.В. Колшанского, неправомерно характеризовать модальность в плане отношения говорящего к содержанию своего высказывания. Такой аспект анализа предложения сразу заставляет предположить, что любое высказывание должно строиться как бы в два этажа, где в качестве одного этажа выступает мысль о чём-то, а в качестве второго этажа — мысль об этой мысли, или, другими словами, её модальная оценка. Подобное расслоение не может адекватно передавать высказываемую в предложении мысль, а наоборот, искажает её. (Колшанский, 1961). Ш. Балли также считал, что "в одном высказывании нет никакой дополнительной, модальной мысли, в силу чего и нельзя согласиться с определением модальности как некоей коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом (Балли, 1955, 44).

Более узкое понимание модальности, отграничивающее собственно модальные значения от значений, близким к модальным и взаимодействующих с ними, мы находим у В.З. Панфилова,

В.Н. Бондаренко (Бондаренко, 1979), М.К. Сабонеевой (Сабонеева, 1980), Г.А. Золотовой. Эти авторы бесспорно модальными признают два типа значений: объективную (онтологическую) и субъективную (персуазивную) модальность.

Более широкого понимания, к которому можно отнести работы В.В. Виноградова и В.Г. Адмони (Адмони, 1958), согласно которому модальными признаются весьма разнообразные языковые явления, придерживается и чешский исследователь Мирослав Грепл (Грепл, 1978). М. Грепл в комплексном понятии "модальность высказывания" выделяет три аспекта: модальность общую (основную), модальность волеятативную и модальность истинности (правдивости).

Особо следует сказать об отрицании. Ряд авторов связывает отрицание с субъективной оценкой содержания предложения - с модальной оценкой говорящим высказывания, а именно с характером выраженного в предложении отношения к действительности. Эта точка зрения восходит, вероятно, к В.В. Виноградову, наблюдается и в современных работах, например, в Грамматике - 80, где в круг субъективно-модальных значений включаются значения, относящиеся к сфере утверждения и отрицания, - т.е. отрицание рассматривается не как объективная категория, имеющая определённый онтологический аналог, а чисто субъективная, оценочная категория.

Расширение и уточнение понятия модальности шло за счёт перенесения в лингвистику некоторых логических концепций. При этом определение модальности многими авторами осуществлялось путём сопоставления её с предикативностью. По мнению В.В. Виноградова, функциональный диапазон модальности шире, чем у предикативности. Подобную точку зрения находим и у А.Б. Шапира, который, считая обязательным признаком не предикативность, а модальность предложения, подчёркивает, что модальность, - категория более широкая, чем предикативность (Шапиро, 1958). Т.П. Ломтев рассматривал предикативность, "как общее глобальное логическое свойство всякого высказывания, выраженного предложением" (Ломтев, 1961).

Довольно подробно разработана концепция модальности у Ш. Балли. Для него был характерен логический подход к анализу предложения, "но само понимание им логики, или, точнее, логических отношений, очень напоминает "естественную логику" Дж. Лакоффа" (Звегинцев, 1976). У Ш. Балли модальность становится посредником между мыслью и языком, т.е. той ролью, которую отводят предикативности при построении предложения.

Хотя вопрос о включении тех или иных категорий в модальную характеристику является довольно спорным, в целом можно сказать, что причины происхождения и дальнейшего развития грамматических значений, в том числе модальных, надо искать в самих свойствах мышления, которое с помощью языка отражает реальную действительность.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Апмони В.Г. Введение в синтаксис немецкого языка. - М., 1958.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М., 1955.
- Белошапкина В.А. Рецензия. - ВЯ, 1975, 3, с. 130-133.
- Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражения в языке. - ФН, 1979, 2, с. 56-61.
- Везбицка А. Метатекст в тексте. - В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 8. - М.: Прогресс, 1978, с. 402-421.
- Виноградов В.В. Избранные труды. Исследование по русской грамматике. - М.: Наука, 1975.
- Гальперин И.Г. Текст как объект лингвистического исследования. - М.: Наука, 1975.
- Грепл М. О сущности модальности. - В кн.: Языкознание в Чехословакии. - М., 1978, с. 276-301.
- Ермолаева Л.С. К вопросу о соотношении модальности и предикативности (на материале совр. герм. языков). - ФН, 1963, 4, с. 119.
- Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. - М.: Московский университет, 1976.
- Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке. - ФН, 1962, 4, с. 65-70.
- Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности. - ВЯ, 1961, 1.
- Ломтев Т.П. О совещании по методу синтаксиса. - Вестник МГУ, Филология, журналистика, 1961, 5, с. 61.
- Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. - М., 1945.
- Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. - М.: Наука, 1982.

Сабонеева М.К. О содержании понятия модальности. - В кн.:
Проблемы синтаксиса простого предложения. - Л.,
1980, с. 52-61.

Шапиро А.Б. Модальность и предикативность как признаки пред-
ложения в современном русском языке. - ФН, 1958, 4,
с. 20-26.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л.:
Наука, 1974.

ON DIFFERENTIATION AND VOLUME OF MODALITY

Natalia Prihodko

S u m m a r y

This work is an attempt to summon opinions of linguists that have made valuable contribution trying to untangle a complicated problem of modal relations and to specify conception, volume and content of modality and its place in grammar.

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ С СОБСТВЕННЫМИ ИМЕНАМИ

А.М. Складенко

Принято считать, что определённый артикль не может, или, по крайней мере, не должен употребляться с собственными именами. Между тем, как хорошо известно, в любом артиклевом языке имеется немало собственных имён, обычно сопровождаемых артиклем. В настоящей статье делается попытка рассмотреть ряд таких случаев.

Безусловно, артикль — явление весьма сложное. Его значения разнообразны и порой противоречивы. Но среди множества значений выделяется одно, главное, выражающее сущность артикля. Доминирующим значением, основной функцией артикля мы считаем выражение индивидуализации. Это значение является ядром артиклевой семантики, исторической основой, над которой надстроены многочисленные дополнительные значения. Оно свойственно как определённому артиклю (в этом случае речь идёт об определённой индивидуализации), так и неопределённому артиклю (выполняющему функцию неопределённой индивидуализации). Общеартиклевое значение индивидуализации объясняет случаи безболезненной замены определённого артикля неопределённым в одних и тех же языковых контекстах.

Определённый артикль стремится превратиться в универсальное средство выражения определённой индивидуализации, что четко прослеживается при рассмотрении его эволюции, постепенного вовлечения в сферу артиклевого употребления различных лексических групп имен существительных. Постепенно усложняется само понятие определённой индивидуализации, в которой можно выделить четыре степени.

Артикль, стоящий при повторно употребляемом существительном, маркирует определённую индивидуализацию первой степени. Предметы (или лица) ранее непосредственно не упоминавшиеся, но выделенные (индивидуализированные) предшествующим контекстом, также сопровождаются определённым артиклем, ср. нем.: *ich habe ein interessantes Buch gelesen. Der Autor ist sehr populär.* Здесь речь идёт об индивидуализации второй степени. Если индивидуализация связана не с узким контекстом, а обусловлена широким кругом ассоциаций, тогда мы имеем определённую индивидуализацию третьей степени, ср. *die Re-*

gierung, der Präsident. Четвёртая степень индивидуализации, появляющаяся позже других - это постоянная, внеконтекстовая индивидуализация, обусловленная семантикой самих существительных, ср. артиклевые Nomina uncta.

Факт вступления определённого артикля в область ономастики свидетельствует о его формализации, о новом этапе на пути превращения артикля в универсальное средство выражения индивидуализации. Артикль превращается из индивидуализирующего элемента в знак индивидуализации. Многие дополнительные артиклевые функции, свойственные ему в доономастическом употреблении, здесь исчезают.

Собственные имена (онимы) не однородны. Они отличаются друг от друга своим происхождением, эволюцией, структурно - словообразовательной спецификой, принадлежностью к определённой ономастической группе. Выделяют антропонимы, ойконимы, гидронимы, другие группы собственных имён. Важным дифференцирующим фактором онимов является различная "степень ономатизации" (А.М. Скляренко, 1979, с. 59), что влияет на употребляемость артикля и его функции. Минимальной степенью ономатизации обладают переходные образования, находящиеся на грани между нарицательными именами (апеллятивами) и собственными. Таковы "функциональные собственные имена" - обычные нарицательные, но при определённых условиях выступающие в качестве собственных имен. Когда немецкий крестьянин говорит: "Morgen fahre ich in die Stadt" и имеет в виду только один из всех близлежащих городов, а именно самый важный, самый крупный - Лейпциг, слово die Stadt выступает как функциональное собственное имя. Артикль, употребляемый в подобных случаях, индивидуализирует сопровождаемое им слово и одновременно выполняет функцию эминентного обособления. Эминентный артикль, выполняющий функцию абсолютной индивидуализации, употребляется также тогда, когда из класса однородных объектов выделяется один объект, воплощающий в себе самые характерные, самые важные черты всего класса. Когда англичане говорят the Writer и речь идет не о писателе, ранее упоминавшемся в разговоре, а о писателе с большой буквы, высшем воплощении писателя, о Шекспире, тогда имеет место абсолютная индивидуализация, эминентное выделение. Слово the Writer не превратилось в подлинное собственное имя только потому, что называемое им лицо уже имело собственное имя. В ряде случаев функциональные собственные имена превращаются в подлинные онимы, нередко сохраняя при этом эминентный артикль,

ср. англ.: the city > the City; the channel > the Channel; the tower > the Tower; франц.: le havre > ("маленький порт") Le Havre.

К переходным образованиям, также имеющим минимальную степень ономатизации, относятся микротопонимы, которые В.А. Никонов назвал "эмбрионами названий" (В.А. Никонов, 1967, с. 7). Многие из них по форме не отличаются от исходных нарицательных и только контекст помогает определить, идёт ли речь об апеллятиве, либо о микротопониме. Важную роль в ономатизации исходных апеллятивов играет артикль. Постоянное артиклевое сопровождение подчеркивает новый статус микротопонимов как разновидности собственных имён в отличие от их апеллятивных коррелятов, имеющих артикль только в определенных ситуациях. При этом артикль выполняет функцию топонимической актуализации⁺. Но функции артикля этим не ограничиваются. Употребление артикля перед микротопонимами противопоставлено его преимущественному отсутствию перед такими группами топонимов, как, например, названия городов, селений, перед антропонимами (личными именами, фамилиями). Артикль превращается в показатель принадлежности слова именно к микротопонимии, что отчетливо видно в случаях перехода слов из других ономастических групп в микротопонимы. Ойконимы, антропонимы, ранее безартиклевые, превратившись в микротопонимы, получают артиклевую форму.

Аналогичные процессы свойственны также низшим слоям антропонимии, прежде всего прозвищам, обладающим минимальной степенью ономатизации и тесно связанным с исходными апеллятивами. Постоянно употребляясь с артиклем, прозвища тем самым обособляются от нарицательных и начинают относиться к антропонимии не только функционально, но и формально. Артикль в этом случае выступает как антропонимический актуализатор. Безартиклевые антропонимы более высокого порядка (фамильные имена, личные имена), низводимые до положения прозвищ, приобретают артикль как маркер принадлежности сопровождаемого им слова к этой антропонимической группе, ср. прозвища в немецком языке: der Napoleon, der Willem < wilhelm; ср. также der Bierschmidt < Schmidt; der Lügenbreuer < Breuer;

⁺ Под термином "топонимическая актуализация" мы понимаем предельное сужение общепонятного слова (номенклатурного термина) до максимальной индивидуализации и конкретизации, когда нарицательное существительное превращается в собственное географическое имя.

der Dreckphilipp < Philipp (A. Bach, 1943, S. 133). Собственные имена определены и индивидуализированы по самой своей природе и поэтому артикль, превратившийся в ономастике в формальный знак индивидуализации, должен, казалось бы, обязательно сопровождать каждый оним. Природа собственных имён в разных языках одинакова и, значит, должно быть значительное сходство в плане артиклевого употребления. В действительности наблюдается весьма пестрая картина. В некоторых языках, как, например, в современном греческом, артикль свободно сочетается с собственными именами, будь это топоним, фамилия или личное имя. Во французском языке подавляющая часть онимов (за исключением названий населённых пунктов, антропонимов и некоторых других ономастических групп), как правило, сопровождаются формальным знаком индивидуализации. В немецком, а тем более в английском языках наряду с ономастическими группами, в которых артикль является постоянным сопроводителем собственных имён, имеются группы, где артикль употребляется факультативно, либо выступает как явление спорадическое, единичное. Некоторые группы собственных имён (прежде всего названия городов и собственные имена личные) имеют преимущественно безартиклевую форму.

Из этого следует, что поведение артикля в ономастике обусловлено действием различных сил, способствующих либо препятствующих его употреблению с собственными именами. Особенно важным является взаимоотношение двух систем — артиклевой и ономастической. Артиклевая система стремится к расширению области своего употребления в сфере собственных имён, чему противодействует ономастическая система.

Собственные имена в своей массе возникли из нарицательных имён и имеют тенденцию к максимальному обособлению от них на всех уровнях: фонетическом, структурно-словообразовательном, синтаксическом и лексико-семантическом. Артикль возник и долгое время эволюционировал главным образом в пределах апеллятивной лексики и по традиции воспринимается прежде всего как показатель нарицательности сопровождаемого слова. Ономастическая система с её дивергентными тенденциями стремится поэтому всячески препятствовать проникновению артикля в область собственных имен. В тех языках, где артиклевая система слабо развита в структурном отношении, где её функции малочисленны и она не в состоянии оказывать мощное давление на ономастическую систему, наблюдается значительное преобладание безартиклевых онимов. Примечательно, что даже

разноструктурные языки проявляют определённый типологический изоморфизм в употреблении артикля с собственными именами, если их артиклевые системы характеризуются сходством. Сопоставим артиклевые системы таких далекоудалённых языков как английский и венгерский. В обоих языках артиклевая система представлена одним определённым артиклем (в английском - the, в венгерском - a, перед гласной - az) и одним неопределённым артиклем, употребляющимся только в единственном числе (в английском языке - a, перед гласной - an, в венгерском - egy). Как отмечает Ю. Крамски (J. Krámský, 1972, p. 83) в венгерском языке артикль используется приблизительно таким же образом как в английском. Артиклевая система немецкого языка включает 6 форм определённого артикля (составляющего парадигмы из 16 членов) и 6 форм неопределённого артикля (составляющего парадигмы из 12 членов) и выполняет ряд грамматических функций (указывает на род, число, падеж), не свойственных артиклевой системе английского языка. Давление артиклевой системы немецкого языка на ономастическую систему сильнее, чем в английском языке и, соответственно, численность артиклевых ономастических групп также больше. Система артиклей во французском языке включает неизвестные английскому и немецкому языкам партитивный артикль и неопределённый артикль множественного числа, что увеличивает число артиклевых противопоставлений и укрепляет систему в целом. Можно поэтому ожидать (и это подтверждается многочисленными фактами), что определённый артикль во французском языке будет активнее функционировать в сфере собственных имён, чем в английском и немецком языках и относительный объём артиклевых онимов в нём будет больше.

Взаимоотношение артиклевой и ономастической систем не является неизменным. Оно меняется от одного синхронического среза к другому, на него накладываются различные иные силы, как лингвистического, так и внеязыкового характера, порой оказывающие решающее значение на употребление артикля с собственными именами. Фамильные имена в немецком письменном языке окончательно приобрели безартиклевую форму в определённой степени благодаря влиянию латинского языка, хотя, например, в Вене артиклевые фамилии успешно конкурировали с безартиклевыми вплоть до XVI века (A. Vach, 1943, S. 58). Во французском языке, начиная с XIII века быстро эволюционировавший артикль распространился на многие группы существительных, в

том числе и на собственные личные имена. Но в XVI веке это применение было осуждено как вульгарное и сохранилось только на юге страны: *le Paul*. В XVIII веке под влиянием итальянского языка артикль снова был введен в употребление перед именами известных актрис, певиц и танцовщиц: *la Camargo*, *la Patti* (А. Доза, 1956, с. 324). В современном французском языке определенный артикль свободно сочетается с женскими именами, образованными от имени мужа без каких-либо дополнительных коннотаций, в то же время употребление артикля с мужскими именами выражает пренебрежение, что, естественно, отражается на его употребляемости.

В ряде случаев употребление артикля с собственными именами связано с их словообразовательной структурой. Французские топонимы, оканчивающиеся на *-ière*, *-erie*, *-ie*, *-io*, *-ié* часто имеют членную форму: *la Bertinière*, *la Bretonnière*, *la Bernardie*, *la Girardie*, *la Martinie*, *la Grimaudio*, *la Baillio*, *la Barabié* (E. Nègre, 1963, p. 185). Топонимы, образованные от одних и тех же основ, но с разными финалями, ведут себя по-разному по отношению к артиклю, ср.: *la Bernardière* и *Bernaville* имеющие этимологическое личное имя *Birnhard*; *la Foucaudière*, *la Foucaudrie* и *Foucaucourt*, восходящие к личному имени *Folcald*, *la Robertie*, *Robertcourt* восходящие к имени *Robert* (H. Gröbler, 1933, с. 303, 315, 329). В макротопонимии немецкого языка названия стран, крупных административно-территориальных единиц, как правило, употребляются без артикля. Но макротопонимы, заканчивающиеся на *-ei*, *-ie*, *-au* имеют членную форму: *die Tschechoslowakei*, *die Mongolei*, *die Türkei*, *die Normandie*, *die Moldau*. Иногда на употребление артикля с ними накладываются достаточно жесткие синтаксические ограничения. Французские и итальянские макротопонимы, обычно сопровождающиеся артиклем, в ряде случаев теряют его, сочетаясь с некоторыми предлогами, ср. франц.: *l'Afrique*, но *en Afrique*; *la France* но *en France*, *de France*; итал.: *l'Italia*, но *in Italia*, *la Francia*, но *di Francia*. Употребление либо неупотребление здесь артикля обусловлено сложным взаимодействием артиклевой системы, предлогов и рода соответствующего собственного имени (О.И. Богомолова, 1938, с. 336). Подобных факторов, влияющих на употребляемость артикля с собственными именами, много в любом артиклевом языке. Внося "коррективы" в устанавливаемое взаимоотношение между артиклевой и ономастической системами, они затрудняют установление общих закономерностей, которые

принимает характер неустойчивых тенденций. Отсюда — так много исключений из правил.

Типологически изоморфным является употребление артикля перед собственными именами, расширенными определениями. Даже обычно безартиклевые онимы (антропонимы, названия городов и др.) в таких случаях приобретают артиклевую форму, ср. нем.: *der kleine Karl*, англ.: *the little Mary*, франц.: *le grand Paris*. Это интересное явление также объясняется взаимодействием артиклевой и ономастической систем. В результате добавления определения к собственному имени понятие об именуемом объекте как бы "плюрализируется", расцепляясь на потенциально бесконечное множество более конкретных понятий, каждое из которых не вполне идентично всем остальным. Вновь образованные атрибутивные синтагмы становятся как бы новыми собственными именами, по-разному называющими каждый соответствующий "расцепленный" объект. У возникающих таким образом временных именных конструкциях уменьшается степень ономатизации и они слабее противодействуют давлению ономастической системы. Иногда образования данной структуры из временной именной конструкции превращаются в постоянную. В таких случаях определение становится составной частью собственного имени, противодействующие артиклю ономастические тенденции усиливаются и артикль опускается. При этом могут происходить и иные языковые трансформации, ср.: нем.: *der schwarze Friedrich* > *Friedrich Schwarz*.

Иной вид плюрализации характерен для антропонимов типа англ.: *the Smiths*, нем.: *die Müllers*, называющих совокупности лиц, носящих одну и ту же фамилию (членов одной семьи, однофамильцев). В данных случаях нельзя говорить о "деономатизации" — переходе собственных имён в разряд апеллятивов. Они продолжают оставаться в рамках собственных имён. Их ономастический статус в ряде случаев подчеркивается формально. Во французском языке плюральные антропонимы не получают окончания множественного числа, что было бы обязательным, будь они "деономатизированными апеллятивами", ср. *les Grandet*. В немецком языке плюральные антропонимы получают особую форму, отличную от соответствующих апеллятивов во множественном числе, ср. исходные нарицательные и соответствующие антропонимы в единственном и множественном числе: *der Bock*, *die Bocke*; *Bock*, *die Bocks*; *der Schuster*, *die Schuster*; *Schuster*, *die Schusters*. Но степень ономатизации у плюральных антропонимов ослаблена, ибо они противоречат од-

ному из основных требований ономастики - уникализации, единственности, неповторимости онимов и, как следствие, плюральные антропонимы сопровождаются определенным артиклем.

Различные виды онимов не только по-разному реагируют на давление артиклевой системы, но и сами по-разному воздействуют на определённый артикль, что проявляется, в частности, в неодинаковой мере их сближения. В первичных ономастических группах артикль обладает значительной автономностью. По мере увеличения степени ономатизации собственных имён употребляемый с ними определённый артикль всё более формализуется и лексикализуется, всё теснее сближается с именами. Употребление артикля перед названиями рек в тексте становится обязательной нормой, но на картах, в топонимических словарях названия рек даются без артикля. Бóльшая степень лексикализации артикля, его сближения с собственным именем наблюдается в ойконимии. Иногда артикль полностью абсорбируется собственным именем, ср. французские названия населённых пунктов: *Lescale*, *Lacourt*, *Labastide*. Артикль сохраняется здесь не только в текстах, но и в ойконимах, взятых изолированно. Следует отметить, что во многих ойконимах артикль ещё не достиг максимальной лексикализации, он продолжает восприниматься как таковой, что проявляется в возможности дистантного положения артикля, ср. англ.: *the beautiful Hague*, итал.: *la stesza Aja*, *la piccola Spezia*; ср. случаи слияния артикля с предлогом, франц.: *aller au Havre*, *au Caire*, итал.: *al Cairo*, *del Cairo*; немецк.: *im Haag*. При передаче названия города на другой язык определённый артикль соответственно меняется. Максимальная степень лексикализации, полное слияние артикля с собственным именем наблюдается в фамильных именах, ср. франц.: *La Fontaine*, *Leroi*; итал.: *La Maestra*, *Loveschio*. Артикль здесь полностью поглощается собственным именем, становится его составной частью.

Таким образом, артикль проходит в ономастической сфере лексики длительный и сложный путь, исследование которого ещё далеко от завершенности.

ЛИТЕРАТУРА

- Вогомолова О.И. Современный французский язык. М., 1938.
- Дога А. История французского языка. М., 1956.
- Никонов В.А. Научное значение микротопонимии. - В кн.: Микротопонимия. М., 1967.
- Скляренко А.М. "Степень ономатизации" топонимов разных типов. - В кн.: Восточно-славянская ономастика. Исследования и материалы. М., 1979.
- Bach A. Die Deutschen Personennamen. Berlin, 1943.
- Gröhler H. Über Ursprung und Bedeutung der Französischen Ortsnamen. II. Teil. Heidelberg, 1933.
- Krámský J. The Article and the Concept of Definiteness in Languages. The Hague; Paris, 1972.
- Nègre E. Les noms de lieux en France. Paris, 1963.

ZUM GEBRAUCH DES BESTIMMTEN ARTIKELS VOR DEN EIGENNAMEN

Alexej Skljarenko
Zusammenfassung

Der bestimmte Artikel erfüllt eine Reihe der Funktionen, die individualisierende Funktion ist aber seine Hauptfunktion. Im Bereich der Gattungslexik sind 4 Stufen der Individualisierung hervorzuheben. Beim Übergang in den Bereich der Onomastik wird der Artikel aus dem Individualisierungselement zum Zeichen der Individualisierung. Es entstehen dabei neue Funktionen, und zwar die Funktionen der eminenten Absonderung, der onomastischen Aktualisierung u.a. Der Gebrauch des Artikels mit den Eigennamen ist durch die Wirkung verschiedener Kräfte und vor allem durch die Zusammenwirkung der Artikel- und Onomastiksysteme bedingt. Die Zusammenwirkung dieser Systeme ist nicht gleichartig in verschiedenen Sprachen und in einer und derselben Sprache in verschiedenen Zeitspannen. Der relative Umfang der Artikel-eigennamen bleibt deswegen nicht unveränderlich.

ЗАЙМСТВОВАНИЕ КАК "СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ СИСТЕМ"

Л.Н. Сорокина

Одной из проблем грамматологии, науки, изучающей особенности письменной формы языка, считается проблема "способов образования графических систем", которая до настоящего времени "недостаточно изучена теоретически (Рождественский Ю.В., 1975, с. 121), по заключению Ю.В. Рождественского, или "способов создания систем письменности", как называет ее Т.А. Амирова (Амирова Т.А., 1977, с. 56). Оба ученые называют четыре способа.⁺

Первый способ - "простое заимствование (здесь и далее подчеркнуто нами - Л.С.) графики с новой фонетической интерпретацией некоторых графем и введением по мере необходимости диакритических знаков. Такой путь характерен для многих письменностей, созданных на базе латинского алфавита" (Рождественский Ю.В., 1975, с. 121).

Если быть внимательным к содержанию данной цитаты, то можно увидеть, что "простое заимствование" сопровождается другим, вполне самостоятельным, способом создания системы письма, который является творческой доработкой заимствованного и касается двух аспектов заимствованных единиц: их функций, в результате появляется "новая фонетическая интерпретация", и их внешнего вида, или графем, в результате чего возникают диакритические знаки. Будучи примененными к заимствованным буквам, они дают новую фигуру - диакритизованную букву.

Второй способ - "исходный алфавит (т.е. заимствованный - Л.С.) частично изменяется, по мере надобности могут быть добавлены новые буквы и исключены те или иные буквы исходного алфавита. Этот путь характерен, например, для церковнославянского, бирманского, тайского и многих других языков" (там же). Добавим, в европейских системах этот "способ" прослеживается в испанском, скандинавских и алфавитах,

⁺ Поскольку это одни и те же способы, определенно почти дословно обоими авторами, но несколько более подробно Ю.В. Рождественским, то именно по этой причине здесь приводятся цитаты из его работы.

созданных на заимствований (исходной) русской основе. При этом не исключается и одновременное использование "первого способа".

Во втором способе, по нашему мнению, также прослеживается и заимствование "исходного алфавита", и его творческая доработка.

Если в первом случае имеет место изменение некоторых аспектов заимствованного, то в данном случае возможно выделение двух новых механизмов творческой доработки заимствованного, а именно, "добавление" новых и "исключение" букв исходного алфавита по "мере надобности".

Третий способ - "изобретение принципиально новых букв для нового алфавита. При этом невозможно прямо указать на источник заимствования. Заимствуется сам принцип буквенного обозначения письма. В таком случае источником может явиться и не одна письменность (т.е. система письма - Л.С.), а многие. Примером такого рода могут служить армянский и грузинский алфавиты". (там же).

Таким образом, и третий способ представляет собой не что иное, как сочетание заимствования с творческой доработкой, которая не касалась только принципа именования единицы звуковой системы единицей алфавита. Все остальные его элементы явились результатом творчества. Существенным моментом в приведенной цитате, как представляется, следует считать то, что при заимствовании "источником может явиться и не одна письменность". Истории развития алфавитов известны случаи заимствования из разных алфавитов. Так, например, среди 43 букв старославянского алфавита 24 были заимствованы из византийского устава греческой системы письма, а 19 - или были изобретены, или заимствованы из алфавитов других систем, например, из еврейского алфавита были заимствованы не менее трех букв: "цъ", "червь" и "ша" (Истрин З.А., 1963). Однако при этом была усовершенствована графика этих букв в соответствии с графическим стилем кириллицы, т.е. имела место творческая доработка графики этих заимствованных элементов.

Отсюда - правомерность постановки вопроса о возможных ситуациях заимствования, определяемых в зависимости от числа языков-источников заимствования (Сорокина Л.Н., 1979), ситуациях, характерных для письменной формы языка.

Четвертый способ - "особое видоизменение", при котором "происходит как бы не заимствование формы языка, а принци-

альная смена его содержания. Примером могут служить разновидности слоговой азбуки японского языка - катакана и хирагана, созданные по образцу иероглифов, но записывающие не слова и морфемы, а слоги¹ (там же).

Из определения, данного Ю.В. Рождественским, следует, что четвертый способ также представляет собой сочетание заимствования (графики иероглифа) с творческой доработкой, которая коснулась функционального аспекта, поскольку иероглиф стал применяться для именовании иной единицы языка - слога. Создатели японских азбук, таким образом, понимали (или ощущали) немотивированность соотносительности китайского иероглифа с единицей языка, которую он представлял в системе письма. Более того они видели принципиальную возможность использования заимствованных знаков для именовании единиц другого уровня, а также видели возможность закрепить за ними иной характер соотносительности с единицей языка. Отметим попутно, что китайское письмо характеризуется следующим видом соотносительности его знаков с единицами звуковой формы языка: иероглиф-значение-звучащее слово (морфема), а японское письмо: иероглиф-слог (т.е. его звуковое значение) - смысл (значение).

Следовательно, заимствование коснулось только графики знака. Творческий момент создателей катаканы и хираганы проявляется в определении принципиально нового способа письма - слогового на базе иероглифа (Гиляревский Р.С., 1961; Грот Я.К., 1876; Сыромятников Н.А., 1983). Отметим, при этом, что слоговое письмо было известно (или могло быть известным) создателям этих азбук, но на базе иной графики, а именно, санскрита (Сыромятников Н.А., 1983).

Рассмотрев названные выше 4 способа образования графических систем, т.е. письма, мы приходим к выводу, что каждому из них свойственны и заимствование, и творческая доработка, которые мы и предлагаем считать с п о с о б а м и их создания.

Различаются описанные выше случаи:

- элементами заимствования, как-то, графика, функция, число заимствуемых единиц и т.д.;
- ситуациями заимствования, а именно, из одного источника или более;
- механизмами заимствования (изменение, добавление, исключение одного из компонентов заимствуемого знака, а также его полное заимствование;

- результатами заимствования, которые являются предметом творческой доработки заимствуемого в соответствии с конкретными целями, возможностями и спецификой заимствующего языка (Сорокина Л.Н., 1979).

Таким образом, представляется целесообразным говорить не о 4-х, а о двух способах создания известных графических систем: заимствованиями и творческой доработке заимствованного.

В этой связи само явление заимствования приобретает грамматологическую значимость и как проблема может служить предметом дополнительного рассмотрения.

О двух способах, или основных принципах составления алфавита Кириллом и Мефодием, писал Н.Н. Дурново, называя их как "перенос" в славянскую азбуку всех греческих знаков, бывших, хотя бы до некоторой степени общими для обоих языков, и как "изобретение" новых знаков для звуков, свойственных только славянскому языку (Дурново Н.Н., 1929, с. 67-68). Исследование имеющихся конкретных материалов подтверждает существование только двух способов, названных выше.

В истории звукобуквенного письма на латинской основе в Европе, по имеющимся на сегодня данным, не было ни одной системы, которая бы возникла без заимствования элементов из предшествующих или существующих систем письма. Распространение звукобуквенного письма было стремительным благодаря заимствованию, а не изобретению нового алфавита для каждого бесписьменного языка. Это, среди прочих причин, объяснялось сравнительной простотой и удобством вокализированно-консонантного письма, что позволяло применять его к любым языкам (в отличие, например, от логографического или слогового).

Практика создания новых систем на русской основе доказала, что заимствование значительно ускоряет процесс создания и развития каждой конкретной системы письма. В этом можно убедиться на известных примерах становления систем письма и письменностей (т.е. литературы в широком понимании) у неподписменных народов СССР, длившегося всего два десятилетия, когда нередко осуществлялся переход от пиктографии непосредственно к звукобуквенному письму (Исаев М.И., 1979; Истрин В.А., 1961, 1963).

Большая роль заимствования в истории звукобуквенного письма может быть объяснена не только сравнительной простотой и легкостью соотнесения его основных единиц - букв - с элементарными единицами звуковой системы языка звуками/фонемами, т.е. его собственно лингвистическими признаками.

Немаловажное значение в его широком распространении имели определенные социальные факторы, достаточно подробно описанные М. Козном, В.А. Истриным (Кози М., 1963; Истрин В.А., 1961).

Существенным фактором считается также распространение грамотности, обучение которой возникло с появлением письма и приобрело затем организованную форму школьного обучения, сохраняющуюся и передающуюся из поколения в поколение (Рождественский Ю.В., 1979).

При признании всех алфавитных систем звукобуквенного консонантно-вокалического письма заимствованными, следует, тем не менее, отметить их большую или меньшую степень самостоятельности по отношению друг к другу. Она, в свою очередь, может быть определена в результате установления степени соотносительности единиц алфавита, созданного на заимствованной основе, с единицами звуковой системы конкретного языка, с одной стороны, а, с другой, соотносительности сферы номинации в языке - источнике заимствования со сферой номинации (т.е. количественным составом единиц звуковой системы) в языке, заимствующем алфавит.

По материалам развития систем письма мы выделяем две группы проблем, которые могли бы характеризовать явление заимствования в графической (письменной) форме языка.

Первая объединяет проблемы, касающиеся того, что можно заимствовать при создании новой системы алфавита, как основы письма, т.е. форму графического знака, его структуру, имя, функцию, место в системе и что можно в определенной степени изменить для лучшего отражения в создаваемой системе письма звуковой специфики заимствующего языка.

Таким образом, заимствование и изменение некоторых компонентов заимствуемого представляет собой использование имеющегося в других языках опыта создания систем письма, сочетающегося с творческим началом в приспособлении заимствуемого к конкретным условиям.

Вторая группа проблем касается того, как, каким способом, с помощью каких механизмов осуществляется заимствование и какую роль при этом играет творческий момент.

Ограничившись лишь перечислением того, что можно заимствовать в графическом знаке, данным выше, и отметив, что из состава алфавита может заимствоваться как отдельный элемент, так и их полный или неполный набор, остановимся подробнее на рассмотрении механизмов заимствования. Предвари-

тельно, однако, рассмотрим вопрос о некоторых причинах, способствовавших их возникновению.

Некоторые лингвистические основания возникновения механизмов заимствования. Основное назначение алфавитов, как известно, заключается в именовании его фигурами единиц звукового языка фонетического⁺ или фонологического уровней. Отмеченность последних в современных алфавитах не исчерпывает числа единиц звуковой системы. Это говорит о том, что фонетические и фонематические системы разных языков (сферы номинации) не совпадают по количеству и качеству фактически составляющих их единиц.

Любой, первоначально созданный алфавит, явившийся впоследствии источником заимствования, несмотря на то, что он мог быть в достаточной мере удовлетворительным для исходной системы, может оказаться недостаточно удовлетворительным для именовании единиц звуковой системы заимствующего языка. Причина — несовпадение сфер номинации.

Тот факт, что, например, греческий алфавит, как впоследствии латинский и кириллический, не были заимствованы полностью при создании на их основе новых систем (т.е. с полным сохранением числа букв, их функций, графики, мест, названий), а если и был, то оказался недостаточным), объясняется в первую очередь тем, что сферы номинации звуков единицами исходного алфавита в языке-источнике заимствования не совпадали со сферой номинации в каждой системе, которая заимствовала тот или другой алфавит в качестве основы.

Гипотетически, как представляется, возможны следующие варианты соотношения сферы номинации в языке-источнике заимствования алфавита и сферы номинации заимствующего языка: — число звуков в сфере номинации заимствуемого алфавита равно числу звуков в сфере номинации языка, для которого надо создать алфавит, и если набор, т.е. номенклатура и число звуков те же самые, то заимствование может быть полным. Этот случай обозначим (=) и будем считать его идеальным. Если

⁺ Мы сознательно подчеркиваем фонетический уровень, поскольку в ряде систем письма в алфавитах содержатся буквы, обозначающие, т.е. именующие, звукосочетания. Ср., например, букву "х", именующую устойчивое звукосочетание (кх) в английском, французском алфавитах, или "и", именующую звукосочетание (j u :) в английском алфавите.

состав звуков в звуковой системе заимствующего языка при их равном числе в определенной степени отличен качественно, то возможно альтернативное использование алфавита-оригинала: он может заимствоваться полностью в аспекте графики и при этом изменяются, т.е. (- +), функции у тех букв, которые нет соответствий в сфере номинации заимствующего языка. Такие буквы могут быть приспособлены для именованя звуков заимствующего языка, которые свойственны только ему. Место таких букв в алфавите может меняться или сохраняться, но звуковые значения, или их функции номинации, при этом всегда изменяются. Данный случай заимствования обозначим (= - +).

Альтернативный вариант: из алфавита-оригинала исключаются буквы, не имеющие звуковых соответствий в сфере номинации заимствующего языка, и изобретаются или заимствуются из иной графической системы и вводятся новые буквы для непоименованных звуков: за новыми буквами закрепляются имена, места в алфавите, функции, т.е. указание на определенное звуковое значение и т.д. (также: = - +).

- число звуков в сфере заимствуемого алфавита больше числа звуков в сфере номинации создаваемого алфавита. Возможны несколько вариантов:

- исключение лишних букв, поскольку в алфавите-оригинале их более, чем требуется, а оставшиеся могут именовать все единицы звуковой системы заимствующего языка. Это - идеальный случай неполного заимствования обозначим (= -).

Если в сфере номинации создаваемого алфавита имеются звуки, которые не могут быть поименованы средствами алфавита-оригинала, то возможны следующие варианты его доработки:

- исключение тех букв из заимствуемого алфавита, которые имеют звуки, отсутствующие в сфере номинации заимствующего языка, и изобретение или заимствование из другого источника новых букв для звуков, оставшихся непоименованными;

- исключение лишних по числу букв, а также творческая доработка, или изменение функции (при той же графике) у некоторых букв алфавита-оригинала, т.е. приспособление их для именованя звуков, характерных для сферы номинации заимствующей системы;

- число звуков в сфере номинации заимствуемого алфавита меньше числа звуков в сфере номинации создаваемой системы письма.

Возможны альтернативные варианты:

- заимствование части алфавитного состава для именованя зву-

ков, общих для двух систем; исключение тех знаков, которым нет соответствий и изобретение или заимствование из другого источника нужных знаков. Процесс заимствования в данном случае сопровождается творческой доработкой в плане введения новых знаков. Данный вариант заимствования обозначим (= - +).

Если предпочитается не "изобретение", а добавочное заимствование из другого источника, то оно, в свою очередь, может быть полным, если знаки именуют идентичные звуки и соответствуют стилю графии, или неполным, если они являются референтами иных звуков. В этом случае творческая доработка касается изменения функции и места их в алфавите. Данный вариант, как и подобный, описанный выше, схематически можно обозначить (= - +). Мы снова наблюдаем те же варианты решения: или изобретение новых букв, или заимствование из другого/других источников, как, например, при создании славянских алфавитов.

Как показывает анализ имеющихся материалов, идеальный вариант соотношения сферы номинации языка, которому принадлежит алфавит-оригинал, I : I, не был зафиксирован ни разу. Механизмы заимствования при заимствовании отдельных элементов алфавита. Прослеженные нами четыре механизма заимствования, которые обнаруживаются при анализе способов создания алфавитов для новых систем письма, оказываются действенными и при заимствовании отдельного знака алфавита, т.е. буквы, и компонентов буквы, и графических слов (Сорокина Л.Н., 1979).

Так, букву можно заимствовать:

- полностью, т.е. сохранив ее форму (графию), функцию, т.е. именование такого же или аналогичного звука, а также имя и место в алфавитной системе, (=);
- полностью с добавлением определенного графического компонента, например, диакритика, (= +);
- букву можно заимствовать частично, т.е. сохранять не все компоненты заимствуемого знака, например, "а" в английском алфавите при той же форме и структуре имеет иное имя и сохраняет то же место, что и ее место в латинском алфавите, (= - +);
- букву можно не заимствовать, (-).

Схематизированное, или формализованное, обозначение вариантов заимствования позволяет проследить не только разные механизмы самого процесса, но и элементы творчества. Так, в случае полного заимствования с добавлением именно оно и характеризует творческий момент, (+), а в случае частичного

заимствования с изменением некоторого аспекта в заимствуемой букве творчество приобретает иной вид (- +).

В заключение отметим, что заимствование, как "способ образования графических систем", можно представить как процесс, протекающий в двух вариантах, а именно: полное заимствование и неполное заимствование.

Полное заимствование, в свою очередь, протекает в двух вариантах в зависимости от наличия или отсутствия творческого начала:

- заимствование графии (формы), функций, именованя, порядка следования, числа букв и их имен в алфавите-оригинале без доработки, ; - (=);

- то же с добавлением, (+), новых букв, а, следовательно, новых названий и новых мест в алфавите, который создается заново для именованя единиц заимствующей системы, непонимованных буквами алфавита-оригинала. Данный вариант полного заимствования, сопровождаемый введением новых элементов в алфавит, создаваемый на заимствуемой основе, может выражать следующая формула: (= +).

Неполное заимствование протекает в большем числе вариантов:

- неполное заимствование числа букв из алфавита-источника заимствования, что приводит к изменению их мест и числа при сохранении графии, функций и именованя заимствованных букв. В данном варианте просматривается действие трех механизмов: в отношении мест действует механизм, приводящий к изменению номеров мест у букв в новом алфавите. Обозначим его: (= - +). В отношении остальных компонентов (кроме числа букв) действует механизм полного заимствования, (=), а в отношении числа букв просматривается действие механизма изъятия, (= -).

Данный вариант неполного заимствования не сопровождается одновременным дополнением заимствованной части алфавита-оригинала новыми буквами, т.е. существенной творческой доработкой.

Неполное заимствование может сопровождаться существенной доработкой, которая может касаться какого-либо одного из аспектов алфавита (изменение числа, мест, имен, функции, графии букв) или некоторого набора этих элементов.

Число комбинаций неполного заимствования в силу этого резко возрастает. Однако все варианты неполного заимствования, сопровождающегося доработкой, могут быть выражены фор-

мулой (= - +).

Таким образом, в создании графических систем на звуко-буквенной основе прослеживаются два способа: заимствование существовавшей системы письма, преимущественно алфавита, а иногда, как это было с латинским письмом, и заимствование элементов орфографии. Второй способ сопутствующий первому, - творческая доработка заимствованного, которая может касаться любых элементов алфавита.

Заимствование может осуществляться в двух вариантах: полном и неполном. Первое протекает в результате действия двух механизмов: (=) и (= +). Неполное заимствование реализуется благодаря действию двух других механизмов: (= -) и (= - +).

Если обозначить механизмы, с помощью которых осуществляется полное заимствование цифрами I и II, а неполного - цифрами III и IV, то можно заметить, что только заимствование с помощью (или по модели) механизма I не требует творческой доработки, а механизмы II, III, IV не существовали бы, если бы она не осуществлялась. Эти механизмы, применяемые к различным аспектам заимствуемой системы, будь то буква, графическое слово или алфавит, в разном наборе, создают специфику новой системы письма, способствуют развитию ее самостоятельности и неповторности.

Заключая, отметим, что образование любой новой системы звукобуквенного письма с помощью заимствования средств алфавита и его творческой доработки с учетом специфики звуковой системы заимствующего языка не во всех случаях оказывается оптимальным. Если алфавитных средств номинации, несмотря на творческую доработку, оказывается недостаточно, то развиваются средства орфографической номинации. Однако это проблема - предмет самостоятельного рассмотрения.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Амирова Т.А. К истории и теории графемики. М., 1977.
Гадяревский Р.С., Гривнин В.С. Определитель языков мира по письменностям. М., 1961.
Грот Я.К. Филологические рассуждения. СПб., 1876, ч. II.
Дурново Н.Н. Мысли и предложения о происхождении старославянского и славянских алфавитов. - В кн.: *Byzantinoslavica*, т. I, 1929.
Исаев М.И. Языковое строительство в СССР. М., 1979.
Истрин В.А. Развитие письма. М., 1961.
Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1963.
Козн М. (*Cohen M.* L'écriture. Paris, 1963).

- Рожественский Ю.В. Теория языка в средние века. - В кн.: Т.А. Амброва, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рожественский. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
- Рожественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979.
- Сорокина Л.Н. Терминоворотчество и заимствование. - Ученые записки Тарт. ун-та, вып. 502, Linguistica XI, 1979.
- Сорокина Л.Н. Ситуация, процесс и результаты заимствования. - В кн.: ИЯШ, 1979, № 14.
- Сорокина Л.Н. Четыре модели буквенной и морфологической ассимиляции заимствований - основа их классификаций. - ИЯШ, 1977, № 3.
- Сорокина Л.Н. Графическое переобразование заимствованной лексики. - Р.Я.Ш., 1979, № 3.
- Сыромятников Н.А. Классический японский язык. М., 1983.

BORROWING AND CREATION OF WRITING SYSTEMS

Lyubov Sorokina

S u m m a r y

Grammatology, a new branch of linguistics, dealing with the written form of the language, has many lacunae. The paper will be concerned with one of them, viz. the means of writing system development.

A new approach is outlined suggesting two basic means; borrowing and creativity accompanying it.

Borrowing, complete or incomplete, may take place within the framework of one writing system (the alphabet or, rarely, orthography) or it may involve more than one.

The following components of an alphabet may be borrowed: the form, structure and sound (phonemic) meaning of a letter (character), its name, its place in the alphabet, the number of letters necessary to nominate the units of the phonemic system of the language for which a new writing system is created.

The process of borrowing is effected through four mechanisms: I (=); II (=+); III (= -) and IV (= - +) first pointed out by the author. Mechanisms II, III and IV indicate the degree and character of creativity, accompanying the borrowing: addition, subtraction and alteration of a sign or its components, correspondingly.

The impossibility of the direct application of any original alphabet to nominate all the sound (phonemic) units of the borrowing system is due to inadequate correlation in the nomination sphere of the two languages involved: the source and the borrower.

Alphabetic nomination alone does not always cover the sphere of nomination in a borrowing language because of certain quantitative and/or qualitative differences in its means, e.g. letters, nominating sounds in the source language. This necessitates the application of another means of nomination - the orthographic one, which is a problem of independent consideration requiring further application of creativity in the development of the new writing system.

ДЛИНА СЛОВА И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЛОВ ПО ДЛИНЕ В ТЕКСТЕ И В СЛОВАРЕ

Ю.А. Тулдава

Важным количественным показателем структуры текста и его словаря является длина слова (словоформы) и распределение слов по длине в тексте и в соответствующем словаре. Длину слова можно измерять в буквах, звуках, фонемах, в слогах или морфемах, в зависимости от возможностей и от поставленных задач. Длина слова считается важным количественно-типологическим критерием, который прогнозирует не только структурные черты языка, но и индивидуальные особенности текстов (см. Алексеев П.М. и др., 1976). Данные о длине слова и о распределении слов по длине используют в наши дни также при решении задач автоматической переработки текстов. Практически важным является вопрос о возможностях аналитического описания распределений слов по длине и определения связи длины слова с другими структурными характеристиками текста и словаря (частотность, словообразовательная активность, возраст слов и т.д.).

В данной статье рассматриваются некоторые из этих вопросов на иллюстративном материале из эстонского и других языков.

Длина слова в буквах. Измерение длины слова в буквах удобно в том смысле, что процедуру измерения можно легко автоматизировать.* Важно то, что системы букв и звуков (или фонем) во многих языках, в том числе в эстонском языке, сильно коррелируют.

При изучении распределения слов по длине в тексте за основу было взято словоупотребление в виде словоформы (СФ). В нашем первом эксперименте измерялась длина СФ в буквах в сводном тексте из четырех подъязнков (подстилей) эстонского языка (см. табл. I в конце статьи). Оказывается, что средняя длина СФ варьируется от 4,8 букв в речи персонажей художественной прозы до 7,1 в научном тексте. Доля коротких СФ (2-3

* В данном случае весь процесс измерения длины слова и составления схем распределения слов по длине в тексте и в словаре был произведен с помощью ЭВМ по специальной программе, разработанной в ВЦ ТГУ.

буквы) в речи персонажей достигает 31 %, в то время как в научном тексте их только 15 %. Сравнивая эти данные с результатами некоторых предыдущих исследований автора и других авторов (табл. 2), можно заключить, что в смешанном тексте (где примерно 50 % художественной прозы), средняя длина СФ в эстонском тексте равняется 6 буквам; причем по частотности на первом месте находятся четырехбуквенные словоформы (16 %). Важно отметить, что в распределении СФ по длине наблюдается двухвершинность (бимодальность) с пиками на двух- и четырехбуквенных СФ. Такое явление обнаружено и в распределении СФ в текстах других языков (см., например, Мартиненко ГЯ., 1965; Григорьева А.С., 1981). Это объясняется тем обстоятельством, что распределение СФ неоднородно: в нем участвуют короткие служебные слова и более длинные знаменательные слова. (Различия в распределении словоформ этих групп заметны особенно в текстах синтетических языков.)

Сравнивая данные о длине СФ в тексте и в соответствующем словаре (на основе одного и того же произведения; см. табл. 3), можно обнаружить различия в распределении СФ, особенно в части коротких СФ. Например, в тексте доля коротких СФ (2-3 буквы) равняется 20,4 %, в словаре - 3,7 %. Распределение СФ в словаре имеет более "регулярную" форму, в частности отсутствует двухвершинность (см. рис. 1). Проверка показала, что распределение СФ по длине в словаре хорошо аппроксимируется логнормальным законом (см. рис. 2, где по абсциссе логарифмический масштаб, по ординате - накопленные нормированные частоты). Дифференциальная форма логнормального распределения характеризуется одновершинной кривой и имеет правостороннюю скошенность (см. кривую словаря на рис. 1). Считается, что логнормальность распределения СФ по длине отвечает принципу оптимального кодирования информации и отражает "стремление к ясному и безошибочному различению слов" (Herdan G., 1966, с. 205). По существу, логнормальное распределение означает, что выбор слова определенной длины зависит в некоторой степени от длины предшествующего слова, благодаря чему в тексте чередуются длинные, короткие и средние по длине слова (ср. Пиотровский Р.Г. и др., 1977, с. 204). При такой интерпретации оказывается, что логнормальное распределение отражает некоторые глубинные черты порождения речи (на плане выражения), которые образовались в процессе эволюционного развития языка.

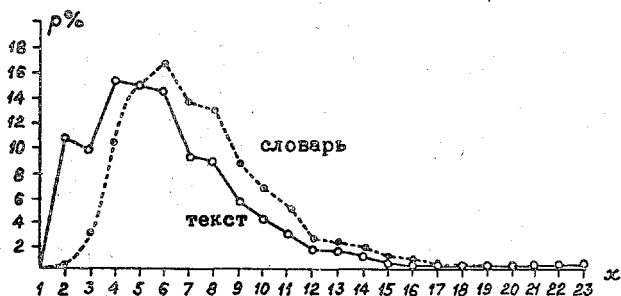

Рис. 1. Распределение словоформ по длине в тексте и в соответствующем словаре (x - длина в буквах, p % - доля в процентах)

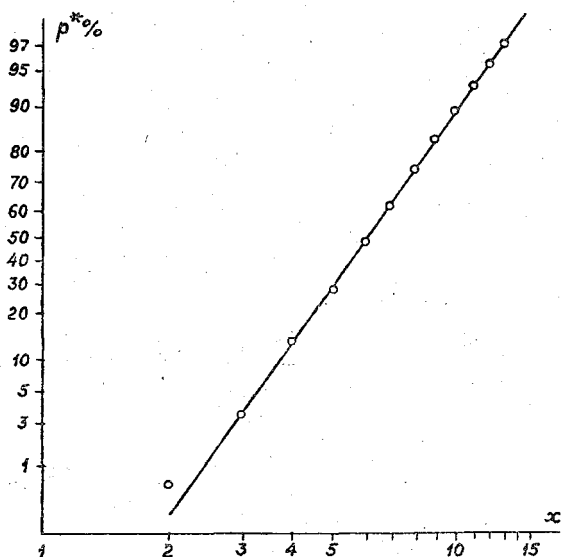

Рис. 2. Проверка на логнормальность распределения словоформ по длине в словаре (x - длина в буквах, p^* % - накопленная частота)

Длина слова в слогах. Измерение длины слова в слогах (или в морфемах) имеет особое значение при выявлении т.наз. глубины слова. Данные о распределении слов по длине, измеряемой в слогах, используются в педагогике, психолингвистике, стилистике, а также в типологических исследованиях языков (см., например, Greenberg H., 1960; Arens H., 1965; Fucks W., Lauter J., 1969; Кузнецова А.М., 1980). Длина слова в эстонском тексте варьируется по стилям. В авторской речи современной художественной прозы средняя длина СФ равняется 2,32 слога, а в более ранней прозе — 2,14 слога (см. Tuldava J., 1970). В речи персонажей средняя длина СФ — 1,97 слога, в газетном тексте — 2,83 и в научном тексте — 2,84 слога. Максимальная длина СФ в нашей выборке равнялась 9 слога (в среднем 2 случая на 10 000 словоупотреблений, причем это были сложные слова).⁺

По данным Б. Калмана (Kálmán B., 1963), средняя длина СФ в финском тексте равняется 3,08 слога (подъязык не указан). В венгерском тексте средняя длина СФ — 2,22 слога в художественной прозе (Zsilka T., 1974) и 2,43 слога в научном тексте (Kálmán B., 1963).

Особенно ярко проявляется дифференциация языков при сравнении распределений СФ по длине (см. табл. 4). Оказывается, например, что односложные СФ составляют в английском художественном тексте 66,8 %, в турецком тексте такого же стиля — только 18,8 %. В эстонском тексте односложные СФ покрывают от 25 до 40 % в зависимости от подъязыка и стиля (в художественной прозе в среднем 28,8 %). В русском языке односложные словоформы покрывают около 33 % художественного текста (см. табл. 4). Сходства и различия в структуре СФ разных языков особенно ясно выступают при их сопоставлении на графике (рис. 3).

Распределение СФ по длине, измеряемой в слогах, хорошо описывается логнормальным распределением, так и при измерении длины СФ в буквах (см. выше). Поэтому можно принять логнормальный закон за основу. Однако существуют и другие возможности. Распределение СФ по слоговой длине часто аппроксими-

⁺ По мнению А. Сааресте (Saareste A., 1952, с.31), максимальная длина эстонской СФ (исключая сложные слова) может быть 8 слогов, например, производное слово kaheksandikku legi (аллатив мн. ч. в усилительной частицей -gi от слова kaheksandik 'одна восьмая').

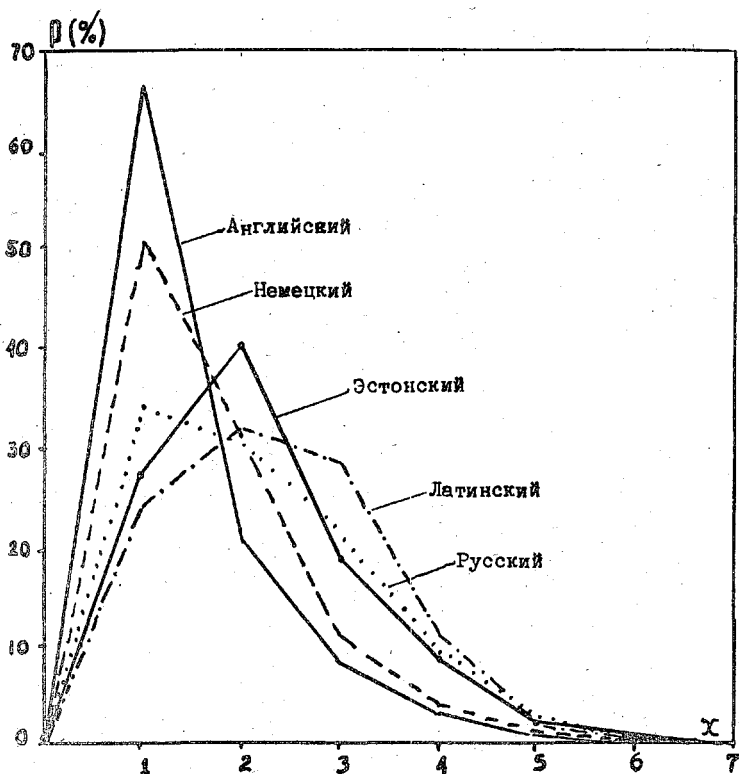

Рис. 3. Распределение словоформ по длине в тексте разных языков (x - средняя длина в слогах, p (%) - покрытие текста в процентах)

мируется функцией Чебанова-Фукса (Чебанов С.Г., 1947; Fucks W., 1956; Фукс В., 1957). Речь идет о модифицированном распределении Пуассона, при котором предполагается, что процесс формирования слов является случайным. По эстонскому материалу закон Чебанова-Фукса достаточно хорошо выполняется (табл. 5; см. также: Krikmann A., 1967). Исследования показали, что еще лучшее соответствие эмпирических данных теоретическим достигается с помощью обобщенной формулы Гачечиладзе-Цилосани (модификация формулы Чебанова-Фукса), которая особым образом учитывает взаимодействие случайных и детерминированных процессов в речи (Гачечиладзе Т.Г., Цилосани Т.П., 1971).

В исследованиях по длине слов замечено, что существует закономерная связь между числом слогов (или морфем) и числом звуков (фонем) в слове. С удлинением слова (словоформы) отношение числа звуков к числу слогов уменьшается ("закон Менцерата"; см. Menzerath P., 1954). Иначе говоря - чем длиннее слово, тем короче слоги в нем. На материале эстонского языка общая тенденция уменьшения средней длины слога в связи с увеличением длины СФ подтверждается. Например, по данным выборки из авторской речи художественной прозы (см. табл. 6) средняя длина слога односложных СФ равняется 2,75 звукам, двухсложных СФ - 2,40, трехсложных СФ - 2,37 и т.д. вплоть до 2,17 в шестисложных СФ (отклонение от общей тенденции пятисложных СФ объясняется случайными факторами при малом объеме выборки). Зависимость длины слога от длины слова хорошо описывается логарифмическим законом типа $y = a + b \ln x$, где y - длина слога в звуках, x - длина слова в слогах, a и b - константы (в данном случае подходят $a = 2,75$ и $b = -0,33$).⁺

⁺ Данная зависимость имеет своей основой т.н. закон пропорционально убывающего относительного роста (Ланд К.Ч., 1977, с. 388-389), который можно выразить дифференциальным уравнением $(dy/y)/(dx/x) = b/y$. Упростив это уравнение, получим $dy = b(dx/x)$, и интегрирование дает логарифмическую функцию $y = a + b \ln x$. Г. Альтманн (Altman G., 1980) предлагает применить для выражения закона Менцерата экспоненциальную или сложную функцию типа $y = ax^b e^{-cx}$. Наши экспериментальные данные заставляют предпочесть логарифмическую функцию связи, в частности при измерении длины слова в тексте.

Зависимость "длина - частота". Известно, что длина слова связана со многими структурными характеристиками словаря и текста. Рассмотрим связь между длиной слова и его частотой. То что короткие слова в среднем более частотны, чем длинные слова, свидетельствует, по-видимому, о действии принципа экономии в процессе коммуникации, о котором говорил еще Др. Ципф (Zipf G.K., 1935). Основываясь на этих предположениях, французский исследователь П. Гиро (Guiraud P., 1954) сформулировал закономерность, согласно которой для каждого языка можно определить константу (C), указывающую на связь между длиной слова (x) и его рангом (i) в частотном списке:

$$C = \frac{\lg 2 i}{x} \quad (I)$$

Эта формула достаточно хорошо описывает упомянутую связь (см. табл. 7), причем для эстонского языка определяется $C \approx 0,56$; для английского языка $C \approx 0,59$.

По сути дела, формула (I) выражает логарифмический закон связи между длиной и частотой слова. Такую связь можно вывести из закона Ципфа-Мандельброта (см. Тулдава Ю., 1985). Действительно, точный вывод из закона Ципфа-Мандельброта показывает, что длина слова (x) должна быть пропорциональна логарифму его вероятности, т.е. линейно зависеть от логарифма его ранга (i) (Калинин В.М., 1964):

$$x_i = \alpha + \beta \ln i, \quad (2)$$

где α и β - константы. Эта более точная (и теоретически более обоснованная) формула еще лучше описывает связь между длиной и частотой словоформы в эстонском тексте.

Другой возможностью является аналитическое описание связи между "накопленной" средней длиной слова

$$X_i = \frac{1}{i} \sum_1^i x_i$$

и его рангом (i). Предполагая и здесь логарифмическую зависимость между X_i и i , мы можем вычислить X_i по формуле:

$$X_i = \alpha + \beta \ln i, \quad (2a)$$

где α и β - параметры. Соответствие эмпирических и теоретических величин хорошее (см. табл. 8). Обычно считается, что данная зависимость наилучшим образом аппроксимируется распределением Вейбулла, которое впервые было примене-

но при решении этой задачи Г.Г. Белоноговым (1962). В наших обозначениях формула принимает вид

$$X_i = X_n (1 - e^{-ci^\kappa}), \quad (3)$$

где X_n - предел средней длины слова (в данной совокупности), i - ранг слова, c и κ - константы (параметры). Достаточно хорошее соответствие эмпирических данных теоретическим (в диапазоне $i = 50 \div 1000$) получается в том случае, если по эстонскому словарю словоформ постулируется $X_n = 7,5$ (см. табл. 8); все же наблюдаются отклонения в области больших i . Средняя длина словоформы в рассматриваемом словаре (объемом 30 тыс. СФ) прогнозируется в размере 6,74 букв; ср. прогноз с помощью формулы (2а) - 6,95. Проверка показывает, что прогноз по формуле (2а) более точно (действительная средняя длина СФ в словаре объемом 30 тыс. СФ равняется 7 буквам).

Зависимость между длиной слова и его частотой является взаимной, хотя можно утверждать, что решающую роль играет здесь частота употребления. Уже давно было замечено, что если частотность слова возрастает, то его форма подвергается редукции (см., например, Мартине А., 1963). Этим объясняются и многочисленные случаи сокращений и усечений в современных языках, например, когда отсекается либо начало, либо конец слова: кино(театр), ретро(спективный); эст. info < informatsioon 'информация', kopter < helikopter 'вертолет' и т.п.

Таблица I

Распределение словоформ (СФ) по длине в тексте по данным выборки
из четырех подъязычков эстонского языка

Длина СФ в буквах	Авт. речь		Речь перс.		Газета		Научн. текст		В с е г о	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
2	113	10,2	178	14,5	70	8,1	76	8,4	437	10,7
3	101	9,1	207	16,8	81	9,4	59	6,6	448	10,9
4	183	16,6	235	19,1	78	9,1	77	8,5	573	14,0
5	154	13,9	194	15,8	122	14,2	106	11,8	576	14,1
6	181	16,4	168	13,6	80	9,3	100	11,1	529	12,9
7	100	9,0	114	9,3	90	10,5	100	11,1	404	9,9
8	110	10,0	55	4,5	76	8,8	105	11,7	346	8,4
9	60	5,4	43	3,5	65	7,5	86	9,6	254	6,2
10	43	3,9	18	1,5	40	4,6	60	6,7	161	3,9
11	29	2,6	9	0,7	46	5,3	41	4,5	125	3,1
12	12	1,1	6	0,5	37	4,3	33	3,7	88	2,1
13	8	0,7	2	0,2	23	2,7	22	2,4	55	1,3
> 14	12	1,1	1	0,2	53	6,2	35	3,9	101	2,5
Всего СФ	1106	100,0	1230	100,0	861	100,0	900	100,0	4097	100,0
Всего букв	6414	-	5911	-	6079	-	6370	-	24774	-
Ср. длина СФ	5,80		4,81		7,06		7,08		6,05 (букв)	

Таблица 2

Распределение словоформ (СФ) по длине в эстонском тексте: I - смешанный текст (см. табл. I); II - художественная проза (Tuldava J., 1971); III - газета "Rahva Hääl" 1968 (Kaasik U. и др., 1975); IV - художественная проза и газета (Kaasik Ü. и др., 1975). Всего - около 57% худож. прозы, 40 % публицистики, 3 % научного текста.

Длина СФ в буквах	Ч а с т о т а (%)				В с е г о	
	I	II	III	IV	число	%
2	10,7	11,0	10,0	10,3	3950	10,5
3	10,9	10,2	8,9	10,5	3874	10,3
4	14,0	16,6	14,2	16,6	6056	16,1
5	14,1	14,7	13,2	14,3	5379	14,3
6	12,9	14,0	11,7	13,0	4928	13,1
7	9,9	9,6	9,5	9,4	3573	9,5
8	8,4	8,2	8,5	7,9	3084	8,2
9	6,2	5,4	6,9	5,9	2182	5,8
10	3,9	3,4	5,3	4,1	1542	4,1
11	3,1	2,5	3,2	2,6	1016	2,7
≥ 12	5,9	4,4	7,6	5,2	2031	5,4
В с е г о (%)	100,0	100,0	100,0	100,0	-	100,0
Объем текста	4097	9857	4907	18754	37615	-
Средняя длина СФ	6,05	5,7	6,3	6,0	6,0	

Таблица 3

Распределение словоформ (СФ) по длине в эстонском тексте и в соответствующем словаре по данным выборки из авторской речи I-го тома романа Я. Красса "Три чумы" ("Kolme katku vahel" I)

Длина словоформ в буквах	Ч а с т о т а			
	в тексте		в словаре	
	число	% (Т)	число	% (С)
2	518	10,7	17	0,6
3	472	9,7	86	3,1
4	727	15,0	290	10,3
5	716	14,7	413	14,7
6	693	14,3	463	16,5
7	444	9,1	377	13,4
8	432	8,9	364	13,0
9	263	5,4	238	8,5
10	198	4,1	182	6,5
11	142	2,9	134	4,8
12	71	1,5	66	2,4
13	71	1,5	63	2,3
14	55	1,1	54	1,9
15	24	0,5	24	0,9
16	16	0,3	16	0,6
17	5	0,3	5	0,5
18	5		5	
19	1		1	
20	1		1	
21	1		1	
23	2		2	
В с е г о	4857	100,0	2802	100,0
Средняя длина СФ		6,0		7,3

Таблица 4

Распределение длин словоформ (СФ) в тексте по данным выборок из художественной прозы (авторская речь + речь персонажей) разных языков. Данные взяты из работ: Fucks W., 1956; Herdan G., 1966; Zsilka T., 1974; Якубайтис Т., 1963.

Кол-во слогов	Английский	Французский	Немецкий	Румынский	Венгерский	Русский яз.	Латышский	Эстонский	Латинский	Турецкий
1	66,8	55,8	51,7	45,5	34,4	33,9	33,8	28,8	24,2	18,8
2	21,1	27,9	31,6	28,4	30,4	30,3	38,4	40,2	32,1	37,8
3	8,2	12,9	11,1	18,6	20,7	21,4	19,4	18,5	28,7	37,0
4	3,3	2,9	4,3	6,7	9,9	9,7	7,0	8,8	11,6	12,1
5	0,5	0,5	1,0	0,7	3,4	3,5	1,2	2,5	2,8	3,6
более 5	0,1	0,0	0,3	0,1	1,2	1,2	0,2	1,2	0,6	0,7
Ср. длина СФ (в слогах)	1,50	1,64	1,82	1,89	2,22	2,23	2,04	2,20	2,39	2,46

Таблица 5

Распределение длин словоформ (СФ) в эстонском тексте (по данным выборки из авторской речи художественной прозы). Ожидаемые частоты (%) вычислены с помощью формулы В. Фукса (1957):

$$P_i' = \frac{e^{-(\bar{L}-1)} (\bar{L}-1)^{i-1}}{(i-1)!}$$

Длина СФ в слогах	Ч а с т о т а		Разница $P_i - P_i'$
	наблюд. (P_i)	ожд. (P_i')	
1	24,8	26,7	-1,9
2	40,2	35,3	+4,9
3	20,2	23,3	-3,1
4	10,3	10,2	+0,1
5	3,0	3,4	-0,4
6	1,1	0,9	+0,2
7	0,3	0,2	+0,1
8	0,1	0,0	+0,1
Всего (%)	100,0	100,0	-
Средняя длина СФ в слогах	2,32	2,32	-

Таблица 6

Комплексное распределение словоформ (СФ) по длине в звуках и слогах и средние данные по выборке из авторской речи книги Ю. Смуула ("Muhulaste imelikud juhtumised...", Tallinn, 1963).
Объем выборки - 1000 словоупотреблений.

Звуков Слогов	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	Число СФ	Число слогов	Число звуков	Ср. длина в звуках	
																		СФ	слога
1	118	86	53	4											261	261	717	2,75	2,75
2		46	108	150	77	19	2								402	804	1931	4,80	2,40
3				10	42	81	44	18	1						196	588	1393	7,11	2,37
4						4	24	41	20	9	3				101	404	924	9,15	2,29
5						1		1	4	5	10	2	4	1	28	140	328	11,71	2,34
6										2	2	4	2	2	12	72	156	13,00	2,17
Всего	118	132	161	164	119	105	70	60	25	16	15	6	6	3	1000	2269	5449	5,45	2,40

Таблица 7

Вычисление константы П. Гиро, указывающей на устойчивую связь длины слова (x) с его рангом (i) в частотном списке по формуле:

$$C = \frac{lg 2c}{x}$$

- по данным 40 словоформ эстонского и английского языков (Guiraud P., 1954, с. 76).

Средний ранг (i)	Эстонский		Английский	
	x	C	x	C
10 (5-15)	2,30	0,57	-	-
100 (90-110)	4,30	0,54	3,90	0,59
200 (190-210)	4,50	0,57	-	-
300 (290-310)	4,96	0,56	-	-
400 (390-410)	5,30	0,55	5,0	0,58
600 (590-610)	5,20	0,59	-	-
900 (890-910)	5,84	0,56	-	-
1000 (990-1010)	5,94	0,56	5,59	0,59
2000 (1950-2050)	6,43	0,56	6,15	0,59
В среднем:	-	0,56	-	0,59

Таблица 8

Связь между длиной словоформ (C_i) и ее частотой по данным 40 эстонского языка ($N = 99898$, $\gamma = 30733$). Определяемая средняя длина C_i в буквах вычисляется по формулам

$$I: X_i = \alpha + \beta \ln i \quad (\text{логарифмический закон})$$

$$II: X_i = X_n (1 - e^{-ci})^\kappa \quad (\text{закон Вейбулла})$$

Здесь X_i - средняя длина C_i ; $X_i = \frac{1}{i} \sum_1^i x_i$;

X_n - предел средней длины C_i ;

i - ранг C_i в ЧО;

α, β, c, κ - параметры.

(Значения параметров вычислены методом наименьших квадратов на основе эмпирических данных в диапазоне $i = 50 \div 1000$.)

Ранг	(набл.)	(ожд.)	
		I	II
50 (I-50)	3,48	3,47	3,48
100 (I-100)	3,89	3,85	3,84
200 (I-200)	4,20	4,23	4,22
300 (I-300)	4,42	4,45	4,44
400 (I-400)	4,64	4,60	4,61
500 (I-500)	4,71	4,72	4,73
600 (I-600)	4,82	4,82	4,83
700 (I-700)	4,94	4,91	4,92
800 (I-800)	4,97	4,98	4,99
900 (I-900)	5,06	5,04	5,06
1000 (I-1000)	5,12	5,10	5,12
10000 (I-10000)	Прогноз:	6,35	6,30
30000 (I-30000)	-	6,95	6,74
Параметры:	-	$\alpha = 1,35$ $c = 0,282$ $\beta = 0,543$ $\kappa = 0,203$ $X_n = 7,5$	

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Алексеев П.М., Бектаев К.Б., Пиотровский Р.Г. Информационно-статистическая типология текста. - Тезисы дискуссии "Типология как раздел языкознания". М., 1976, с. 11-12.
- Белоногов Г.Г. О некоторых статистических закономерностях в русской письменной речи. - Вопросы языкознания, 1962, № 1, с. 100-101.
- Гачечиладзе Т.Г., Циловани Т.П. Об одном методе изучения статистической структуры текста. - В кн.: Статистика речи и автоматический анализ текста. Л., 1971, с. 113-133.
- Григорьева А.С. Статистическая структура русского эпистолярного текста (лексика частных писем). АИЦ. Л., 1981.
- Калинин В.М. Некоторые статистические законы математической лингвистики. - Проблемы кибернетики. Вып. II. М., 1964.
- Кузнецова А.И. Периферийные явления в морфологии русского языка. - В кн.: Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980, с. 128-141.
- Ланд К.Ч. Сравнительная статика в социологии. - В кн.: Математика в социологии. М., 1977, с. 371-401.
- Мартин А. Основы общей лингвистики. - В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963, с. 347-566.
- Мартыненко Г.Я. Некоторые статистические наблюдения на материале болгарского языка. - В кн.: Статистико-комбинаторное моделирование языков. Л., 1965, с. 327-339.
- Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б., Пиотровская А.А. Математическая лингвистика. М., 1977.
- Тулдава Ю.А. Частотная структура текста и закон Ципфа. - В кн.: Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1985, с. 93-116. (Учен. зап. Тарт. ун-та, вып. 711).
- Фукс В. Математическая теория словообразования. - В кн.: Теория передачи сообщений. М., 1957, с. 221-247.
- Чебанов С.Г. О подчинении укладов "индо-европейской" группы закону Пуассона. - Доклады АН СССР, новая серия, т. 55, 1947, № 2.
- Якубайтис Т.А. Вероятностная характеристика слов с разным количеством слогов в латышском языке. - Известия АН Латв. ССР. Т. 7. Рига, 1963, с. 43-48.
- Altmann G. Prolegomena to Menzerath's Law. - Glottometrika 2. Bochum, 1980, S. 1-10.
- Arens H. Verborgene Ordnung. Die Beziehungen zwischen Satzlänge und Wortlänge. - Beiheft zur Zeitschrift "Wirken des Wort", H. 1. Düsseldorf, 1966.
- Fucks W. Mathematical Theory of Word-Formation. - In: Information Theory./Ed. by Colin Cherry. London, 1956, pp. 154-170.
- Fucks W., Lauter J. Mathematische Analyse des literarischen Stils. - In: Mathematik und Dichtung. 3. Aufl. München, 1969.
- Greenberg J.H. A Quantitative Approach to the Morphological Typology of Language. - International Journal of American Linguistics. Vol. 26, No. 3, 1960, pp. 178-194.
- Guiraud P. Les caractères statistiques du vocabulaire. Essai de méthodologie. Paris, 1954.
- Kaasik Ü., Laugaste E., Ähremaa K. Tähtede ja silpide sagedus eestikeelsetes tekstides. - Keel ja Kirjandus 1975, nr. 1, lk. 21-29.

- Kálmán B. Häälikustatistilisi vaatlusi mansi keele alalt. - Rmt.: Nonaginta. J.V. Veski 90. sünnipäevaks. / Emakeele Seltsi toimetised nr. 6. Tallinn, 1963, lk. 123-127.
- Krikmann A. Keelestatistikat eesti vanasõnadest. - Emakeele Seltsi aastaraamat XIII. Tallinn, 1967, lk. 127-153.
- Menzerath P. Die Architektonik des deutschen Wortschatzes. Bonn, 1954.
- Saareste A. Kaunis emakeel. Lund, 1952.
- Tuldava J. Sõnapikkus ilukirjanduslikus proosas. - Keel ja Kirjandus 1971, nr. 10, lk. 583-591.
- Zipf G.K. The Psycho-Biology of Language. Cambridge (Mass.), 1935.
- Zsilka T. Stilisztika és statisztika. Budapest, 1974.

ON WORD-LENGTH DISTRIBUTION IN TEXT AND VOCABULARY

Juhan Tuldava

S u m m a r y

The article deals with some regularities in the distribution of word-forms in text and vocabulary depending on their length and frequency. The illustrative material has been taken from Estonian and some other languages. The mean length of word-form in Estonian texts is 6 letters (varying from 4.8 to 7 letters in conversational style and scientific text accordingly, see Table 1), or 2.5 syllables. There is considerable difference between the distributions of word-form length in text and vocabulary (Table 3 and Fig. 1). Further, various languages are compared on the basis of word-length (length of word-forms measured in syllables) and its distribution in texts (see Table 4 and Fig. 3). The effect of Menzerath law is examined on Estonian material (Table 6). It has been ascertained that the distribution of word-forms in text may be approximated by the law of lognormality whereas the dependence of word-form length (measured in letters or syllables) on the frequency in text (expressed by the rank of the word-form in a frequency dictionary) may be best approximated by logarithmic function or Weibull distribution (Table 8).

МОНОГРАФИЯ Н. МОЛНАРА О ГРЕЧЕСКИХ КАЛКАХ В ДРЕВНЕЙШИХ
СЛАВЯНСКИХ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТАХ

Александр Д. Дуличенко

В 1985 г. издательство Akadémiai kiadó в Будапеште в кооперации с издательством Böhlau Verlag (в серии "Slavistische Forschungen", Vol. 47) выпустило монографию венгерского слависта Нандора Молнара под названием "The Calques of Greek origin in the most ancient Old Slavic gospel texts. (A theoretical examination of calque phenomena in the texts of the archaic Old Slavic gospel codices)" (347 p.). Книга посвящена старому в палеославистике вопросу о греческом влиянии на лексику древнейших библейских текстов в связи с их переводом с древнегреческого. При этом речь идет только о калькированной лексическом материале. И в этом смысле работа Молнара является наиболее крупной в науке о славянских древностях монографическим исследованием (в 1958 г., правда, К.Шумани издал на эту тему небольшую по объему - в 66 страниц - монографию "Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen").

Книга состоит из двух глав. Первая (с. 13-70) носит чисто теоретический характер. Подробно рассматривается ситуация с древнейшими славянскими библейскими памятниками, специально автор затрагивает вопрос о греческих источниках, известных в трех основных версиях - египетской (или александрийской), палестинской (или "западной") и константинопольской. В связи с отражением в языке древних славянских памятников греческого влияния рассмотрена в ретроспективном плане проблема латинизмов, моравизмов, болгаро-македонских лексических вариантов и параллелей, обнаруживавшихся в живых диалектах. Основное место в этой главе занимают теоретические аспекты калки. Отталкиваясь от подходов к проблеме калькирования в работах Ф. Миклошича, В. Ягича, В. Бетца, К.Шумана, Р. Цетта и др. авторов, Молнар предлагает собственную систему калек. Понятие "калька" включает в себе следующие разновидности: реальные структурные калки (*бѣлѣбѣнѣтѣсѣ ~ малѣбѣрѣ*), полукалки, или частичный перевод замещения, неологические калки (*бѣлѣбѣнѣтѣсѣ ~ лицѣбѣрѣ*), далее семантические, фразеологические, синтаксические и морфологические, внешние калки. Вторая глава (с. 71-293) - это

алфавитное (от А до Ж) представленные лексические эле-
 ментов, в словообразовательной и семантической структуре ко-
 торых автор видит греческое влияние. В лексеме-статье рас-
 крывается сущность подхода автора к определению греческого
 образца, представлены применяемые им приемы и способы дока-
 зательства греческого влияния. К старославянскому слову да-
 ется греческий эквивалент, а после него - перевод на англий-
 ский язык; затем следует греческий контекст, каким он пред-
 ставлен в изданном Э. Бестле "Novum Testamentum Graecum"
 (Stuttgart, 1961), а также в изданном А. Мерном "Novum Te-
 stamentum Graece et Latine" (Roma, 1951) и его славянское
 соответствие преимущественно по Зографскому и Марининому
 евангелиям, но также по Ассеманьеву и некоторым другим. Вслед
 за этим подаются (если они имеются) лексические соответствия
 из позднейших, церковнославянских памятников. Дальнейшие до-
 казательства калькированного характера представляемых лексем
 сводятся к достаточно последовательному приведению типологи-
 ческих параллелей из текстов разновременного и разнолокаль-
 ного типа. Автор опирается на соответствующий материал Кра-
 левцкой библлии, нижнедужицкого перевода Лятеровой веры 1548
 г. и др., привлекается также материал соответствующих тек-
 стов латинского, готского и немецкого происхождения. Особый
 фон создают параллели из переводов священных текстов на ру-
 мунский, венгерский и албанский языки. Завершают статью лек-
 сические параллели из современных славянских языков. Всего в
 монографии Моннара представлено 290 калек, при этом отдельно
 нумеруются видовые глагольные пары типа ВЪДВОРИТИ СЯ ~ ВЪ-
 ДВАРАТИ СЯ, варианты типа БЛАГОДѢТЕЛЬ ~ БЛАГОДАТЕЛЬ,
 срав., однако, под № 46 ВЕЛИЧЬЕ, ВЕЛИЧЬСТВО и под № 51-52
 ВЛАДЫЧЬСТВО, ВЛАДЫЧЬСТВО. В семантическом плане
 анализируемые единицы охватывают преимущественно сферы рели-
 гиозной жизни, затем этических и правовых норм жизни, раз-
 личных других сторон жизни, внутренние свойства человека.
 Статистически это выглядит следующим образом: религиозных
 калек - 94 (32,41%), этико-правовых - 49 (16,90%), поли-
 тико-правовых - 20 (6,90%), выражающих внутренние качества и
 состояния ("психологические") - 26 (8,96%), особенности по-
 вседневной жизни и разные - 101 (34,83%). В словообразова-
 тельном отношении анализируемая лексика распределяется так:
 образованных словосложением - 69, производных - 186, фразео-
 логических - 30, с изменением семантики - 15. Более всего
 здесь оказывается существительных - 128, затем следует гла-

голы - 79, прилагательные - 51, наречия - 2 (плюс 30 фразеологизмов). Что касается типов калек, то по убывающей они могут быть представлены таким образом: реальных структурных калек (составных и производных) - 174 (60%), фразеологических - 30 (10,34%), семантических - 66 (22,76%), неологических, или псевдокалек, - 16 (5,52%), других типов - 4 (1,38%).

Монография снабжена очень хорошим вспомогательным аппаратом. В приложении представлена дистрибутивная характеристика калек по различным основаниям, дан индекс старославянских калек и отдельно - древнегреческо-старославянский индекс. Библиография включает 465 названий. К сожалению, в ней несоразмерно большое место занимает литература общелингвистического и историко-культурного характера и недостаточно отражены работы славянских авторов. Исследователем обойдены, например, работы 1968 г. Й. Курца, К. Горалека, Б. Симеонова о латинском влиянии на язык древнейших славянских памятников, работа А.С. Львова о моравизмах (1965), З. Гауптовой о дублетах, в том числе и о кальках (1968) и некот. др. Из трех книг Б.М. Верецагина, трактующих аналогичные вопросы, в поле зрения автора попала лишь одна, а монография "Лексика старославянского языка" (1977) Р.М. Цейтлин не упоминается вовсе. Если бы автор монографии опирался не на переводные двуязычные словари, а на многотомные академические словари, созданные для большинства славянских языков, то можно было бы достичь большей точности при приведении параллелей из современных славянских языков. Так, в статье *БѢСЬНОВАТИ СѢ* дается современная украинская параллель "біситися" вместо "біснутися", отраженной в академическом II-томном "Словаре украинского языка". Такие несоответствия обнаруживаются и по некоторым другим языкам. Представление библиографических данных по некоторым славянским языкам оставляет желать лучшего (см., например, позиции 144, 168, 268, 460). И совсем трудно согласиться с библиографическим приемом перевода редактора в авторство "Словаря старославянского языка" Чехословацкой Академии наук приписано его редактору Й. Курцу, "Этимологического словаря славянских языков" - О.Н. Трубачеву (см. также позиции 436, 464). Наконец, не можем не сказать о том, что распространению монографии более способствовало бы ее издание на русском либо немецком языках.

Исследование Н. Молнара, начатое еще в 1954 г., завершилось изданием солидной монографии, которая, несомненно, обратит на себя внимание в широких славистических кругах. Ра-

бота проделана большая, кропотливая и теоретически важная для решения ряда сложных вопросов древних славяно-греческих языковых отклонений. Достоинством разработанного автором метода является привлечение широкого типологического контекста, в котором рассматривается каждая лексема, "подозреваемая" в том или ином виде греческого влияния. Быть может, автор проявляет некоторую пристрастность, когда, раздвигая компоненты видовой глагольной пары либо словообразовательных вариантов, приписывает каждому из этих компонентов самостоятельное значение, т.е. как бы пытается доказать, что греческое влияние испытали корреляты и несовершенного и совершенного видов в отдельности, варианты на *-СТВО* и *-СТВОС* — тоже в отдельности и т.д. Быть может, словообразовательные гнезда, каждый компонент которых признается калькой, формировались не только за счет иноязычного образца, но и за счет внутренних словообразовательных потенций? Возникает множество важных вопросов теоретического порядка. То, что такие вопросы возникают при чтении книги, делает честь ее автору.

N. MOLNAR. THE CALQUES OF GREEK ORIGIN IN THE MOST
ANCIENT OLD SLAVIC GOSPEL TEXTS

Alexandr D. Duliŕenko

S u m m a r y

The monograph by the Hungarian Slavist N. Molnar "The calques of Greek origin in the most ancient Old Slavic Gospel texts (A theoretical examination of calque phenomena in the texts of the archaic Old Slavic Gospel codices (1985))" deals with an old problem in paleo-Slavonic studies, viz. the Greek impact on the vocabulary of ancient Gospel texts. 290 calques are examined within the framework of extensive typological context (the materials comprise later Slavonic texts as well as Biblical texts in Rumanian, Hungarian and Albanian, parallels are drawn from modern Slavonic languages). The monograph evokes a number of theoretical considerations but the fact itself that such a monograph has appeared is noteworthy in Slavonic studies.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Алвре П.Ю.</u> Русские заимствования в союзах уральских языков	3- 23
<u>Аплмере Р.А.</u> К исследованию русских и эстонских прилагательных, описывающих форму предметов ..	24- 30
<u>Бродович О.И.</u> Специфика предложений с начальным it в английском языке Ирландии	31- 38
<u>Вельди Э.</u> Классификация эстонских ономатопов	39- 47
<u>Власык Н.И.</u> Слово в системе иерархических единиц языка	48- 53
<u>Ворохин С.В.</u> Символизм полилабиальных пейоративов (Некоторые вопросы общей теории)	54- 62
<u>Глушак Т.С., Большаков И.И.</u> Семантическая структура класса отглагольных имен безаффиксного типа ..	63- 71
<u>Голикова Н.Н.</u> Прагмакоммуникативная направленность предложений-высказываний с присоединенным компонентом	72- 79
<u>Даугате Э.</u> О роли и месте понятия "внутренняя форма языка" в языковедении Вильгельма фон Гумбольдта	80- 93
<u>Кудрявцев Ю.С.</u> История языка и типологические данные	94-103
<u>Лотман Ю.М.</u> К современному понятию текста	104-108
<u>Мальковский Г.Е.</u> Квазиомонимия и вариантность	109-122
<u>Приходько Н.П.</u> Проблема дифференциации и определения содержания категории модальности	123-129
<u>Скляренко А.М.</u> К вопросу об употреблении определенного артикля с собственными именами	130-138
<u>Сорокина Л.Н.</u> Заимствование как "способ образования графических систем"	139-149
<u>Тулдава Ю.А.</u> Длина слова и распределение слов по длине в тексте и в словаре	150-166
Рецензия:	
<u>Дуличенко А.А.</u> Монография Н. Молнара о греческих кальках в древнейших славянских библейских текстах	167-170

SUMMARIES - RESÜMEES

<u>Alvrs P.</u> Über russische Entlehnungen im Bestand der Konjunktionen der uralischen Sprachen. (In Russisch). - Resümee in Deutsch	23
<u>Allmere R.</u> On the Study of Russian and Estonian Adjectives Expressing the Concept of Shape and Form. (In Russian). - Summary in English	30
<u>Brodovich O.</u> On Anglo-Irish Sentences with the Introductory 'It'. (In Russian). - Summary in English	38
<u>Veldi E.</u> Estonian Onomatopoes: a Classification. (In Russian). - Summary in English	47
<u>Vlasjuk N.</u> Das Wort im hierarchischen System der sprachlichen Einheiten. (In Russisch). - Resümee in Deutsch	53
<u>Voronin S.</u> Sound Symbolism in Polylabial Pejoratives (Some Problems of General Theory). (In Russian). - Summary in English	62
<u>Glušak T., Bolschakow I.</u> Semantische Struktur der suffixlosen Deverbative im Deutschen. (In Russisch). - Resümee in Deutsch	71
<u>Golikova N.</u> Kommunikativpragmatische Tendenz der Äußerungen mit der nachgetragenen Komponente. (In Russisch). - Resümee in Deutsch	79
<u>Daugats E.</u> Über die Rolle und den Platz des Begriffes 'innere Sprachform' in der Sprachkunde W. von Humboldts. (In Russisch). - Resümee in Deutsch	93
<u>Kudryavtsev Yu.</u> Language History and Typological Data. (In Russian). - Summary in English	103
<u>Lotman Yu.</u> On the Contemporary Concept of Text. (In Russian). - Summary in English	107
<u>Malkovsky H.</u> Quasihomonymics and Variation. (In Russian). - Summary in English	122
<u>Prihodko N.</u> On Differentiation and Volume of Modality. (In Russian). - Summary in English	129
<u>Skljarenko A.</u> Zum Gebrauch des bestimmten Artikels vor den Eigennamen. (In Russisch). - Resümee in Deutsch	138
<u>Sorokina L.</u> Borrowing and Creation of Writing Systems. (In Russian). - Summary in English	149
<u>Tuldava J.</u> On Word-length Distribution in Text and Vocabulary. (In Russian). - Summary in English	166
<u>Duličenko A.</u> Review: N. Molnár. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. (In Russian). - Summary in English	170